

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
РАСКОПКИ
НА ДОНУ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
РАСКОПКИ
НА ДОНУ

Редакционная коллегия:

канд. истор. наук С. И. Капошина,
С. М. Марков (ответ. редактор), канд. истор.
наук Д. Б. Шелов.

ВВЕДЕНИЕ

Обширные донские и приазовские степи с богатой растительностью и разнообразным животным миром, мягким умеренным климатом издавна привлекали людей в Нижнее Подонье и Приазовье. Об этом говорят многочисленные памятники далекого прошлого нашего края — древние стоянки и поселения, городища, курганы и могильники, в изобилии встречающиеся в донской дельте.

Советские археологи открыли обиталища людей каменного века, которые охотились на диких лошадей, северных оленей, зубров, собирали дикорастущие злаки, корни, плоды, а также занимались рыболовством.

Особенно богато Нижнее Подонье памятниками эпохи бронзы, когда люди впервые открыли свойства металлов и стали изготавливать орудия труда сначала из меди, а впоследствии из сплава меди и олова — бронзы.

По обоим берегам нижнего течения и по всей дельте Дона разбросана густая сеть поселений и курганных могильников этого времени. В результате исследования этих памятников вырисовывается интереснейшая картина жизни племен скотоводов, часто кочевавших по сочным пастбищам Подонья и частично уже перешедших к земледелию — наиболее развитой форме хозяйства.

Изучение памятников эпохи бронзы помогает выяснить особенности экономики и культуры древнего населения Нижнего Подонья.

✓ Особенно яркие страницы истории этого края связаны с периодом, когда на донских берегах появились и осели скифо-сарматские племена. Раскопанные в дельте Дона скифские курганы дали ценнейшие находки, свидетельствующие о высоком уровне культуры этих племен.

В начале нашей эры вокруг древнего города Танаиса, входившего в состав Боспорского царства, возникли многочисленные земледельческие поселения сарматов. Основой экономики этих поселений было земледелие.

Многочисленные, богатые находки импортных материалов — привозной краснолаковой посуды из греческих мастерских Малой Азии, украшений и амулетов из Египта, а также из Западной Ев-

ропы говорят о широких торговых связях Подонья, о разветвленных торговых путях.

Нижнее Подонье входило в состав Боспорского царства, оно было его форпостом в донских степях, населенных сарматами.

Археологическое изучение памятников древности позволяет говорить о взаимном влиянии античной и сарматской культур. На стыке двух миров — античного и варварского формировалась яркая, самобытная и зрелая культура древности.

Работы советских археологов в области изучения Нижнего Подонья дали уже много нового и обогатили представления о прошлом изучаемого края.

В настоящем сборнике рассказывается о некоторых результатах раскопок археологических памятников на Нижнем Дону в послевоенный период, а также дается обзор археологических работ, проведенных в дореволюционные, довоенные и послевоенные годы в Подонье — Приазовье.

Статьи написаны участниками археологических исследований на Дону и представляют интерес не только для специалистов, но и для широких кругов читателей.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПОДОНЬЯ—ПРИАЗОВЬЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ И ДОВОЕННЫЕ ГОДЫ

І. Дореволюционный период

Многочисленные и разнообразные памятники древности на территории Донского края издавна привлекали внимание путешественников, ученых, местных любителей старины.

В 1436 г. венецианец Иосафат Барбаро приехал в Тану (Азов) и прожил здесь 16 лет. В оставленных Барбаро записках,¹ в частности, рассказывается, как он и шестеро его товарищей-купцов «решили употребить все возможные старания для отыскания сокровища... зарытого аланами в кургане, именуемом Контеббе». Свои раскопки Барбаро начал «в 60 милях от Таны». Судя по всему, раскапывался не курган, а древнее поселение (городище). «Нашли мы, — свидетельствует Барбаро, — слой чернозема... потом слой угля.. потом слой золы... слой просяной шелухи... и, наконец, слой рыбьей чешуи». Было обнаружено также несколько каменных (возможно, глиняных) сосудов и 6 изделий из обожженной глины, по-видимому рыболовных грузил, а также «половина ручки серебряного сосуда в виде змеи».

Уже в наши дни было высказано предположение, что Барбаро вел раскопки на месте известного Кобякова городища, расположенного вблизи г. Аксая на Дону.²

Некоторые памятники древности были обозначены на планах Таганрога, дельты Дона и др., приложенных к описанию путешествия Корба (конец XVII в.). В 1743 г. военный инженер Сацыперов снял план левобережного Цимлянского городища.

Упоминания о курганах, каменных бабах и других памятниках древности Дона есть в сочинениях русских и иностранных ученых-путешественников XVIII — начала XIX в. Здесь следует

¹ «Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина» (перевод с итальянского). «Библиотека иностранных писателей в России», отд. I, т. 1. СПб., 1836.

² Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 гг., СГАИМК, I, 1926, стр. 126; СГАИМК, II, 1929, стр. 73—74.

назвать профессора С. Г. Гмелина-младшего (1744—1774), который в 1768 г. проехал по маршруту Воронеж — Павловск — Цимлянская — Черкасск — Азов — Царицын; И. П. Фалька (1727—1774), выехавшего из Петербурга на юг в 1768 г.; академика И. А. Гильденштедта (1745—1781), который в 1773 г. прибыл с Кавказа на Дон, в г. Черкасск, и оттуда поехал в Азов; академика П. С. Палласа (1741—1811), посетившего в 1793—1794 гг. южные районы России; Э. Кларка (1769—1822) и др.

В первой половине XIX столетия собиранием и описанием местных памятников древности занимались жившие на Дону помещики Лукьянов и Мержанов; полковник Пудовов и др. Среди них особенно выделялся Алексей Андреевич Мартынов (1777—1865). Ему принадлежала Недвиговка (между Ростовом и Таганрогом), в пределах которой находились руины древнего Танаиса. А. А. Мартынов оставил «Записки о местностях в войске Донском и вещественностях, там открытых, заслуживающих внимания антиквариев и историков, с присовокуплением преданий. Составлены войска Донского полковником Алексеем Мартыновым. 1842—1847 годов на Дону». В собственно археологической части «Записок» содержались сведения о курганах, городищах и других памятниках древности отдельных округов области войска Донского, с зарисовками (впоследствии, к сожалению, утраченными) отдельных памятников, в том числе эпитафических.¹

Рукописью «Записок» пользовался в свое время проф. П. М. Леонтьев, ведший в середине XIX в. археологические изыскания на Дону. «Записки» были опубликованы в отрывках уже после смерти А. А. Мартынова.²

Ревностным собирателем донских древностей являлся войсковой старшина Лев Яковлевич Лукьянов, у которого, по свидетельству современников, имелось «довольно любопытное собрание разного рода вещей», найденных в курганах, в том числе «глиняные урны с оттисками разных фигур на дне» и т. д.³

В 1824 г. на страницах «Вестника Европы» появились два письма «основателя археологических розысканий на Юге России» И. А. Стемпковского, содержащие данные «о местоположении города Танаиса» и о других памятниках древности Дона, собранные автором во время поездки «вдоль берегов Дона... через землю Донских казаков» в 1824 г.⁴ И. А. Стемпковский высказал мысль, что остатки Танаиса «существуют доныне... близ донского села

¹ П. Н. Черняев. А. А. Мартынов и его археологические записки. ЗСКОАИЭ, т. III, вып. 5—6, 1929, стр. 42—46.

² «Дон». Новочеркасск, 1887, № 7—12.

³ А. А. Писарев. Замечание о медали, найденной близ Азовского моря (в 1823 г.). «Труды и записки Общества истории и древностей Российских», ч. III, кн. I. М., 1826, стр. 138—142. П. П. Свиньин. Обзор путешествия издателя «Отечественных записок» по России в 1825 году относительно археологии. «Отечественные записки», ч. XXV, № 69, январь 1826 г., стр. 62—63.

⁴ См.: «Вестник Европы», 1824, № 4 и 23; «Прописи». Сб. статей по классической древности, т. IV. СПб., 1854, стр. 387—395.

Недвиговки», где он «на возвышенном и крутом берегу реки нашел следы акрополя или цитадели».

Осмотрел И. А. Стемпковский и несколько других «древних окопов» (городищ) Нижнего Дона: Гниловское, Сухочалтырское и близ станицы Аксайской (очевидно, Кобяковское).

В следующем, 1925 г., поездку на Дон совершил журналист, писатель и путешественник П. П. Свинын. В описании этой поездки наиболее примечательны данные о виденных Свиныным в г. Таганроге статуях античного времени.¹

Спустя 30 лет после поездки И. А. Стемпковского, в 1853 г., проф. П. М. Леонтьев произвел в дельте Дона обширные археологические изыскания. Были осуществлены раскопки примерно одной десятой площади Недвиговского городища.

По справедливому указанию Т. Н. Книпович, работа П. М. Леонтьева — «настоящее историческое исследование, составленное широко образованным ученым-классиком, сумевшим собрать и в основном правильно определить и истолковать бывшие ему доступными письменные, эпиграфические и нумизматические источники».²

Именно работы П. М. Леонтьева положили начало раскопкам на Дону, история которых насчитывает, следовательно, уже более столетия.

Раскопками П. М. Леонтьева впервые бесспорно было установлено тождество Недвиговского городища Танаису.³ В процессе раскопок были обнаружены остатки крепостных стен и башен, отдельных строений, ряд эпиграфических памятников большого научного значения, множество предметов древности и т. д. Публикование результатов работ П. М. Леонтьева усилило интерес широкой общественности к памятникам древности Дона.

Раскопки западной части Недвиговского городища и 50 погребений местного некрополя, производившиеся В. Т. Тизенгаузенем в 1867 г., мало содействовали обогащению знаний о Танаисе Тизенгаузена интересовали надписи, уникальные изделия, а все другое вызывало чувство разочарования, пренебрежительно оставлялось, как правило, на месте и не заносилось в отчетные материалы.

В 1870 г. раскопки на Недвиговском городище и некрополе вел П. И. Хицунов. Раскопки этиполнили корпус эпиграфических памятников Танаиса и дали некоторые дополнительные материалы о городских сооружениях и о времени существования Танаиса.

¹ Б. В. Лунин. К вопросу о судьбе шести статуй, виденных И. А. Стемпковским и П. П. Свиныным в г. Таганроге в 1824—25 гг. ЗСКОАИЭ, т. III, вып. 5—6, 1929, стр. 25—39.

² Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 4.

³ П. М. Леонтьев. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях. «Пропилеи», сб. статей по классической древности, издаваемый П. М. Леонтьевым, кн. IV. М., 1854, стр. 396—524; его же. Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических изысканиях в 1853 г. СПб., 1855.

Этим и ограничивается история изучения Недвиговского городища в дореволюционный период. Правда, после того как казак Алексей Смычков случайно обнаружил богатые погребения в недвиговском некрополе, проф. Н. И. Веселовский в 1908—1909 гг. вскрыл здесь около 90 погребений. Последние содержали обильный могильный инвентарь. Были сделаны ценные наблюдения о различных способах захоронения, хотя отчет Н. И. Веселовского о раскопках носил суммарный и во многом весьма нечеткий характер.¹

Что касается эпиграфических памятников Танаиса, то они приобрили широкую известность, многие из них публиковались в различных изданиях. Наиболее полная публикация была осуществлена акад. В. В. Латышевым, включившим подавляющее большинство найденных тогда надписей Танаиса в свою работу «*Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*».

Надписи Танаиса В. В. Латышев разделил на три группы: 1) посвятительные (сделанные в честь какого-либо лица); 2) рассказывающие о строительстве городских сооружений; 3) связанные с существовавшими в Танаисе религиозными союзами, объединениями (синоды, фиасы). Из надписей известно устройство общественной жизни Танаиса, наличие в городе двух этнических групп: эллинов и танаитов. Большой интерес вызывали упоминаемые в надписях имена жителей города (греческие, римские, местные, греческие в сочетании с местными и т. д.). Фиасам Танаиса были посвящены специальные работы.²

Интересовал исследователей также состав монетных находок на Недвиговском городище и вопрос о том, чеканились ли в Танаисе монеты. Ростовский археолог А. М. Ильин, изучив нумизматические находки из Недвиговского городища, пришел к выводу, что монетного чекана в Танаисе не было.

Таковы в общих чертах результаты изучения Недвиговского городища в дореволюционный период.

Выводы дореволюционных исследователей сводились к тому, что Недвиговское городище не содержит предметов «дополюмоновского»³ времени, поэтому уже после раскопок П. М. Леонтьева встал вопрос: где же искать остатки «дополюмоновского» Танаиса, существование которого засвидетельствовано Страбоном?

В ходе дискуссионного обсуждения вопроса было обращено внимание на крупное городище вблизи станицы Елизаветовской в дельте Дона и расположенные в этой же местности курганы. Сам П. М. Леонтьев осмотрел городище и раскопал вблизи него

¹ ОАК. 1908 г. СПб., 1908, стр. 122—129; ОАК за 1909—1910 гг. СПб., 1913, стр. 139; Н. И. Веселовский. Танаис Младший. «Гермес», 1909, № 6, стр. 246.

² Напр., И. В. Помяловский. О танаитских коллегиях. Тр. VI АС, т. II, 1884, стр. 24—36.

³ Полемон I — боспорский царь, при котором Танаис пытался отложиться от Боспорского царства, за что по повелению Полемона якобы был разрушен. Дата смерти Полемона — 8 г. н. э.; Боспором он правил всего 6 лет.

23 курганные насыпи, не придя, однако, к каким-либо определенным выводам.

В 1869 г. П. И. Хицунов раскопал еще 60 курганов. Он обратил внимание также на обособленную группу, состоявшую более чем из 10 насыпей и расположенную северо-западнее хут. Колузаево. Вся группа называлась Пять братьев (по пяти наиболее крупным насыпям). Хицунов раскопал здесь два больших и четыре малых кургана, получив при этом замечательные материалы, не нашедшие, однако, надлежащего истолкования. Возбудив интерес к елизаветовским курганам, ни Леонтьев, ни Хицунов не смогли правильно датировать и определить найденные ими вещественные материалы. Впоследствии М. И. Ростовцев указал на местный характер погребений и большую близость насыпей из группы Пяти братьев к курганам скифов-кочевников.¹

Еще раз блеснули елизаветовские курганы богатством погребального инвентаря в 1901 г. во время раскопок, предпринятых археологом-любителем И. И. Ушаковым.² В «ушаковском кургане» был погребен, видимо, представитель высшего социального слоя местного населения VI—V вв. до н. э. В состав инвентаря входили ионийский чернофигурный сосуд, меч в золотых ножнах, украшенных изображениями в скифском «зверином» стиле.

Серьезное значение имели раскопки, осуществленные в 1908—1909 и 1911 гг. под руководством А. А. Миллера. Было вскрыто 60 курганов близ станицы Елизаветовской, органически связанных с елизаветовским городищем. Раскопки эти носили строго научный характер (хотя и велись методом «колодцев» и «глухих» траншей) и в отличие от елизаветовских раскопок П. М. Леонтьева, П. И. Хицунова и других оставили заметный след в науке.³ Было установлено, что, несмотря на наличие в составе могильного инвентаря привозных изделий античного характера, погребения принадлежат представителям местного населения («скифского»), возможно — не жителям Елизаветовского городища, а кочевого населения, связанного с городищем торгово-экономическими операциями.

А. А. Миллер, в частности, нашел захоронения лошадей с инвентарем поблизости от человеческих захоронений. Было обнаружено, что некоторые крупные курганы укреплены крепидами из рваного камня.

Во время раскопок 1910 г. в одном из курганов впервые было найдено каменное изваяние человеческой фигуры («каменная баба» скифского времени). Между руками фигуры было высечено изображение ритона (питьевого рога), ниже руки, у пояса, — изоб-

¹ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., РАИМК, 1925, стр. 530, 534.

² Архив ИА, д. 240 (10001), 1901 г.; ОАК, 1901 г. СПб., 1903, стр. 150.

³ А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса (1910). ИАК, вып. 35, 1910, стр. 86—90, 120—124; его же. Раскопки у станицы Елизаветовской в 1911 г. ИАК, вып. 56, 1914, стр. 220—247.

ражение скифского акинака (меча) и горита (налучья) с выступающим из него луком.¹

Тогда же, в 1910 г., А. А. Миллер высказал мысль, что высохшее русло Дона, к которому примыкает северным краем Елизаветовское городище и продолжением которого служит ерик Дугин, было остатком протока, служившего во времена Танаиса главной судоходной артерией среди рукавов Дона. Геологические наблюдения В. В. Богачева также привели к выводу, что «ерик Дугин был судоходен в V—I веках до Р. Х.»²

Это позволило предположить, что Елизаветовское городище и есть древнейший Танаис, после обмеления судоходного русла Дона перенесенный на новое место, на территорию современной Недвиговки. Такое заключение находило, казалось, подтверждение в отсутствии в культурных отложениях Недвиговского городища древностей более ранних, чем I в. до н. э., в чем тогдашние исследователи были уверены.

В дореволюционной литературе сложилось мнение, что остатки древнего Танаиса следует видеть в Елизаветовском, а его «продолжение» — в Недвиговском городище. Появились термины: «Танаис Возобновленный», «Танаис Старший» и «Танаис Младший».

С течением времени были обнаружены остатки других древних поселений в низовьях Дона, существовавших в одно время с Танаисом («Возобновленным»). Одно из таких поселений в черте Ростова-на-Дону было обследовано и описано А. М. Ильным, усмотревшим в нем без достаточных, впрочем, оснований передовую факторию Танаиса, тогда как оно представляло собой одно из обычных звеньев в цепи селений, связанных с Танаисом.

Параллельно с изучением вопроса о Танаисе и других древних поселениях Подонья — Приазовья античного времени шел процесс накопления данных и о более ранних периодах в истории этого края.

К 60-м годам XIX в. относятся первые сообщения о найденных на территории Подонья — Приазовья памятниках каменного века (акад. К. М. Бэр и др.). Правда, и тогда и позже под этими памятниками подразумевались изделия из камня (микролитические и другие поделки), значительная часть которых относилась ко времени энеолита и бронзового века.

Вскоре были составлены первые сводки археологических памятников и находок в Подонье — Приазовье.

Усердным собирателем и регистратором памятников древности был основатель Донского музея в Новочеркасске Харитон Иванович Попов (1834—1925). Во время своих поездок по округам Донской области он собрал множество сведений о местных

¹ А. А. Миллер. Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом ИГАИМК, т. IV, 1925, стр. 97—114.

² В. В. Богачев. Географическое развитие дельты Дона в связи с ее заселением. Сб. Учено-литературного общества при Юрьевском университете, вып. XVI. Юрьев, 1911.

памятниках древности, часть из них осмотрел сам. Представленная им в 1869 г. I Всероссийскому археологическому съезду работа «Сведения о древних памятниках, находящихся на земле войска Донского» обратила на себя внимание богатством фактического материала и была опубликована в трудах съезда. Трудолюбию и усердию Х. И. Попова обязаны мы тем, что в Донском музее в Новочеркасске сосредоточено обширное и ценное собрание донских древностей от бронзового века до позднего средневековья. Однако собрание это страдало присущими большинству провинциальных музеев того периода недостатками: «беспаспортностью» ряда находок, отсутствием строгой систематизации и т. п.

Х. И. Попов составил также каталог древностей Донского музея. Каталог этот не был закончен изданием и не увидел света. В собрании музея сохранился тираж уже отпечатанных (до 1905 г.) 14 листов, и редко кто из археологов-специалистов, занимавшихся изучением донских древностей, не прибегал к помощи этой работы Х. И. Попова.

Помимо Х. И. Попова, нужно назвать также Н. Сарандинаки, сообщившего I Археологическому съезду сведения о некоторых донских курганах, и А. Л. Крылова.

Наиболее быстро накапливались знания о памятниках эпохи бронзы.

Древности бронзового века часто находили случайно, но больше всего — при раскопочных работах. Погребения бронзового века были встречены у станиц Елизаветовской и Гниловской еще П. М. Леонтьевым.

В. Г. Тизенгаузен начинал копать курган Гиреева могила близ Аксая (1865), Клиновый курган близ Аксая же и Круглый курган близ станицы Гниловской (1866), в которых содержались также и погребения бронзового века. Затем раскопки курганных погребений велись Н. Г. Керцели возле Новочеркасска (1877), А. Л. Крыловым близ слободы Ильинки, к северу от р. Сала, и близ Новочеркасска (1878), Р. К. Кюгельгеном у слободы Ореховой Усть-Медведицкого округа (1885).

В 1888 г. в окрестностях хут. Ярского на берегу р. Чира был открыт, по-видимому, древнейший из известных на Нижнем Дону могильников,¹ родственный, как теперь выясняется, известному Мариупольскому могильнику.

Далее раскопки вели: Н. Е. Бранденбург вблизи селения Орехова Таганрогского округа (1889), у станицы Царедарской Ростовского округа (1891) на правом берегу р. Дона, выше впадения Донца (курган Баба, 1891); В. Г. Тизенгаузен возле станиц Нижне-Чирской, Аксайской, Гниловской, г. Новочеркасска; В. И. Ястребов в станице Голубинской, близ хут. Мостовского (1890);

¹ Я. Яковлев. Плоские могилы каменного века на р. Чир в Донской области. Тр. Харьковского предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда, т. I, Харьков, 1902, стр. 143—146.

И. М. Сулин вблизи хут. Каменобродского Черкасского округа (1896); В. А. Харламов в юртах станиц Нижне-Кундрюченской, Усть-Быстрянской и Усть-Белокалитвенской (1900—1901); он же (вместе с И. М. Сулиным) в пределах Саур-могилы в ст. Нижне-Кундрюченской и на берегах р. Калмиуса и в области войска Донского (1903—1904); И. Тимошенков у станицы Каменской (1901); В. В. Богачев в районе Кобяковского городища близ станицы Аксайской (1901); В. А. Харламов близ хут. Нижне-Серебрякова Екатерининской станицы (1901); И. М. Сулин на восточной окраине станицы Аксайской (1902), Марков в Тишинской станице (1902); Ф. И. Перцев в черте Ростова-на-Дону (Никольский курган, 1903) и вблизи станицы Гниловской (Долгая могила, 1904), вблизи границы Затемерницкого поселения в Ростове-на-Дону (1905); П. С. Сахаров на левом берегу р. Донца, в окрестностях станицы Нижне-Кундрюченской (1910—1912); А. М. Ильин в черте Ростова-на-Дону (Олимпиадовский и Братский курганы, 1912 и Земский курган, 1914); Понырек у станицы Каменской (1914); Федоровский близ Новочеркасска (1916). До революции было обращено также внимание на многочисленные находки кремневых поделок в донецко-кундрюченских песках.

Изучение памятников бронзового века на Дону ограничивалось, как правило, раскопками курганных погребений.

С течением времени в поле зрения исследователей стали попадать и памятники эпохи феодализма. Так, в центре внимания оказалось одно из городищ близ станицы Цимлянской (левобережное Цимлянское городище), вызывавшее интерес еще в XVIII в. Высказывалось предположение, что это — остатки хазарской крепости Саркел, построенной по просьбе хазарских правителей византийским мастером спафарокандидатом Петроном, и города Белая Вежа, упоминавшегося в русской летописи. Об этом же говорили находки христианских древностей в районе Цимлянского городища.

Первые небольшие раскопки на левобережном Цимлянском городище велись еще в начале XIX в. В 1860 г. городище обследовалось местным археологом-любителем Чаусовым.

Выступления в печати местных краеведов, а также случайные находки на городище в 80-х годах XIX в. вызвали еще больший интерес к городищу. По заданию Московского археологического общества В. И. Сизов (1883—1884 гг.) и затем проф. Н. И. Веселовский (1887 г.) провели раскопки на Цимлянском городище. Сизов обнаружил интересные вещественные материалы, преимущественно периода русского поселения. Однако ни Сизову, ни Веселовскому не удалось ответить на вопрос, здесь ли находился хазарский Саркел. Веселовский даже высказал предположение, что городище уже не представляет ценности для науки (оно плохо сохранилось).

Ревностным сторонником изучения Цимлянского городища являлся Х. И. Попов, представивший в 1893 г. свой доклад IX Все-

российскому археологическому съезду. Докладу сопутствовала публикация плана городища, сделанного в 1844 г.¹

Примерно в то же время, что и Веселовский, на городище побывал и пробовал вести там раскопки уроженец Дона художник В. В. Часовников, считавший, что обнаруженные им в северной части городища остатки здания представляют собой руины христианского храма. Звереву мы обязаны описанием некоторых христианских древностей из находок в Цимлянском городище (кресты-энколпионы и др.).

Следует сказать еще о нескольких наиболее примечательных находках на Дону, так называемых кладах. Например, новочеркасский «клад» — погребальный инвентарь сарматской царицы, обнаруженный в 1864 г. в черте г. Новочеркасска в кургане Хохлач. Спустя четыре года, в 1868 г., при рытье котлована недалеко от берега р. Морской Чулек (примерно в 32 км от Таганрога) нашли другой «клад» — по-видимому, также входивший в состав погребального инвентаря (золотые бляхи-медальоны, серьги, браслеты и др.).

Золотой массивный сосуд сарматского времени с ручкой в виде оленя и «точечной» надписью наверху: «Тарулос сын Ксеванок делал» был обнаружен в станице Мигулинской на Дону.²

Среди других случайных находок следует отметить мраморную плиту-надгробие из Азова с изображением креста и надписью в память Иакова Корнаро «по дожескому повелению посланника и консула в Тане и по всей империи Газарии». Это единственный известный нам эпиграфический памятник, найденный на территории Таны.³

В дореволюционное время изучались также памятники архитектуры в Подонье — Приазовье: кирпичный «пороховой погреб» и крепостные ворота в земляном валу в г. Азове, Воскресенский собор в Черкасске и др.

В изучении древностей Дона принимал участие ряд исследователей, в том числе многие видные ученые. Один из них (П. М. Леонтьев, Н. Е. Бранденбург, Н. И. Веселовский, А. А. Миллер, В. Г. Тизенгаузен) вели изыскания непосредственно на Дону, другие (И. В. Помяловский, В. В. Латышев, М. И. Ростовцев) изучали отдельные памятники древности Дона из числа случайных находок или из материалов раскопок других лиц.

Постепенно увеличивалось число местных любителей старины, краеведов-археологов, среди которых были люди со специальной подготовкой (В. А. Канский, А. М. Ильин). Они осуществляли реконструкторские обследования, вели археологические разведки (а иногда и раскопки), организовывали музеи, научные общества, проводили научно-популярную работу.

¹ Х. И. Попов. Где находилась казарская крепость Саркел. Тр. IX АС. т. I, 1895, стр. 267—277.

² М. И. Ростовцев. Надпись на золотом сосуде из станицы Мигулинской на Дону. ИАК, вып. 63, 1918, стр. 106—108.

³ ОАК, 1890 г. СПб., 1893, стр. 40.

Заканчивая обзор дореволюционного периода в археологическом изучении Подонья—Приазовья, необходимо сказать о плодотворной деятельности Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы (1909—1917), издавшего два тома «Записок», содержащих много ценного археологического материала.¹ Усилиями членов общества систематически пополнялись археологические собрания Ростовского-на-Дону городского музея и был издан (весьма, правда, несовершенный) каталог последнего.

Воздавая должное дореволюционным исследованиям прошлого Дона в области археологии, мы, однако, можем сказать, что до Октябрьской революции сохранилось положение, при котором, по словам А. А. Спицына, «Дон нам так неизвестен (в археологическом отношении. — Б. Л.), что можно ожидать на нем встретить все, что угодно».²

II. Пореволюционный период (1917—1941 гг.)

Первые годы после победы Великой Октябрьской социалистической революции в России проходили на Дону в обстановке острой классовой борьбы. Естественно, что это не способствовало развертыванию работ по археологическому изучению края. Правда, в 1917—1920 гг. в Ростове существовало Ростовское-на-Дону общество истории и древностей, но сколько-нибудь приметных работ и изысканий им не велось.

Советская власть с первых дней своего существования на Дону проявила заботу о музеях и научно-краеведческих организациях, об охране архивов и памятников старины.

Показательно, что в 20-х годах в Ростове-на-Дону функционировало специальное учебное заведение — Донской археологический институт с отделениями истории искусств и археологии и этнологии. Преподавали в нем проф. А. И. Яцимирский, археолог А. М. Ильин и др.³

В связи с реорганизацией высшей школы РСФСР институт прекратил свое существование в 1922 г. В этом же году было создано Донское общество археологии и истории искусств в Ростове-на-Дону, в свою очередь реорганизованное (в 1925 г.) в Северо-Кавказское краевое общество археологии, истории и этнографии, являвшееся наиболее крупной из специализированных в области гуманитарных наук научно-краеведческих организаций на

¹ Третий том «Записок» был сдан в печать, но не вышел в свет; отдельным оттиском издана только часть тома в виде книги: А. И. Ригельман. Ростов-на-Дону 150 лет тому назад. Под ред. и с предисловием А. И. Стефанова. Ростов-на-Дону, 1918.

² Письмо А. А. Спицына Х. И. Попову 28 апреля 1896 г.

³ Видный ученый профессор Александр Иванович Яцимирский (1873—1925) отдал много сил и энергии работе в институте, Ростовском музее, научно-краеведческих организациях, был, в частности, председателем Донского общества археологии и истории искусств, живо интересовался изучением древностей Дона (см. А. Д. Силин. Профессор Александр Иванович Яцимирский. ЗСКОАИЭ, т. III, вып. 3—4, 1928, стр. 53—60).

Северном Кавказе. Эти общества были тесно связаны с Донским областным музеем в Ростове-на-Дону и музеями Новочеркасска и Таганрога, которые активно участвовали в организации археологических разведок, собирании и изучении памятников и предметов древности.

Интенсивную работу вела также секция археологии, антропологии, этнографии и истории искусств (в последующем — секция истории материальной культуры) Северо-Кавказского (Азово-Черноморского) бюро краеведения, возглавлявшаяся археологом А. М. Ильным.

Археологические работы этого времени проходили в обстановке сочувственного внимания широкой советской общественности. Издававшиеся на Дону газеты и журналы освещали на своих страницах итоги археологических изысканий, публиковали сведения об отдельных находках.

Активно работали также краеведы-археологи Азова, Новочеркасска, Таганрога. Однако «расцвет массового краеведения был, к сожалению, прерван в середине 30-х годов».¹

В 30-х годах проводило свою деятельность Ростовское областное бюро государственной охраны и изучения памятников революции, искусства и археологии при президиуме Ростоблисполкома. На средства бюро велись небольшие археологические разведки и раскопки на Дону. Бюро издало первый выпуск своих трудов, издание второго выпуска было прервано войной.

В 1923—1928 гг. археологические изыскания на Дону вела Северо-Кавказская экспедиция Государственной академии истории материальной культуры во главе с проф. А. А. Миллером. Экспедиция вела разведочные и раскопочные работы. В центре внимания было Кобяково городище, вблизи станицы Аксайской, в котором мощные культурные слои доскифского времени перекрывались культурными отложениями первых веков н. э. Основной задачей экспедиции явилось изучение древнейших культурных отложений ряда нижнедонских городищ.

Эпоха бронзы до того была известна только по материалам нескольких курганов и случайных находок. Северо-Кавказская экспедиция впервые собрала разнообразный материал о древних поселениях (Кобяковом, Гниловском и др.) этой эпохи.

Значительный вклад Северо-Кавказская экспедиция внесла в изучение древних нижнедонских поселений так называемого «римского», или сарматского, времени, в которых А. А. Миллер склонен был видеть группу периферийных сельских поселений, экономически и культурно связанных с Танаисом и от него зависевших. Связь с Танаисом обуславливала и влияние на культуру этих поселений более развитой античной культуры. Были обнаружены на Нижнем Дону поселения более позднего, «византийского» времени.

Попытаемся теперь отразить результаты пореволюционных ар-

¹ И. С. Юнъев. Возродить массовое краеведческое движение. «Коммунист», 1960, № 3, стр. 157.

хеологических исследований на Дону по основным этапам развития человеческого общества.

Советские исследователи В. И. Громов, С. Н. Замятин и другие в низовьях Дона нашли отщеп кремневого орудия мустьерского времени (у Бессергеновки) и верхнепалеолитические поделки (у Лакедемоновки, близ Таганрога, и у станции Матвеев-Курган). Это были первые данные о палеолитических стоянках в этих местах, подтвердившиеся уже в послевоенный период.

Резко возрос интерес советских исследователей к памятникам эпохи бронзы. Мы уже говорили о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК по изучению поселений эпохи бронзы на Дону. До этого, летом 1921 г., Археологический институт в Ростове-на-Дону произвел примерно в 4 км к западу от города раскопки курганов с погребениями бронзового века.¹

Таганрогское общество краеведения провело археологическое обследование побережья Азовского моря к западу от Таганрога. Здесь были найдены памятники разных эпох, начиная от эпохи бронзы и кончая средними веками.

Один из курганов на водоразделе против Золотой Косы contained в составе погребального инвентаря уникальный сосуд срубной культуры с 23 различными знаками («надписью») на шейке.

Г. А. Иноземцев в районе станицы Верхне-Гниловской раскопал курган эпохи бронзы. Там оказались скорченные окрашенные костяки и кремневые поделки. Он изучал также культурные отложения эпохи бронзы в Гниловском городище.

В 1930 г. небольшие раскопки на Хопровском городище (Нижний Дон) вел проф. В. А. Городцов. Он считал, что ранние культурные отложения городища восходят ко времени киммерийцев (приблизительно VIII в. до н. э.).²

Для изучения памятников бронзового века большое значение имели в этот период работы, проводившиеся в связи со строительством Манычского канала экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР под руководством М. А. Артамонова. На протяжении 1933, 1935 и 1937 гг. экспедиция широко обследовала территорию строительства. Среди обнаруженных и исследованных ею памятников древности особенное значение имели многочисленные памятники эпохи бронзы, в частности курганные погребения. Последние дали вещественные материалы, близкие древним культурам эпохи бронзы на территории Нижнего Поволжья, а также Северного Кавказа, тесно связанного тогда с перднеазиатскими цивилизациями.³

¹ С. А. Локтюшев. Погребение бронзовой эпохи из кургана близ г. Ростова-на-Дону. ЗСКОАИЭ, т. III, вып. 3—4, 1928, стр. 12—14.

² В. А. Городцов. Археологические изыскания на Дону и Кубани в 1930 г. «Памятники древности на Дону», т. I, стр. 3—4.

³ М. И. Артамонов. Работы на строительстве Манычского канала. Отчет. Работы Гос. Академии истории материальной культуры на новостройках. ИГАИМК, вып. 109, 1934, стр. 201—212.

В районе Маныча обозначился один из локальных вариантов катакомбной культуры, близкий кавказской культуре эпохи бронзы. Здесь же впервые был установлен восходящий, оказывается, еще к бронзовому веку обычай искусственной деформации чере-
пов.

Большое значение имело опубликование работы А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, в которой рассматриваются основные формы материального производства в родовом обществе степей Восточной Европы, в том числе на территории Нижнего Дона.¹ Развивая и уточняя классификацию В. А. Городцова, авторы проследили на обширном материале, что так называемые «ямные» погребения в курганах соответствуют в основном охотничье-рыболовецкому обществу, «катакомбные» — скотоводческому с зачатками земледелия, «срубные» — преимущественно земледельческому. Были также прослежены локальные варианты погребений указанных типов.

Советские исследователи весьма активно изучали также древности скифо-сарматского времени на Дону.

В 1928 г. Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК при участии местных археологов² впервые провела на Елизаветовском городище раскопочные работы строго научного характера. Были выяснены устройство и характер располагавшихся на его территории жилых и других строений. Б. Н. Граков занимался изучением найденных там амфор с клеймами астиномов.³

Единственным скульптурным памятником древности с Елизаветовского городища и поныне продолжает оставаться найденный в 30-х годах описанный нами мраморный рельеф второй четверти IV в. до н. э.⁴ Рельеф этот представляет собой надгробие с изображением погребального пира (загробной трапезы) и хранится сейчас в Ростовском областном музее краеведения; он служит подтверждением того, что в составе населения Елизаветовского городища были греки.

Чрезвычайно важными для изучения древнего Танаиса следует признать работы Т. Н. Книпович. В одной из них Т. Н. Книпович, основываясь на археологических находках прошлого столетия в Подонье—Приазовье, хранящихся в Новочеркасском музее, установила, что ранние торговые сношения области Танаиса с Грецией восходят еще к VII—VI вв. до н. э.⁵

¹ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. ИГАИМК, вып. 119, 1935.

² С. А. Вязигин. Археологические раскопки на Елисаветовском городище в 1928 году. ЗСКОАИЭ, т. III, вып. 5—6, 1929, стр. 48—54.

³ Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с инициалами афинян. М., 1929.

⁴ Б. В. Лунин. Мраморный рельеф с изображением ~~копеечного~~ ~~монета~~ из Елизаветовского городища (дельта р. Дон). «Советское ~~искусство~~ ~~искусство~~ на ~~Кавказе~~ ~~Кавказе~~», вып. 2. Ростов-на-Дону, 1933, стр. 56—66.

⁵ Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях племен с южной реки Танаиса в VII—V вв. до н. э. ИГАИМК, вып. 104, 1934, с. 390—400.

Другая большая работа Т. Н. Книпович являлась первой попыткой дать общую характеристику Елизаветовского городища.¹

Было установлено присутствие эллинистического материала в древних поселениях Таганрогской округи. Таганрогские краеведы обнаружили обломки эллинистических амфор и ручку чернолакового сосуда на одном из древних поселений у Золотой Косы. Большой материал дали раскопки некрополя у Беглицкой Косы.

Что касается Недвиговского городища, то в предвоенные годы его неоднократно посещали археологи Москвы, Ленинграда и Ростова, но дело ограничивалось преимущественно топографическими наблюдениями, инструментальными съемками и сборами подъемного материала. Последние дали довольно значительные сведения, в частности, о повседневной утвари, бытовавшей в среде населения Танаиса (главным образом керамика). Встречались также находки нумизматического и эпиграфического характера.

Существенными для решения ряда вопросов истории Танаиса явились выступления в печати акад. С. А. Жебелева.

В одной из своих работ С. А. Жебелев подверг сомнению считавшийся твердо установленным факт разрушения Танаиса боспорским царем Полемоном, о чем свидетельствовал Страбон. С. А. Жебелев обратил внимание на то, что соответствующее слово у Страбона имеет двоякое значение: «разрушать» и «разграблять». Последнее — более достоверно, ибо, подавляя стремление меотийских (приазовских) племен к независимости, Полемон вряд ли стал бы уничтожать при этом столь крупный торговый центр Подонья — Приазовья, каким был Танаис.²

С. А. Жебелев подсчитал также встречающиеся в надписях Танаиса имена и отчества чисто греческие и римские, туземные и смешанные (имя греческое, отчество туземное, и наоборот), что важно для выяснения удельного веса различных этнических элементов в Танаисе.

Интересовался С. А. Жебелев и танаисскими фиасами (религиозными культовыми обществами, объединявшими представителей господствующего класса), причем он обратил внимание на то, что в списках коллегии почитателей «всевышнего бога» фигурируют некие «братья-приемыши». В афинском уставе коллегии Вакха-Диониса II в. н. э. «братьями-приемышами» назывались те члены, которые были приняты со стороны (отцы их не входили в коллегию).

Танаисские фиасы привлекали внимание и других исследователей (Н. И. Новосадский,³ К. М. Колобова⁴). К. М. Колобова при

¹ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елизаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 году. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 111—201.

² С. А. Жебелев. Боспорские этюды, т. III. Был ли Танаис разрушен Полемоном. Сб. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 7—56.

³ Н. И. Новосадский. Боспорские фиасы. ТСАРАНИОН, т. III, 1928, стр. 55—70.

⁴ К. М. Колобова. К вопросу о судовладении в древней Греции. ИГАИМК, вып. 61, 1933.

изучении греческих надписей Танаиса обратила внимание на ошибки, объясняемые влиянием на греческий язык местного сарматского языка.¹

Все эти годы не прекращалось обсуждение вопроса о местонахождении древнего Танаиса. 16 декабря 1926 г. специально для разработки вопросов, связанных с изучением Танаиса, была создана Танаисская комиссия ЗСКОАИЭ, на заседаниях которой был заслушан ряд научных докладов и сообщений. Деятельность комиссии продолжалась до 1930 г.

В результате работ Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в пореволюционные годы значительно пополнился также запас сведений о древних поселениях первых веков н. э. в дельте р. Дона.

Ряд наблюдений был сделан местными археологами.² А. Т. Стефанов опубликовал весьма любопытную зарисовку очертаний Темерницкого и Ростовского городищ по плану 1768 г., снятому комендантом крепости Дмитрия Ростовского военным инженером А. И. Ригельманом.³ Одно из поселений первых веков н. э. было открыто у окраины хут. Подазовского, в 5 км к юго-западу от Азова. Была сделана попытка воссоздания жилища одного из сарматских поселений Нижнего Дона.

Археологи начали изучать придонские поселения средневекового периода и с течением времени накопили большой материал. Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК в 1926—1927 гг. (проф. А. А. Миллер) и в 1929 г. (М. И. Артамонов) обследовала ряд средневековых поселений по среднему и нижнему течению Дона. В процессе работ вновь возник вопрос о местонахождении Саркела.

Уже разведочные работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1927—1929 гг. дали основания связать крупное городище близ станицы Цимлянской, у хут. Попова, на левом берегу Дона, с давно отыскивавшимся учеными поселением Саркел—Белая Вежа. В 1934—1936 гг. специальной экспедицией под руководством М. И. Артамонова на городище были осуществлены большие раскопочные работы.

Раскопки установили, что Саркелская крепость имела вид вытянутого прямоугольника с кирпичными стенами толщиной в 3,70 м и квадратными башнями. Кирпичные здания находились также внутри крепостных стен. В X в. военное значение Саркела падает. Крепостные стены начинают разбираться, и территория крепости густо заселяется, показателем чего служат остатки многочисленных глинобитных строений оседлого земледельческо-ско-

¹ К. М. Колобова. К вопросу о сарматском языке. ИГАИМК, вып. 100, 1933, стр. 416—436; ее же. Еще о сарматском языке. ПИДО, 1935, № 1—2, стр. 192—196.

² Г. А. Иноземцев. Ростовское городище. ЗСКОАИЭ, т. III, вып. 2, 1927, стр. 21—23; Л. А. Ширман. Кизитиринский некрополь (могильник Кизитиринского городища). ЗСКОАИЭ, т. III, вып. 3—4, 1928, стр. 65—70.

³ А. Т. Стефанов. Топография Темерницкого и Ростовского-на-Дону городищ по планам 1768 г. ЗСКОАИЭ, т. III, вып. 3—4, 1928, стр. 15—18.

товодческого населения. Налицо также значительное развитие ремесленного производства.

В XI—XII вв. Белая Вежа — русский город. Это было подтверждено раскопками большого кургана близ городища, нараставшего путем постепенных подсыпок. Здесь было вскрыто 231 погребение с русским могильным инвентарем.¹

Не осталось вне поля зрения исследователей и правобережное Цимлянское городище, связанное с городищем левобережным и представляющее собою, видимо, сильно укрепленный замок-крепость.²

В пореволюционные годы обсуждался также вопрос о славянских племенах на Нижнем Дону и времени их появления здесь.³

Заслугой Саркелской экспедиции ГАИМК является то, что, не ограничиваясь изучением левобережного и правобережного Цимлянских городищ, она обследовала группу расположенных вблизи древних поселений (городища Карнацховское, Суворовское и др.). Многие из них были лишены следов укреплений, отражали быт оседлого земледельческо-скотоводческого поселения VIII—XI вв. и обнаружили по содержащимся в них культурным отложениям сходство с салтово-маяцкими, хотя возникли, видимо, позже последних.

Местные археологи вели изыскания в районе города Азова, чтобы собрать материал о средневековых поселениях: генуэзско-венецианской Таны и монголо-татарском Азаке. В 1935 г. на средства Ростовского областного музея и Бюро охраны памятников были осуществлены раскопки в пункте нахождения остатков каменных ворот Таны. Изучались также следы поселения золотоордынского времени в Азове. Было высказано предположение, что следы древнего поселения на Петрушиной Косе близ Таганрога являются остатками пизанской колонии Порто-Пизано. При строительстве Новочеркасского аэродрома (1928 г.) было обнаружено средневековое погребение, в котором нашли человеческие и лошадиные скелеты.

Было опубликовано сообщение о монетном кладе из станицы Мелиховской с серебряными русскими монетами времени от Ивана Грозного до Бориса Годунова и тремя золотыми монетами (венгерский и голландский червонцы и турецкий алтун).⁴

Подводя итоги археологическим изысканиям на Дону в период с 1920 по 1940 г., мы вправе признать, что за годы Советской власти научно-исследовательскими и научно-краеведческими уч-

¹ М. И. Артамонов. Станица Цимлянская, 1934—1936 гг. В сб.: «Археологические исследования в РСФСР. 1934—1936 гг.» М.—Л., 1941, стр. 187—200.

² И. И. Ляпушкин. Раскопки правобережного Цимлянского городища. КСИМК, IV, 1940, стр. 58—62.

³ И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. МИА, 1941, № 6, стр. 191—246, и др.

⁴ Б. В. Лунин. Древний монетный клад из станицы Мелиховской. «Памятники древности на Дону», вып. 1, 1940, стр. 57—60.

реждениями и организациями была проделана большая работа в области историко-археологического изучения Донского края.

Работа эта не только по масштабам, но и по качественному уровню, по своей целенаправленности выгодно отличалась от работ предреволюционных лет, что полностью соответствовало общему росту и успехам молодой советской исторической науки, в том числе советской археологии. Значительная доля выполнявшихся на Дону археологических изысканий осуществлялась в эти годы представителями центральных (московских и ленинградских) научных учреждений, располагавших наиболее компетентными специалистами. Одновременно вели плодотворную исследовательскую работу местные музеи и научно-краеведческие организации.

Можно сказать, что за короткое время (примерно с 1921 по 1941 г.) в области изучения древней истории Дона было сделано значительно больше, чем за предшествующие 70 лет (от раскопок проф. П. М. Леонтьева до 1917 г.). Это соответствовало общему подъему и развитию археологических исследований в СССР.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ НА ДОНУ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Исследование археологических памятников Подонья—Приазовья ведется 138 лет (с 1823 г.). История археологического изучения Нижнего Дона может быть разделена на три основных этапа: 1823—1913 гг., 1923—1940 и 1946—1961 гг.

Во все эти периоды проводились археологические работы, имевшие большое значение для изучения древней истории нашего края. Однако никогда археологические раскопки не были на Дону развернуты так широко, как в послевоенные годы. Если за 90 дореволюционных лет на территории нынешней Ростовской области было проведено не более 15 археологических экспедиций, за 17 довоенных лет— 20 (включая небольшие экспедиции местных краеведов), то за 15 послевоенных лет в нашей области проведено более 75; в них участвовало несколько тысяч человек. При этом многие послевоенные экспедиции при раскопках курганов, освобождении городищ от наносных слоев земли пользовались мощными землеройными механизмами (скреперами и бульдозерами), что значительно ускоряло работы. Раскопки археологических памятников в послевоенные годы ведутся систематически и на больших площадях. Так, с 1955 г. ежегодно ведутся раскопки Танаиса и Кобякова городища, с 1957 г.— палеолитических стоянок в Каменной балке.

Одна из основных особенностей археологического изучения края в послевоенные годы заключается в том, что организаторами и инициаторами археологических исследований в нашей области стали музеи: Ростовский областной музей краеведения, Таганрогский краеведческий музей и Новочеркасский музей истории донского казачества.

Учитывая исключительную важность и сложность некоторых археологических памятников Подонья, имеющих всесоюзное значение, музеи организовывали эти экспедиции совместно с Институтом археологии АН СССР, Ленинградским и Московским университетами.

Очень важно, что все находки последних лет, за малыми

исключениями, остаются в Ростовском и других музеях нашей области, пополняя их коллекции.

В этих работах активно участвовали студенты Ростовского университета. За годы работы в Ростовской области больших археологических экспедиций из числа студентов подготовлена группа молодых археологов, прошедших под руководством ленинградского археолога С. И. Капошиной серьезную школу полевых археологических исследований.

* * *

Первой и самой большой по своему значению и размаху в послевоенные годы была Волго-Донская археологическая экспедиция под руководством доктора исторических наук М. И. Артамонова, которая в течение трех сезонов (1949—1951 гг.) раскапывала и исследовала археологические памятники, подлежащие уничтожению в связи со строительством Волго-Донского канала и Цимлянской плотины, созданием Цимлянского водохранилища.

В экспедиции принимали участие археологи И. И. Ляпушкин, М. П. Грязнов, А. А. Иессен, А. Д. Столяр, О. А. Артамонова и А. Л. Якобсон.

Благодаря содействию строительных организаций, которые в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. «Об улучшении охраны памятников культуры» обеспечили экспедицию не только средствами, но и рабочей силой и механизмами, раскопки были проведены в небывало широких масштабах.

В экспедиции участвовало около 100 научных сотрудников и примерно 180 рабочих-землекопов. Для обслуживания участников раскопок возле городища был создан палаточный городок, оборудованы специальные мастерские и лаборатории, кухня и столовая. В распоряжении экспедиции находилось пять автомашин.

Здесь во время раскопок впервые в археологической практике нашей страны применялись десяти- и шестикубовые скреперы.¹

За три сезона было раскопано более половины крепости Саркел—Белая Вежа площадью в 10496 м², произведены значительные работы на могильнике, находившемся возле юго-западной стены крепости. Кроме того, экспедиция исследовала поселения, относящиеся к эпохе бронзы и средним векам, раскопала несколько курганов, содержащих погребения эпохи бронзы, скифо-сарматского времени и периода поздних кочевников.

Результаты раскопок публикуются в пяти томах под общим названием «Труды Волго-Донской археологической экспедиции». В первом томе даются материалы археологического исследования всей зоны затопления и вводная статья М. И. Артамонова «Саркел—Белая Вежа», во втором и третьем — отчеты о раскопках и ряд отдельных исследований по материалам раскопок крепости

¹ А. Д. Столяр. Опыт применения землеройно-транспортных машин при полевых работах Волго-Донской экспедицией ИИМК АН СССР в 1950—1951 гг. КСИИМК, вып. 50, 1953, стр. 156—170.

2 (Цимлянского левобережного городища). Четвертый том посвящается могильнику, находившемуся возле городища. В пятом томе будут помещены разные исследования и публикации материалов, не вошедших в предшествующие тома. Опубликованы первые два тома, в печати находится третий, в ближайшее время будут изданы и остальные тома.

В итоге работы Волго-Донской археологической экспедиции была окончательно раскрыта тайна Саркела—Белой Вежи, которую в течение целого столетия безуспешно пытались разгадать русские ученые. Прав оказался наш донской краевед Х. И. Попов, который еще в 1895 г. утверждал, что левобережное Цимлянское городище и есть Саркел. Археологические раскопки подтвердили рассказ византийского императора Константина Багрянородного о том, что в 834 г. хазары под руководством византийских инженеров построили крепость Саркел. Она была построена из местного квадратного кирпича. Изготавливали его недалеко от городища в обжигательных печах, остатки которых были обнаружены археологами. Кирпичи встречаются двух размеров: $25 \times 25 \times 5$ см и $27 \times 28 \times 6,5$ см. Более 10 миллионов таких кирпичей понадобилось для сооружения крепости.

Крепость Саркел имела форму прямоугольника, длина которого была 193,5 м, а ширина — 133,5 м. Толщина ее стен достигала 3,75 м. В крепости было не менее 12 башен с бойницами, двое ворот, два караульных помещения, между которыми находился глубокий колодец, облицованный обтесанными камнями, большой караван-сарай и некоторые другие сооружения.

Несмотря на то что крепость по тем временам считалась неприступной, в 965 г. она была взята дружиной русского князя Святослава. Здесь был основан русский город Белая Вежа, сыгравший вместе со связанной с ним Тмутараканью большую роль в укреплении Киевского государства, в распространении его влияния на Восток и в образовании славяно-русского населения на Дону. Более 150 лет этот город в степи, окруженный кочевниками, являлся форпостом русской культуры на далекой юго-восточной окраине Русского государства. Он просуществовал до 1117 г., когда беловежцы, теснимые половцами, переселились на Русь, как об этом сообщается в древней русской летописи.

Очень интересны данные о позднем периоде жизни крепости (X—XII вв.). Жившие на Дону тысячу лет тому назад русские люди знали письменность, играли в шахматы, сеяли высокосортную мягкую пшеницу, шестирядный ячмень, рожь, лен, просо, коноплю, масличное растение — кользу, выращивали дыни и огурцы, занимались скотоводством. Важным подспорьем были охота и рыболовство. Значительное развитие в Белой Веже получило кузнечное дело и разные другие ремесла. Жители города поддерживали широкие торговые связи с Киевом, Тмутараканью, Херсонесом и Кавказом. Некоторые товары поступали сюда из Средней Азии и Византийской империи.

Здесь археологи нашли большое количество типичных для

древнерусских городов стеклянных браслетов, русских шиферных пряслиц, хрустальных и сердоликовых бус, позолоченных и посеребренных бочонкообразных бусин, проволочных височных колец, нателных бронзовых и каменных крестиков, лирообразных пряжек, костяных двусторонних гребешков и расчесок, характерных русских топоров-секир, железных серпов, чересел и т. д.

Большой заслугой Волго-Донской археологической экспедиции является дальнейшее глубокое изучение поселений и могильников салтово-маяцкой культуры¹ (VIII—X вв.), обычно сопутствующих памятникам славяно-русской культуры. Подводя итоги этих работ, М. И. Артамонов говорит: «В настоящее время с полной уверенностью можно утверждать, что салтовская культура, в широком значении этого слова, по Нижнему Дону простиралась до Азовского моря, по побережью которого она прослеживается и дальше на запад, по крайней мере до окрестностей Мелитополя».

В 1960—1961 гг. экспедиция под руководством С. А. Плетневой выявила на берегах Дона и некоторых его притоков 44 поселения и два могильника салтово-маяцкой культуры.

Этим далеко не исчерпывается количество салтово-маяцких памятников на Дону. Эти памятники встречаются в районе станицы Елизаветовской Азовского района, в Матвеево-Курганском районе, в районе слободы Большая Мартыновка, в Багаевском районе и в других местах нашей области.

Летом 1960 г. научным сотрудником Таганрогского краеведческого музея Н. Д. Прасловым во время археологической разведки в Таганрогском сельском районе были обнаружены на берегу Миусского лимана вблизи сел Залевки и Натальевки два поселения салтово-маяцкой культуры (VIII—IX вв.). Особый интерес представляет комплексный памятник у села Натальевки, состоящий из поселения и могильника. Здесь, по мнению С. А. Плетневой, представлен новый, особый вариант салтово-маяцкой культуры.

В настоящее время удалось выделить два варианта салтово-маяцкой культуры: северный, с катакомбным обрядом погребения, приписываемый аланам, и южный, с ямным обрядом, который считается болгарским.

Большая часть салтово-маяцких поселений на Дону, в том числе в течение трех лет раскапывавшееся правобережное Цимлянское городище с круглыми полуземлянками типа юрт, этнически принадлежала черным болгарам, оставшимся в наших местах после ухода в VII в. части болгар на Волгу (приволжские болгары) и на Дунай (дунайские болгары).

Во время раскопок правобережного Цимлянского городища, производившихся под руководством С. А. Плетневой, найдено около 30 серпов, косы-горбуши, лемехи, резец для плуга, многочисленные мотыжки и ножи, наборы кузнечных и столярных инстру-

¹ И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62. Тр. Волго-Донской археологической экспедиции, стр. 85—150, 263—314.

ментов, рыбные крючки, грузила и т. п. Находки говорят о том, что население занималось охотой, рыболовством, скотоводством и земледелием. Обнаруженный в 1958 г. нож для резки винограда, аналогичный применяемым и ныне в Болгарии, дает основание говорить о развитии здесь виноградарства в VIII—IX вв.

Работами археологов установлены основные типы жилищ в поселениях салтово-маяцкой культуры: 1) прямоугольные полуземлянки глубиной до 1 м, размером в 3—4,5 м $\times$ 3—5 м, с открытыми очагами; 2) округлые полуземлянки глубиной в 0,5 м, диаметром около 3 м, с примитивными открытыми очагами (кострами). Отличие славянских полуземлянок от салтово-маяцких определяется особенностями печей. В славянских жилищах это — обычно печи со сводами (печи-каменки), в салтово-маяцких — открытые очаги.

В некоторых поселениях встречаются наземные прямоугольные жилища с глиняными стенами (Карнауховское городище) и наземные круглые или овальные юртообразные жилища с войлочными стенами (правобережное Цимлянское городище).

В салтово-маяцких могильниках покойников обычно хоронили в глубоких катакомбах или камерах, преимущественно овальной формы, со сводчатым потолком. Вход в камеру шел через 5—7-метровый узкий коридор. В камере размером в 2 $\times$ 2 $\times$ 1,5 м производилось по несколько захоронений. С покойниками клались украшения, оружие, конское снаряжение, орудия труда, утварь и «напутственная пища»; в отдельных могилах находили восточные монеты VI—X вв. Такой же инвентарь часто встречается в грунтовых ямных погребениях.

Очень интересны недавно прочитанные ленинградским профессором А. И. Щербак тюркоязычные, возможно болгарские, надписи на баклажках, хранящихся в Новочеркасском музее (одна из них поступила в музей из станицы Кривянской).¹ На одной из них написано: «Кумыс вот в это отверстие пей», на другой — «Уна и Ангуш — наши имена».²

Дальнейшие раскопки памятников салтово-маяцкой культуры и часто сопутствующих им славяно-русских поселений исключительно важны для изучения истории заселения нашего края славянами в VIII—X вв. Попутно может быть обнаружен материал, относящийся к более раннему, еще менее изученному времени, к V—VII вв. н. э.

* * *

Долгие годы, вплоть до 30-х годов нашего столетия, считалось, что стоянок каменного века на Дону не было совсем. Еще в 1918 г. один из краеведов Дона В. Богачев писал, что «о донском человеке так называемого каменного века мы ничего не знаем».

¹ М. А. Артамонов. Надписи на баклажках в Новочеркасском музее. СА, XIX, 1954, стр. 263—268.

² А. И. Щербак. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. СА, XIX, 1954, стр. 269—282.

Только в 1933 г. советские геологи В. И. Громов и В. А. Хохловкина обнаружили у восточной окраины села Бессергеновки, в окрестностях Таганрога, в обрыве древней террасы по побережью Азовского моря, кремневый отщеп мустьерского облика.¹ Это можно считать началом изучения палеолита в нашем крае. Затем орудия каменного века были найдены в Лакедемоновке Таганрогского района, Матвеевом Кургане и возле станции Каменской.

Особенно много орудий палеолита было обнаружено на территории нашей области в послевоенные годы. В 1949, 1950, 1952 гг. исследованием памятников каменного века в бассейне реки Миус занимался ленинградский профессор П. И. Борисковский. Он обнаружил новые и обследовал известные ранее места палеолитических находок в Приазовье.² В результате этих работ им было выявлено местонахождение мустьерских каменных орудий Лысогорка III³ (напротив села Лысогорка, Куйбышевского района, на правом берегу р. Тузлова) и несколько позднепалеолитических кремневых мастерских: у села Кульбаково, на Марьевой горе, на левом берегу р. Миуса; на Грековой горе, напротив села Кульбаково, на правом берегу р. Миуса; в районе села Лысогорки.

Одновременно с работами П. И. Борисковского в другом месте Ростовской области, в зоне строительства Цимлянской плотины, главный геолог Цимлянского гидроузла Г. И. Горецкий в 1949—1951 гг. обнаружил орудия мустьерской эпохи близ хут. Хрящи, на левом берегу р. Северский Донец, напротив станицы Нижне-Кундрюченской и в овраге на левом берегу, близ устья Северского Донца, у подножья третьей подпойменной террасы у рабочего поселка Константиновский. Им же собраны были находки каменных орудий позднего палеолита и мезолита у хут. Дубровского Волго-Донского района, у хуторов Михайловского, Серебровского и Усть-Быстрого Константиновского района, у хут. Крепянка Мартыновского района, у хуторов Овцевод, Красный Маныч, Ставрополь и в ряде других пунктов на р. Маныче в Веселовском и Пролетарском районах.⁴

В 1954 г. В. П. Шилов обнаружил в дельте Дона, вблизи станицы Елизаветовской, ручной остроконечник мустьерской эпохи.⁵ В 1956 г. Н. К. Алексеев на территории Рогожкинского рыбколхоза нашел ручной остроконечник, который М. Д. Гвоздовер относит к концу мустьерской эпохи (около 50 тысяч лет назад). Оба эти

¹ В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). М., 1948.

² П. И. Борисковский. Исследования памятников каменного века в бассейне реки Миус (Приазовье) в 1949 и 1950 гг. КСИА Украины, вып. 2, Киев, 1953.

³ Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР, МИА, 1960, № 81, стр. 25.

⁴ Г. И. Горецкий. Следы неолита и мезолита в Нижнем Подонье. СА, XVI, 1952, стр. 302—319.

⁵ В. П. Шилов. К изучению палеолита Нижнего Подонья. КСИМЖ, вып. 64, 1956.

остроконечника и коллекция находок И. Г. Горецкого хранятся в Ростовском областном музее краеведения, находки П. И. Борисовского — в Таганрогском краеведческом музее.

Все эти находки говорили о том, что необходимо перейти от случайных сборов к систематическому исследованию палеолита в нашей области.

Сотрудник Таганрогского краеведческого музея И. С. Каме-нецкий в 1956 г. нашел в Чулешской балке, недалеко от хут. Нед-виговки, кремневые орудия эпохи позднего палеолита. Это снова возбудило интерес к изучению палеолита на Дону.

Ростовский музей краеведения и Институт антропологии МГУ для систематического изучения памятников палеолита в дельте Дона в 1957 г. создали археологическую экспедицию под руко-водством М. Д. Гвоздовер.

Обследовав Чулешскую балку и не найдя там культурного слоя, экспедиция обратила внимание на Каменную балку, распо-ложенную на юго-восточной окраине хут. Недвиговки. Здесь были обнаружены две стоянки позднего палеолита. (Каменная балка I, Каменная балка II), изучением которых и занялась экспедиция.¹

Впервые в нашем крае перешли от сбора случайных находок к систематическому изучению стоянок каменного века. За пять лет работы экспедиции (1957—1961) был собран разнообразный и интересный палеолитический материал, характеризующий жизнь людей в устье Дона 20—25 тысяч лет назад.

На стоянках в Каменной балке обнаружено было несколько тысяч скребков, резцов, ножевидных пластинок, рубящих и нукле-видных орудий, остатки древних очагов—кострищ, раковины мол-люсков с отверстиями для подвешивания. Экспедицией найдено большое количество обломков костей животных, которыми пита-лись жившие здесь люди. Среди них много костей зубров и диких лошадей, большие стада которых водились тогда в этих местах. Были обнаружены также кости северного оленя и зайца. По-види-мому, в Каменной балке были стоянки древних охотников на зуб-ров и диких лошадей.

Материалы раскопок, а также разведочных работ экспедиции говорят о том, что район дельты Дона был плотно заселен в пе-риод верхнего палеолита.

Изучением палеолита в Таганрогском и Матвеево-Курганском районах области с 1959 г. занимается научный сотрудник Тага-нрогского музея Н. Д. Праслов. Обнаружив несколько новых инте-ресных местонахождений палеолита, он в 1961 г. приступил к систематическому изучению стоянки мустьерской эпохи вблизи хут. Рожка, находящегося в 45 км западнее Таганрога. При рас-копках здесь собрана интересная коллекция каменных орудий, которыми пользовались люди, жившие не менее 80 тысяч лет на-зад. Обнаружены кости мамонта, бизона, зубров и древних лоша-

¹ М. Д. Гвоздовер. Разведки палеолита на Нижнем Дону в 1957—1958 годах. ИРОМК, 1959, № 1 (3).

дей, водившихся в Приазовье во время великого оледенения. Широко развернулись раскопки впервые обнаруженной на Дону стоянки людей неандертальского типа.

Изучение палеолита на Дону дает очень интересный материал о первобытных людях, живших в те далекие времена на территории европейской части нашей страны.

* * *

Период неолита (VI—IV тысячелетие до н. э.) характеризуется рядом существенных изменений в жизни людей. В это время возникает примитивное земледелие. Человек начинает приручать диких животных. Значительно совершенствуется обработка камня: люди научились его шлифовать, сверлить и пилить. Достигает расцвета техника изготовления костяных изделий. В эпоху нового каменного века появляются примитивная посуда из обожженной глины, прядение и вязание.

Несмотря на то, что следы неолита неоднократно обнаруживались в районе Северского Донца и его притоков, в Раздорском районе, в дельте Дона и многих других местах нашей области, он до настоящего времени изучен слабо. В этом отношении в послевоенные годы сделаны только первые шаги.

Ряд неолитических памятников был обнаружен во время строительства Цимлянской плотины Г. И. Горецким в 1947—1951 гг.¹ Им были открыты неолитические стоянки у хут. Ведерникова Константиновского района и у станицы Казанской. Особенно много находок, относящихся к новому каменному веку, было обнаружено в Цимлянском районе, что дало Г. И. Горецкому основание говорить о пышном развитии Цимлянской неолитической культуры.²

С 1959 г. в ракушечном яру на острове, расположенном напротив станицы Раздорской, экспедицией Ленинградского университета и Новочеркасского музея истории донского казачества, возглавляемой Т. Д. Белановской, ведутся раскопки стоянки позднего неолита, датируемой III тысячелетием до н. э., а также могильника.

Большой интерес представляют найденные здесь каменные орудия, орнаментированные изделия из кости, разная керамика, бусы из ракушек и другие находки. В 1961 г. экспедицией раскапывались следы жилища неолитического времени.

В районе р. Миуса поиски памятников неолита в 1959 и 1960 гг. вел Н. Д. Праслов, который обнаружил здесь девять не-

¹ Г. И. Горецкий. Новые стоянки конца неолита и эпохи бронзы на террасах Нижнего Дона и Маныча как геологические документы. Изв. Всесоюз. геогр. о-ва, т. 80, вып. 5, Л., 1948.

² Г. И. Горецкий. О возможностях применения археологического метода при изучении молодых антропогенных осадков (в условиях Нижнего Подонья и Приманычья), ч. 1 Бюлл. КЧ, 1955, № 20, стр. 21—36; А. А. Формозов. Неолитическая керамика Нижнего Подонья. КСИИМК, вып. 53, М., 1954. Значительная часть описанных в этих статьях находок хранится в Ростовском музее краеведения.

олитических стоянок возле станции Матвеев-Курган, хуторов Грунтовского, Степанова, Александровка, Успенка и Староречье Матвеево-Курганского района.

* * *

Г. А. Иноземцев в своей диссертации «Бронзовый век Нижнего Дона» (1955) исследовал богатый и интересный материал эпохи бронзы в Подонье-Приазовье (конец III тысячелетия — VIII столетие до н. э.). Подчеркивая в ней важное значение бронзового века для изучения древней истории нашей страны, он приводит данные о том, что на территории Нижнего Дона имеется свыше 150 исследованных погребений и столько же поселений бронзового периода.¹ Г. А. Иноземцевым были в основном использованы материалы довоенных лет и только частично материалы Волго-Донской экспедиции и коллекции Г. И. Горещкого, которые еще не были опубликованы тогда.

Открытия послевоенных лет значительно пополняют эти сведения и дают возможность более четко выделить отдельные культуры эпохи бронзы в нашем крае.

Ценные материалы эпохи бронзы были собраны в 1947—1953 гг. геологом Г. И. Горещким в зоне строительства Цимлянского гидроузла. Они дали возможность выявить ряд новых поселений бронзового века в Нижнем Подонье и Приазовье: возле г. Аксая, на станции Малая Лучка, возле хут. Горского-Каргальского, в районе станции Цимлянской и Камышевской, на хуторах Рынок-Соленовский и Красный Скотовод. Несколько поселений срубной культуры было обнаружено им в разных местах Ростовской области.²

Интересные материалы эпохи бронзы собраны Волго-Донской археологической экспедицией. Один из отрядов экспедиции под руководством И. И. Ляпушкина обследовал поселения эпохи бронзы в хуторах Алдабульском и Жукове Дубовского района, хуторах Хорошем, Среднем и Попове Цимлянского района.

В 1954—1955 гг. раскопки слоя эпохи бронзы производил в юго-восточной части Гниловского городища научный сотрудник Таганрогского краеведческого музея И. С. Каменецкий.³

Много интересного дали раскопки слоев эпохи бронзы на Кобяковом городище в 1956—1961 гг. Получены новые данные о жилищах, о древней металлургии, о хозяйственной деятельности людей в эпоху поздней бронзы в дельте Дона, подводящие нас к решению киммерийской проблемы. С. Н. Братченко в 1956 г. открыл ранее неизвестное поселение бронзового века вблизи хут. Сафьяново Мясниковского района. Изучение этого поселения осо-

¹ Г. А. Иноземцев. Бронзовый век Нижнего Дона. Автореферат. Ростов-на-Дону, 1955, стр. 6.

² Г. И. Горещкий. О возможностях применения археологического метода при изучении молодых антропогенных осадков, ч. 2. Бюлл. КЧ, 1957, № 21, стр. 58—78.

³ И. С. Каменецкий. Нижне-Гниловское городище. «Краеведческие записки», вып. 1. Таганрог, 1957, стр. 132—134.

бенно важно в связи с тем, что здесь имеется культурный слой эпохи бронзы без поздних напластований первых веков н. э., как на Кобяковом и Гниловском городищах, где эти слои во многих местах разрушены постройками сарматского времени.

В 1959 г. одним из отрядов Кобяковской археологической экспедиции под руководством А. Н. Мелентьева был раскопан курган Гиреева могила, который находился вблизи шоссе Ростов—Новочеркасск (в 5 км от Ростова). Этот курган раскапывал в 1865—1866 гг. археолог В. Г. Тизенгаузен. Он имел, по данным Тизенгаузена,¹ в окружности до 110 саженей (234,3 м), в ширину — 4 сажени (8,52 м). Раскопан он был тогда колодцем глубиной в 7,5 саженей (около 16 м). Казалось, что после раскопок Тизенгаузена, установившего, что курган был ограблен в древности, археологам здесь больше нечего делать. Однако раскопки кургана на снос обнаружили 12 интересных погребений ямной и катакомбной культур эпохи бронзы. Исключительный интерес представляют бронзовые удила и псаии (2 комплекта), которые датируются VII в. до н. э. По-видимому, они выпали из впускного погребения, разрушенного при прокладке хода грабителями.

За последние два года Багаевским отрядом Кобяковской археологической экспедиции и археологами Ростовского музея краеведения С. Н. Братченко, В. С. Бочкаревым и В. М. Жибура были раскопаны 12 курганов эпохи бронзы, из них 5 — в Багаевском районе, на левом берегу Дона, 2 — вблизи Мокро-Чалтырского песчаного карьера, 2 — на окраине города Новочеркасска, 3 — в Новочеркасском сельском районе (в Заплавском совхозе и в районе строительства Новочеркасской ГРЭС).

Результаты этих раскопок еще не опубликованы, но материалы их, несомненно, будут иметь большое значение для изучения бронзового века на Дону. Получен разнообразный материал, характеризующий ямную, катакомбную и срубную культуры, которые последовательно сменяли друг друга как на левобережье, так и на правой стороне Дона. Обнаружены интересные находки по катакомбной культуре, которая представлена в нашей области элементами как Донецкого, так и предкавказского вариантов.

Назрела необходимость обобщить все эти материалы послевоенных работ археологов по изучению эпохи бронзы на Дону и по-новому осветить историю бронзового века в Подонье и Приазовье на всех этапах его развития от ямной культуры до поздней бронзы.

* * *

Еще в начале XIX в. внимание первых исследователей Дона было привлечено к группе курганов, расположенных вблизи станции Елизаветовской (Азовский район). Пять из них выделялись своей высотой (7—12 м) и огромными размерами (60—70 м в

¹ «Копия отчета В. Г. Тизенгаузена за 1865—66 гг.» Редкий фонд библиотеки им. К. Маркса (Ростов-на-Дону).

диаметре). От них вся группа получила название Пять братьев.

Местные краеведы (Б. В. Лунин и др.) неоднократно высказывали мнение, что под этими курганами находятся гробницы вождей скифских племен. Однако организовать раскопки этих курганов в довоенные годы не удалось. Только в 1954 г. Ростовским областным музеем краеведения начаты раскопки. Музеем совместно с ленинградским отделением Института археологии АН СССР была создана специальная археологическая экспедиция, которую возглавил канд. истор. наук В. П. Шилов.

Экспедиция прежде всего выявила, что в группе имеется не пять, а четырнадцать курганов, часть из которых (два больших и четыре малых) раскапывал в 1871 г. П. И. Хицунов. В. П. Шилов решил исследовать со снятием всей насыпи и раскапывавшиеся ранее курганы.

За три сезона (1954, 1959 и 1960 гг) при помощи скреперов были раскопаны 13 курганов: в 1954 г. — 7, в 1959 — 1 и в 1960 г. — 5.

Несмотря на то, что раскопанные в 1954 г. курганы были ранее ограблены, а четыре из них раскапывались П. И. Хицуновым, экспедиция собрала новый дополнительный и интересный материал по истории дельты Дона в скифское время.¹ Музей получил богатую коллекцию греческих амфор IV в. до н. э. (гераклеийские с клеймами, солохского типа, хиосские и одну фазосскую), бронзовые, костяные и железные скифские стрелы, много разнообразных сосудов, разные изделия из железа, оружие (наконечники копий, рукоятка кинжала с бронзовым навершием, обломки железного панциря, поножи и т. п.). Наиболее ценной находкой этого года была краснофигурная пелика, по-видимому, изготовленная в Афинах в середине IV в. до н. э. На одной ее стороне изображена сцена борьбы конной амазонки с пешим греческим воином, а на другой — фигуры двух греков, совершающих жертвоприношение перед алтарем. В одном из курганов (№ 5) была найдена более ранняя хиосская амфора, датируемая V в. до н. э.

Очень интересные и ценные материалы экспедиция обнаружила в 1959 г. в кургане № 8.² Этот курган в 1871 г. раскапывал П. И. Хицунов. Изучив его отчет, В. П. Шилов пришел к выводу, что Хицунов открыл погребение лошади, которое ошибочно принял за захоронение человека, находящееся, по-видимому, где-то рядом.

Большой курган высотой в 9 м, диаметром в 62 м был разрыт при помощи шестикубового скрепера и мощного бульдозера. На глубине в 6,75—7 м был обнаружен каменный склеп, состоявший из 6,5-метровой квадратной камеры и дромоса (коридора) длиной в 14,7 м, разделенного на четыре отделения каменными перегородками. Стены склепа толщиной в 1,25—1,3 м были возведены

¹ В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 годах. ИРОМК, 1959, № 1 (3).

² В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. СА, 1961, № 1.

на каменном фундаменте высотой в 1,75 м. Сверху склеп и дромос были перекрыты дубовым накатом из мощных бревен, покрытых чаканом (камышом). За каменной стеной склепа было обнаружено конское погребение и в нем — скелет низкорослой скифской лошади. Об этих лошадях Страбон писал, что они «хотя и невелики, но очень горячи и неукротимы».

В камере были обнаружены два захоронения скифских племенных вождей или царей. Одно из них было почти полностью ограблено еще в XVII или XVIII в. Другое, не тронутое грабителями, погребение по своему инвентарю соответствует знаменитому погребению, найденному И. Е. Забелиным (1862 г.) в Чертомлыцком кургане.

В кургане было обнаружено много редких и ценных находок, относящихся ко второй половине IV в. до н. э. Особенно выделяются художественно оформленные золотые обкладки горита (футляра для хранения лука), ножен и рукоятки меча с такими же изображениями, как и на аналогичных предметах из известного Чертомлыцкого кургана. Всего в кургане найдено было 1705 разнообразных золотых вещей общим весом более двух килограммов.

В погребении находились бронзовые поножи (кнемиды), которые греческие воины надевали для защиты ног во время боя, свыше тысячи бронзовых, железных и костяных стрел, несколько железных наконечников копий и дротиков, два серебряных сосуда.

В отделении дромоса, расположенном рядом со склепом, стояло 14 целых остродонных амфор (9 амфор из Гераклеи Понтийской и 5 — из Синопы). Емкость каждой амфоры — от 6,6 до 10,7 л. Общая емкость всех амфор — около 120 л. По-видимому, они были наполнены вином. Эти амфоры датируются последней четвертью, а возможно, последним десятилетием IV в. до н. э.¹

В 1960 г. были раскопаны остальные пять курганов (№ 9, 10, 11, 13 и 14). Теперь остался нераскопанным только курган № 12, расположенный ближе всех остальных к берегу Дона. Все раскопанные летом 1960 г. курганы были в прошлом ограблены. Но все же и они дали новый материал для характеристики культуры скифского населения Нижнего Подонья конца IV — первой половины III в. до н. э. Среди находок — два скифских котла, несколько гераклейских амфор с клеймами, скифские железные втульчатые трехперые стрелы, наконечники копий, обломки железного чешуйчатого панциря, несколько золотых бляшек, бусинок и пронизок.

Заслуживает особого внимания впускное погребение в кургане № 13, относящееся к периоду переселения народов (IV—V вв. н. э.), т. е. к наименее изученному периоду истории нашего края.²

Одновременно с раскопками курганной группы Пять братьев экспедицией в 1954, 1958 и 1959 гг. проводилось исследование

¹ И. Б. Брашинский. Амфоры из раскопок Елизаветовского могильника в 1959 г. СА, 1961, № 3, стр. 178—185.

² В. П. Шилов. Отчет о раскопках Южно-Донской экспедиции 1960 года. Научный архив РОМК.

Елизаветовского городища, датируемого V—III вв. до н. э. Найдено было много вещей, характеризующих хозяйственную деятельность населения городища в IV—III вв. до н. э.

* * *

Летом 1950 г. по инициативе Ростовского областного музея краеведения была организована археологическая экспедиция для разведки городищ античного времени в дельте Дона под руководством научного сотрудника Института истории материальной культуры АН СССР Д. Б. Шелова.

Экспедиция осмотрела Недвиговское, Сухо-Чалтырское, Нижне-Гниловское, Подазовское и Елизаветовское городища, зафиксировала их современное состояние, составила их описание, провела фотографические и топографические работы, собрала подъемный материал. Главное внимание было уделено обследованию самого крупного — Недвиговского городища. Впервые была сделана инструментальная съемка этого городища.

В своем отчете Д. Б. Шелов подчеркнул исключительную важность глубокого изучения археологических памятников в низовьях Дона.¹

Работы этой экспедиции вновь привлекли внимание археологов к Нижнему Дону, послужили началом больших и систематических археологических работ в нашем крае на городищах сарматского времени.

Через несколько лет, в 1955 г. Институтом истории материальной культуры АН СССР и Ростовским областным музеем краеведения была создана Нижне-Донская археологическая экспедиция, которую возглавил Д. Б. Шелов. Семь сезонов (1955—1961 гг.) ведет эта экспедиция раскопки древнего города Танаиса, который более шести столетий был крупным торговым и военным центром в дельте Дона.

До начала работ экспедиции считалось, что предыдущими раскопками и хищническим добыванием камня все так изрыто и испорчено на городище, что его нецелесообразно копать. Однако экспедиция установила, что руины Танаиса и его некрополь скрывают много интересных материалов, дающих возможность по-новому осветить историю этого древнего города.²

В нескольких местах были вскрыты жилые и оборонительные сооружения, сохранились остатки крепостных стен и фундаменты башен.

Нижне-Донская археологическая экспедиция открыла древнейшую часть города (III—I вв. до н. э.) и окончательно установила, что никаких двух Танаисов не было, что Танаис в течение всего времени своего существования (с III в. до н. э. по IV в. н. э.) на-

¹ Д. Б. Шелов. Отчет об археологических разведках в низовьях р. Дон в 1950 г. Научный архив РОМК.

² Д. Б. Шелов. К истории Танаиса. ВДИ, 1959, № 1; его же. Некрополь Танаиса. М., Изд-во АН СССР, 1961.

ходился на территории нынешнего хут. Недвиговки. В этом самая крупная заслуга экспедиции.

Очень интересны также данные об экономической жизни Танаиса.¹ Материалы раскопок полностью подтвердили сообщение Страбона о большом торговом значении города. Исследование состава амфорных клейм, найденных на городище, говорит о том, что торговля Танаиса шла главным образом через Фанагорию и другие центры Азиатского Боспора. В III—I вв. до н. э. она в основном была мензвой. Об этом говорит отсутствие монет этого периода. В первые века н. э. Танаис служил складом и первоначальным пунктом для товаров, вывозившихся из античных центров в Нижнее Подонье и Поволжье. Наибольшего расцвета танаисская торговля достигает во II в. и первой трети III в. н. э. К этому периоду относится наибольшее количество монетных находок.

Археологические материалы свидетельствуют также о развитии в городе металлургического, ювелирного, костерезного, гончарного и других ремесел, а также домашних производств: прядельно-ткацкого и керамического. Большое значение в хозяйстве Танаиса во все эпохи имело рыболовство, в то время как охота никогда не играла заметной роли.

Жители Танаиса, как и обитатели других городов Северного Причерноморья, занимались сельским хозяйством, возделывали зерновые культуры и разводили скот.

Часть вскрытых остатков сооружений сохранена, проведена их консервация, и на их базе по решению Совета Министров РСФСР создан историко-археологический музей-заповедник «Танаис», являющийся филиалом Ростовского областного музея краеведения. Большую помощь в создании и строительстве музея оказали партийные и советские организации Мясниковского района, колхозники сельхозартели «Комсомолец» и Институт археологии АН СССР.

В 1955 г. в связи со строительством газопровода Ставрополь—Москва, линии которого прошли через Кобяково городище, Ростовским областным музеем краеведения была создана археологическая экспедиция под руководством З. А. Виткова. Экспедиция обнаружила гончарную обжигательную печь и собрала некоторые материалы, относящиеся к эпохе бронзы и первым векам н. э.

Одновременно выяснилось, что некрополь и частично городище будут разрушены в связи со строительством здесь дороги и моста. Поэтому было решено с 1956 г. для систематического изучения Кобякова городища создать археологическую экспедицию совместно с Ленинградским отделением Института археологии АН СССР. Возглавила эту экспедицию канд. истор. наук С. И. Капошина.

Шесть лет работает эта экспедиция в нашей области. За эти годы вскрыта значительная площадь городища и большая часть

¹ Тезисы доклада Д. Б. Шелова «Экономическая жизнь Танаиса» на конференции по истории и археологии античного города в Институте археологии АН СССР в декабре 1960 г. Научный архив музея.

некрополя, на которых обнаружено более 10 тысяч разных находок, характеризующих хозяйственную деятельность и быт древних обитателей Кобякова городища.

Археологической экспедицией в нескольких местах были вскрыты мощные культурные слои, местами доходящие до 8 м (трехметровый культурный слой первых веков н. э. и пятиметровый слой эпохи бронзы). Материалы этих слоев дают основание для вывода о том, что жизнь людей здесь в начале I тысячелетия до н. э. прекратилась. Она снова возобновилась в I в. н. э.

В восточной части городища было обнаружено много находок, говорящих о развитии сельского хозяйства в I—III вв. н. э. Найдены мотыга и остатки серпов из железа, несколько зернотерок, более 30 кг обгоревших и обуглившихся зерен пшеницы, ячменя, проса и других культур. Были вскрыты и изучены ямы для хранения зерна.

О широком развитии здесь животноводства говорят обнаруженные в большом количестве кости домашних животных: лошадей, ослов, коров, овец, свиней, кур и собак. Подсобную роль играла охота на водившихся тогда в обилии на Нижнем Дону кабанов, волков, лис и бобров, а также на водоплавающую птицу (гусей, лебедей и бакланов), кости которых встречаются довольно часто.

Многие находки говорят о развитии разных ремесел: ткацкого, кузнечного и гончарного. Во вскрытой в 1955 г. гончарной печи были найдены глиняные сосуды. В 1961 г. на территории Кобякова городища экспедиция обнаружила еще одну гончарную печь. Эти находки дают основание предполагать, что большая часть найденных во время раскопок гончарных изделий производилась на месте.

Обилие рыбьей чешуи и каменных грузил для сетей свидетельствует о развитии рыболовства. Во время раскопок в 1958 г. были вскрыты ямы, обложенные камнем и заполненные рыбьей чешуей и костями осетров громадных размеров. Расположенные у большого очага, эти ямы, по-видимому, являются остатками хозяйственного комплекса, связанного с копчением рыбы.¹

На городище было вскрыто несколько жилищ первых веков н. э.

В погребениях Кобяковского некрополя обнаружено много разных сосудов, украшений и т. д., привезенных из Египта, Малой Азии, с берегов Дуная и Рейна, с побережья Балтийского моря, из Боспора и других мест. Это свидетельствует о широких международных торговых связях обитателей городища в первые века н. э.

Жители Кобякова городища клали в могилу разные вещи, которые, по их мнению, могли понадобиться покойнику, а также «напутственную» пищу. С помощью всевозможных амулетов они старались отвести от себя беды и неприятности и в загробной жизни.

В некрополе и городище было обнаружено несколько сосудов,

¹ Отчет Кобяковской археологической экспедиции за 1958 г. Научный архив музея.

ручки которых представляли собой стилизованные изображения животных. Сарматы, жившие в Кобяковом поселении, считали, что в такой сосуд не посмеют забраться злые духи, животное защитит от них содержимое сосуда.

В результате раскопок Кобякова городища в 1955—1961 гг. получен многочисленный археологический материал о производственной жизни, широких торговых связях, культуре, быте и религиозных представлениях обитателей городища в эпоху бронзы и в первые века н. э.

Новый богатый и интересный материал, в значительной мере дополняющий, а в ряде случаев по-новому объясняющий историю этого древнего поселения и всего Нижнего Дона, будет опубликован в специальном сборнике материалов и исследований по археологии СССР.

Отрядами Кобяковской археологической экспедиции (1960 и 1961 гг.) в Багаевском районе вблизи хуторов Верхне-Янченкова и Кудинова были раскопаны четыре сарматских кургана. Несмотря на то, что все эти курганы были ограблены в древности, они впервые на левобережье Дона дали интересные материалы, подобные тем, которые раньше находили только в курганах на правом берегу Дона. Среди них — бронзовые вазы и амфоры I в. н. э., привезенные из Италии, сарматские бронзовые котлы и разные другие ценные находки.

* * *

Особо следует остановиться на раскопках казачьих городков, которые проводились археологическими экспедициями Новочеркасского музея истории донского казачества в 1950—1952 гг. Эти раскопки показали, что археологические материалы могут вполне восполнить недостаток в письменных исторических памятниках при изучении раннего периода истории донского казачества (XVI—XVII вв.). Возглавлял эти экспедиции доцент Ростовского университета З. А. Витков. Под его руководством были проведены раскопки Раздорского, Нижне-Кундрюченского и Кагальницкого казачьих городков, археологические разведки Багаевского, Семикаракорского, Кочетовского, Бабского и некоторых других городков. В результате этих работ удалось определить местонахождение многих древних казачьих поселений, особенности их оборонительных сооружений, выявить характерные черты раннего казачьего быта.¹

Данные раскопок позволили З. А. Виткову сделать вывод, что казаки для своих городков обычно выбирали наиболее защищенные места на островах и в заболоченной пойме, где создавали оригинальный тип оборонительных сооружений, состоявших из земляного вала, обнесенного плетнем. При этом обязательно использовались водные преграды (частью естественные, частью созданные казаками).

¹ З. А. Витков. К вопросу о местонахождении нижнедонских казачьих городков и их культуре. УЗМГПИ, т. II, 1958, стр. 151.

З. А. Виткову на археологическом материале удалось доказать тесную связь материальной культуры низового казачества с общерусской.

К этим работам непосредственно примыкают проведенные Новочеркасским музеем истории донского казачества в 1958 г. раскопки Даниловского бастиона Черкасской крепости, во время которых было обнаружено 14 пушек разных калибров конца XVII—начала XVIII в. и разные металлические, керамические и стеклянные изделия.¹

О местонахождении Кагальницкого городка до сих пор нет единого мнения. З. А. Витков считает, что он находился на правом берегу Дона, у речного поста 225.² Преподаватель геодезии Ростовского университета А. А. Тимошенко предполагает, что Кагальницкий городок Степана Разина нужно искать в другом месте, на острове Жилом, против устья р. Кагальника, ниже того Кагальницкого городка, где вел раскопки З. А. Витков.³

Только археологическая проверка может решить этот спор.

Новочеркасскому музею истории донского казачества следовало бы продолжить раскопки казачьих городков, исследование которых имеет большое значение для изучения истории заселения Донского края, культуры и быта раннего казачества, уточнения карты расположения казачьих городков в период формирования донского казачества.

* * *

Археологические раскопки в Ростовской области в послевоенные годы внесли много нового в изучение древней истории Нижнего Дона.

Они дали дополнительный материал о разных периодах истории — от мустьерской эпохи палеолита до XVII—XVIII вв. Получено очень много новых интересных данных о взаимоотношениях античного мира с Подоньем—Приазовьем, об этническом составе населения Нижнего Дона в первые века н. э.

И все же, несмотря на исключительно большой размах археологических работ, на территории нашей области имеется еще много «белых пятен». Так, почти совершенно не изучены в археологическом отношении северные и восточные районы нашей области, мы еще очень плохо знаем археологию бассейнов рек Сала и Маныча. До сих пор мало сделано для изучения вопроса о заселении Северского Донца и Дона славянами во второй половине I тысячелетия н. э.

Никак не удастся организовать изучение памятников XIII—XIV вв. в Приазовье. Речь идет о татарском Азаке, в котором одно

¹ З. А. Витков. Археологические раскопки на территории Даниловского бастиона в Старочеркасске. Мурманск, 1959.

² З. А. Витков. Кагальницкий казачий городок. В сб.: «Из истории Дона». Ростиздат, 1956, стр. 27—50.

³ А. А. Тимошенко. К вопросу о местонахождении городища Степана Разина. СА, 1961, № 3, стр. 303—306.

время находился монетный двор, и генуэзско-венецианской торговой фактории — крепости Тана, через которую в XIII—XV вв. велась европейская торговля с Индией.

Большое значение для развития археологических работ в послевоенные годы имело постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. «Об улучшении охраны памятников культуры».

В соответствии с этим постановлением в 1949—1951 гг. областным Управлением культуры была проведена паспортизация многих археологических памятников, обследованы и взяты на государственный учет несколько тысяч курганов, древних поселений и городищ, часть из них включена в списки памятников всесоюзного и республиканского значения.

Однако отсутствие в области в эти годы достаточного количества археологов-специалистов привело к тому, что при паспортизации были допущены отдельные ошибки и неточности. В них не могли тогда найти отражения те большие изменения, которые произошли на территории области после 1952 г. в связи с созданием Цимлянского моря. Поэтому мы считаем вполне возможным и необходимым провести в 1962—1964 гг. перепаспортизацию археологических памятников в нашей области. При этом должны быть широко использованы материалы археологического изучения нашего края за последние годы, взяты на учет новые памятники.

В Ростовской области широко развернулось строительство новых фабрик и заводов, оросительных каналов, виноградных и плодовоовощных совхозов, а также жилищное строительство, во время которого проводятся разные земляные работы, разрушающие некоторые археологические памятники (курганы и городища). Надо так организовать общественность и силы археологов Дона, чтобы ни один археологический памятник не погиб при этом для науки.

Давно назрело время для проведения научного совещания с целью подведения итогов проделанной работы и разработки плана дальнейших археологических изысканий на Дону.

За годы археологического исследования Подонья—Приазовья накопился большой и интересный материал, который необходимо обобщить и систематизировать. Следует подготовить и издать археологическую карту Ростовской области с соответствующими пояснениями.

КОБЯКОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Кобяково городище, расположенное на холмах юго-западнее г. Аксая, стало известно как многослойный археологический памятник в 20-х годах текущего столетия.

Экспедицией ленинградского археолога А. А. Миллера было открыто поселение эпохи поздней бронзы, на месте которого в первых веках н. э. находилось другое — сарматское поселение, относившееся к первым векам н. э.

Задача настоящей работы — охарактеризовать поселение эпохи бронзы, систематические раскопки которого производятся Кобяковской экспедицией с 1956 г. После работ А. А. Миллера Кобяково городище подверглось сильнейшему разрушению, в особенности оно пострадало во время Отечественной войны, когда область была временно оккупирована немецкими войсками. В наибольшей степени были разрушены верхние слои, принадлежащие сарматскому поселению. Но во время существования и интенсивной жизни поселения первых веков н. э. подверглись разрушению слои эпохи бронзы, так как это позднейшее сарматское поселение располагалось непосредственно на поселении эпохи бронзы. Многочисленные хозяйственные ямы и хозяйственные сооружения первых веков н. э. врезались в слои эпохи бронзы и зачастую разрушали остатки древнейших жилищ. Поэтому исследование поселения эпохи бронзы представляет известные трудности.

В результате работы Кобяковской экспедиции уточнена стратиграфия поселения и определены его границы. Для этой цели производились зачистки обреза в различных местах; в сущности зачищались имевшиеся обнажения на местах, подвергшихся позднейшим разрушениям, на склонах балок и на обрывистых берегах. Это позволило выяснить топографию залегания слоев эпохи бронзы. По-видимому, изучаемое поселение занимало меньшую площадь, чем поселение первых веков н. э., так как слои эпохи бронзы выявлены не повсеместно на территории городища. Наибольшие напластования обнаружены в северо-восточной и восточной частях городища.

Изучение стратиграфии подтвердило открытие А. А. Миллера.

Действительно, на поселении эпохи бронзы четко определяются два слоя, названные А. А. Миллером золистым и песчаным. Песчаный слой он обозначил как культуру Кобяково I и золистый — как культуру Кобяково II. Кобяковской экспедиции удалось установить, что не везде, где находятся остатки поселения эпохи бронзы, есть оба указанных слоя. Только в северо-восточной и восточной частях поселения прослеживаются оба слоя — Кобяково I и Кобяково II, лежащие один на другом. В западной и юго-западной частях городища был выявлен один песчаный слой Кобяково I.

Этот слой представляет собой рыхлый массив песка с тонкими зольно-мусорными прослойками, насыщенный рыбьими костями и чешуей. На некоторых участках встречались сцементированные скопления измельченных костей рыб, либо целые скелеты рыб. Костей животных найдено значительно меньше. Мощность этого слоя составляет 1,0—2,5 м.

Золистый слой однородный, плотный. В нем часто встречаются прослойки истлевшего и перегоревшего камыша, камни, кости животных, рыб, большое количество керамики и крупных каменных орудий. Мощность слоя — около 1,5 м. Местами, там, где золистый слой, т. е. культура Кобяково II, непосредственно лежит на песчаном слое культуры Кобяково I, общая мощность слоев эпохи бронзы достигает 4 м.

Стратиграфическое изучение обоих слоев показало, что и песчаный и золистый слои принадлежат к одному поселению. Между ними не было перерыва, так как нигде не встречена стерильная прослойка или древний гумус.

Характерной чертой песчаного слоя является обилие костей рыб. Золистый слой содержит больше керамики, и варианты форм ее несколько разнообразнее, чем в нижнем, песчаном слое.

Керамика, найденная в слоях поселения эпохи бронзы, — лепная и делится на четыре группы. Две из них — основные — представлены наибольшим числом сосудов.

Первую группу сосудов составляют большие толстостенные горшки со слегка отогнутым наружу венчиком и плоским дном (рис. 1). У некоторых сосудов бока выпуклые, возможно, их форма приближается к сферической. Поверхность этих горшков покрыта бороздками, нанесенными по сырой глине каким-то инструментом, вероятно, щепочкой с зубчатым краем. Такая обработка поверхности характерна для керамики эпохи бронзы.

Сосуды первой группы нередко

Рис. 1. Горшок — первая группа керамики.

покрывались орнаментом. Наиболее распространенные орнаментальные мотивы — овальные, круглые или треугольные углубления, узкие косые насечки, короткие линии, образующие елочный узор (рис. 2). Нередко плечики сосудов опоясывались валиком. На ряде горшков сохранились следы закопченности. Эта группа сосудов скорее всего предназначалась для приготовления пищи.

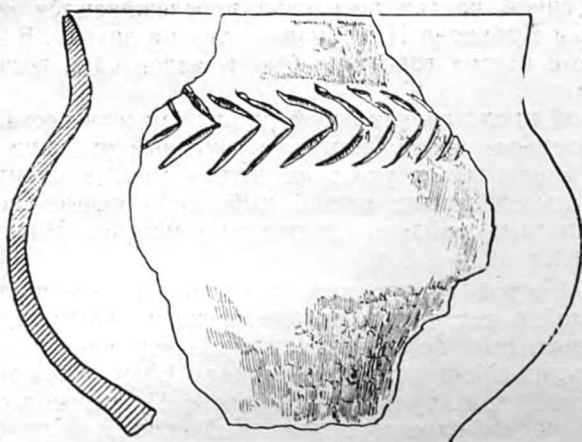

Рис. 2. Горшок с елочным узором — первая группа керамики.

Рис. 3. Кувшины — вторая группа керамики.

Вторую, также многочисленную группу составляют тонкостенные кувшины без ручек. Они имеют округлое тулово и отогнутый наружу край горла, дно плоское или уплощенное. Поверхность этих сосудов лощеная. Кувшины всегда нарядно орнаментированы отпечатками шнура или врезными линиями (рис. 3). Дополнительным украшением к этим видам орнамента иногда служили кружки, оттиснутые костяной или растительной трубочкой (рис. 4, 1).

Узор состоял из треугольников, заштрихованных параллельными линиями, реже сеткой. В некоторых случаях наряду с треугольниками поверхность кувшина опоясывалась горизонтальными или зигзагообразными полосами, тоже заполненными параллельными линиями.

Третья, немногочисленная группа керамики представлена небольшими чашками, близкими по качеству выделки к кувшинам (рис. 4, 2). Поверхность у них светлолощенная, орнамента нет.

К четвертой группе относятся впервые выявленные плоскодонные миски. Они тонкостенные, поверхность некоторых из них лощеная (рис. 5).

Исследование керамики из обоих слоев показало, что она однотипна и принадлежит к одной и той же культуре.

А. А. Миллер в свое время уже отмечал, что культура Кобыяково I без перерыва преобразуется в культуру Кобыяково II.¹

Широкий размах археологических работ на Кобыяковом городище впервые позволил открыть на восточном холме шесть жилищ, относящихся к исследуемому поселению. Частично эти жилища были разрушены при строительных работах Главдорстроя. Однако удалось выявить два типа жилищ: землянки и

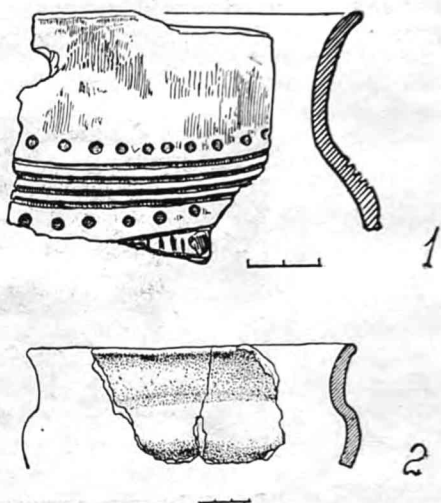

Рис. 4. 1 — обломок венчика кувшина — вторая группа керамики; 2 — чаша — третья группа керамики.

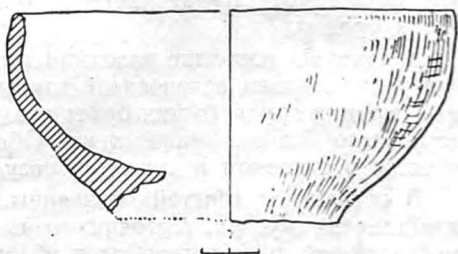

Рис. 5. Миска — четвертая группа керамики.

¹ Архив ИИМК, ф. 2, 1928, д. 95, л. 77.

наземные жилища. Это были прочные, долговременные сооружения больших размеров: длина их 11—12, ширина 9—10 м.

Землянки были вырыты в материковом суглинке и нижнем песчаном слое. Они имели прямоугольную форму и закругленные углы. Стены их обкладывались камнем (рис. 6). Высота стен достигала 1,3 м. В одной землянке была обнаружена рухнувшая кровля: по всей поверхности пола лежал истлевший камыш.

Рис. 6. Землянка с каменной облицовкой стен.

Характерной чертой этого типа жилищ является деление их на две части: кухонную, более узкую, и так называемую «чистую». В кухонной части пол был несколько ниже, чем в «чистой». Вдоль этого понижения удалось проследить одинаковые ямки, по-видимому, предназначенные для столбов от стены-перегородки. Деление помещения на две части вообще характерно для землянок эпохи бронзы.

В «чистой» половине находились очажные ямы, пол был обмазан тонким слоем зеленоватой глины, находок — немного и часть их — орудия труда (о них будет сказано ниже). В кухонной половине было больше очажных ям. Обнаруженные там находки относятся в основном к кухонной посуде.

В отличие от «чистой» половины, здесь на полу залежали напластования мусора, состоявшего из утопанной золы, песка, камыша, костей рыб, животных и обломков сосудов. Толщина этого мусорного слоя местами достигала 30 см. Очаги в землянке служили для приготовления пищи и отопления. Они представляли собой неглубокие ямы, вырытые в материковом полу, округлые или овальные в плане и чашевидные в сечении. Глубина очажных ям — 20—30 см, диаметр — 50—100 см. Очаги были заполнены золой, углями, мелкими обломками костей и керамики. На дне одного очага стояла нижняя часть горшка.

Дно и стены очажных ям, а также поверхность пола вокруг

них были обожжены и имели красновато-коричневый цвет. Очаги, которыми переставали пользоваться, замазывались глиной.

При исследовании землянок у хут. Ляпичева на Дону было отмечено, что жилища, разделенные на две части, имеют пирамидальный тип кровли, при этом одна часть жилища была уже другой.¹ Скорее всего и кобяковская землянка имела кровлю типа пирамидального сруба. Истлевшие жерди такого сруба лежали среди рухнувшего на пол камышового настила кровли. Поверх этого настила, покрывавшего остов кровли, вероятно, для утепления жилища укладывали дерновый слой. Применение земли или дернового пласта для покрытия кровли землянок эпохи бронзы неоднократно отмечалось исследователями.

В одной наименее разрушенной землянке удалось обнаружить два входа — южный и западный. Вход представлял собой покатый наклонный спуск. На полу землянок часто встречались ямки различных форм и размеров, в большинстве случаев служившие для хозяйственных целей.

Сооружение жилищ типа землянок стносится к первому этапу жизни на поселении.

Другим типом жилищ являются наземные постройки. В золистом слое вскрыто одно такое жилище. Оно относится ко второму периоду жизни на поселении. Это жилище погибло при пожаре. Сохранились обугленные стропила деревянной кровли и горелый камыш, служивший настилом (рис. 7). Пол в жилище был глино-

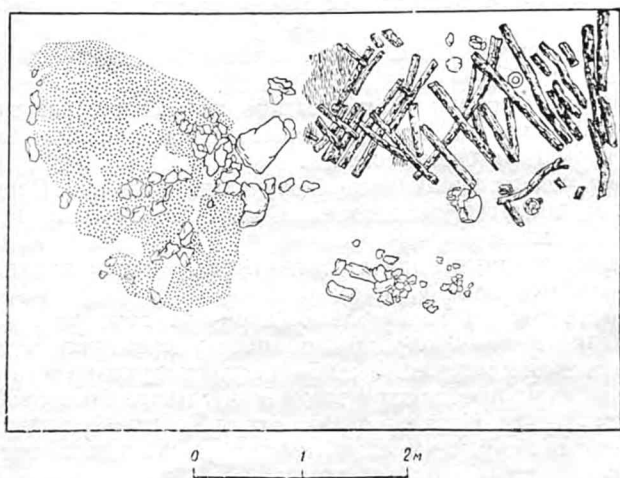

Рис. 7. Камышовый настил и обугленные жерди рухнувшей кровли наземного жилища.

¹ М. П. Грязнов. Землянки бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону. КСИИМК, Л, 1953, стр. 140, 144—145.

битным. На нем находился большой круглый очаг (рис. 8), сооруженный из вертикально стоящих камней (диаметр очага — около 1 м). Стены жилища не сохранились. Возможно, они были на каменном фундаменте, так как по краям пола и рухнувшей кровли лежали разбросанные камни. На полу уцелели основания двух

Рис. 8. Каменный очаг в наземном жилище.

обугленных деревянных столбиков, служивших, вероятно, опорой кровли (см. рис. 7).

Интересно отметить, что это жилище было сооружено на месте заброшенной землянки. В ее котлован сбрасывали золу, остатки пищи и обломки разбитых сосудов.

Жилище содержало большое количество находок. Среди них было около двадцати раздавленных сосудов: горшки, кувшины (см. рис. 3), миски.

Керамика, обнаруженная в обоих типах жилищ, принадлежит к уже описанным нами группам.

Специфической особенностью кобяковских землянок — жилищ первого типа является каменная облицовка стен, чего археологи не отмечали пока на других поселениях рассматриваемого периода. Однако камень употреблялся в домостроительстве бронзовой эпохи на Нижнем Днепре, Ингуле и в Восточном Крыму.¹ Из камня здесь сложены стены наземных жилищ, причем от них в основном сохранились фундаменты.

Жилища из камня в Северном Причерноморье строили еще в период ранней бронзы. На Нижнем Днепре, на поселении Михай-

¹ А. В. Добровольский. Кам'яні спорудження в Надпоріжжі. АП, т. II, 1949; Н. Н. Погребова. Пересадовское поселение на Ингуле. СА, 1960, № 4.

ловке (Херсонская обл.)¹, существовавшем примерно за тысячу лет до Кобяковского, строили жилища с глинобитными стенами на каменных основаниях. Подпорные и оградительные стены на этом поселении были также возведены из камня. Однако стены в Михайловском поселении более монументальны, а система кладки их несколько иная. Исследователи справедливо указывают, что техника применения камня при строительстве жилищ в Михайловке характерна для домостроительства в эпоху бронзы в Причерноморье.

На поселении, помимо керамики, обнаружены находки, которые характеризуют хозяйство жителей древнего поселка. К ним принадлежат орудия труда, большая часть которых найдена в жилищах. Это — каменные орудия: песты, терочники, ступки, зернотерки в обломках, лощила и каменные плитки для заточки металлических орудий. Эти изделия (кроме точил) служили для растирания различных корней, охры, а крупные зернотерки могли предназначаться и для растирания зерна. На некоторых терочниках и ступках сохранились следы красной охры, которой обычно посыпали тела умерших. Среди этих каменных орудий выделяется группа пестов-молотов, которыми дробили мелкие куски руды.

Орудия из кремня встречаются реже, это, в основном, скребки или наконечники стрел.

Особую группу каменных изделий представляют грузила из раковинного известняка с перетяжками на концах. Их, вероятно, привязывали к сетям. Эти грузила обычно встречаются в верхнем золистом слое; несколько штук было обнаружено в наземном жилище.

Изделий из металла найдено очень мало, и они почти все плохо сохранились. Среди них можно отметить обломки двух ножей, двух шильев и обломок бронзовой рукоятки серпа.²

Из костяных изделий в жилищах встречено три скобеля из клыков кабана и челюсти копытного, которыми очищали шкуры от мездры.

К предметам украшений относятся глиняная бусина и обломок бронзовой пронизи.

Представляют интерес два глиняных колесика, найденные в одной из землянок. Диаметр их — 5,5 см. Колесики сделаны из глины с примесью шамота и имеют ступицы и втулку-отверстие для оси. Эти колесики являются частью модели повозки типа арбы.

Данные о существовании повозок в эпоху бронзы имеются в археологическом материале. В Закавказье, на холме Кюль-тапа (поселение второй половины III тысячелетия до н. э.) около Эчмиадзина обнаружены модели трех глиняных колесиков. В Южном Дагестане на Джемикентском поселении второй половины II тыся-

¹ Е. Ф. Лагодовская, М. А. Макаревич, О. Г. Шапошникова. Раскопки Михайловского поселения в 1954 г. КСИА, вып. 5, 1955, стр. 13—18.

² Обломок серпа находится в экспозиции Ростовского областного музея краеведения.

четлетия до н. э. найден обломок глиняного колесика, аналогичного кобьяковским. В погребениях неоднократно встречались остатки деревянных повозок: в древнейшем погребении второй половины III тысячелетия до н. э. из кургана Сторожевая могила (под Днепропетровском), в кургане № 8 этой же культуры в долине р. Молочной, в кургане № 9 конца II тысячелетия — начала I тысячелетия до н. э. в урочище Три брата в Поволжье (около г. Степного), в Триалетских курганах Грузии и т. д.

Обломки литейных формочек, найденные на Кобьяковском поселении, говорят о существовании местного бронзолитейного дела. Обломки тигельков были также обнаружены А. А. Миллером. Среди этих находок особенный интерес представляет обломок половинки каменной литейной многосторонней формы. Для отливки изделий использовались три смежные стороны формы. Форма обломана с двух сторон, поэтому длину изделий установить невозможно. Образовавшиеся в результате изломов две плоские грани отполированы, потому что обломок употреблялся в качестве растиральника. Верхняя сторона формы служила для отливки кельта, украшенного в верхней части рельефным орнаментом в виде треугольников. Такой узор, как мы уже говорили, украшает сосуды второй группы — кувшины. Втулка кельта по краю имела небольшое утолщение в виде валика. Вторая боковая сторона формы служила для отливки топора-пальштаба, третья — для отливки шила и, видимо, долотца.

Характерной чертой слоев поселения является их насыщенность костями животных и особенно рыб (сазана, осетра, судака, сома и леща). Больше всего — костей коровы, затем — овцы и козы; лошадиные кости встречаются реже и еще реже — кости свиньи. Как видим, разведение домашнего скота занимало большое место в хозяйстве. Найдено также много костей собаки.

Костей диких животных (волка, лисицы, зайца, кабана, лося) немного, что указывает на второстепенную, подсобную роль охоты.

Мощность культурных отложений, характер жилых построек, значительное количество костей животных и рыб — все это свидетельствует о прочной оседлости обитателей Кобьяковского поселения и большой роли рыболовства в их жизни. Рыболовство было основным видом хозяйства у племен, населявших территорию дельты Дона.

У нас нет пока материалов (кроме нескольких обломков зернотерок), говорящих о том, что обитатели Кобьяковского поселения в рассматриваемый период занимались земледелием. Но общий уровень хозяйственного развития того общества позволяет предполагать наличие земледелия.

Поселения кобьяковского типа в дельте Дона были обнаружены на Гниловском, Хапровском, Сафьяновском и других городищах. А. А. Миллер уделил особое внимание исследованию Елизаветовского городища с тем, чтобы точно выяснить наличие здесь доскифской культуры типа Кобьякова и решить вопрос, не преобразуется ли эта культура на указанном памятнике в культуру скифского време-

ни. В связи с этим он и предположил, что культура II Кобякова городища могла явиться материалом, участвовавшим в формировании позднейшей местной культуры. Однако ни раскопки Елизаветовского городища в 1927—1928 гг., ни раскопки В. П. Шилова в последние годы не дали пока еще материала, который мог бы подтвердить в достаточной мере это предположение А. А. Миллера.

Чтобы определить, к каким культурам относится исследуемое поселение, нужно обратиться к синхронным памятникам других территорий.

Керамика Кобяковского поселения эпохи бронзы имеет свои аналогии на поселениях позднебронзовой эпохи в Восточном Крыму: Киммерик I и II, Щebetовка, Планерское I и Глейки.¹ Исследователи находят в керамике этих памятников черты катакомбной культуры на ее позднем этапе. В слоях бронзового века на Гниловском городище был обнаружен сосуд, сходный, как указывает А. А. Миллер, с сосудом из катакомбного погребения у села Каменки бывшего Изюмского уезда, описанным В. А. Городцовым. И. Т. Кругликова отмечает, что некоторые фрагменты керамики из Киммерика I имеют аналогии с сосудами из катакомбных погребений в бывших Изюмском и Бахмутском уездах.

В керамике восточнокрымских поселений и Кобякова городища наблюдаются, однако, и различия. На восточнокрымских сосудах узор в виде треугольников или парных (иногда тройных) параллельных линий небрежно нанесен плохо скрученной веревочкой. По мнению И. Т. Кругликовой, это характерно для памятников позднего этапа катакомбной культуры. На кобяковской керамике орнамент обычно четкий, нарядный и разнообразный. Он нанесен туго скрученной тонкой веревочкой.

В кобяковской керамике имеются специфические черты, позволяющие выделить ее (а также керамику остальных поселений в дельте Дона с культурой типа Кобякова) в особую группу среди керамики памятников поздней бронзы в Северном Причерноморье. К таким особенностям кобяковской посуды относятся: лощеная поверхность, богатая орнаментация кувшинов и большое количество чернolощенных чаш.

Сосуды первой группы кобяковской керамики — горшки по профилировке, орнаменту и технике его нанесения несколько схожи с сосудами поселений позднесрубной культуры, а также с сосудами позднебронзовых поселений в бассейнах Нижнего Днепра и Южного Буга. В то же время вторая и третья группы кобяковской керамики — кувшины и чаши по форме, орнаменту и обработке поверхности не имеют сходства со срубными и позднесрубными сосудами. А. А. Миллер в кобяковской керамике выделил два фрагмента сосудов, являющихся, по его мнению, исключением для кобяковской посуды. Эти сосуды он считает характерными для погребений срубной культуры на Дону и в Харьковской области.

¹ И. Т. Кругликова. Памятники эпохи бронзы из Киммерика. КСИИМК, LXIII, 1952.

О. А. Кравцова-Гракова, исследовав кобяковскую керамику, отмечает в ней сочетание элементов позднесрубной с некоторыми традициями катакомбной культуры (прямая шейка, применение шнурового штампа). Она считает, что Кобяковское поселение ближе к памятникам позднебронзовой эпохи в Восточном Крыму, чем к степным поселениям того же времени, и что «кобяковская бронза» является вариантом поздней срубной культуры.¹

Таким образом, невозможно пока связывать Кобяковское поселение эпохи бронзы и остальные памятники в дельте Дона типа Кобякова лишь с памятниками позднесрубной культуры.

Племена срубной культуры в своем продвижении из Поволжья на запад и юго-запад (конец II тысячелетия до н. э.) появились в низовьях Дона и в Крыму, где в это время обитали племена катакомбной культуры, и сочетание черт обеих этих культур наложило, по-видимому, своеобразный отпечаток на культуру населения указанных территорий.

И. Т. Кругликова считает, что восточнокрымские поселения возникли на рубеже II—I тысячелетий до н. э., и их дальнейшее существование относит к первым векам I тысячелетия до н. э. Поселение бронзового времени на Кобякове, связываемое с памятниками Восточного Крыма, тоже, следовательно, существовало в этот период. О. А. Кравцова-Гракова относит верхний слой поселения (Кобяково II) к сабастиновскому этапу, т. е. к IX—VIII вв. до н. э. А. А. Миллер считал, что культура Кобяково II существовала приблизительно до VI в. до н. э. Но эта предварительная датировка еще не получила основательного подтверждения в стратиграфии и в археологическом материале, поскольку на Кобяковом городище пока не найдена керамика скифского времени. Кроме того, памятники, близкие Кобякову, датируются VIII в. до н. э. Вероятно, памятники с культурой типа Кобякова в дельте Дона можно датировать X—VIII вв. до н. э.

Для дальнейшего и более полного исследования Кобяковского позднебронзового поселения следует привлечь материалы памятников катакомбной культуры на Северном Кавказе. Здесь в отличие от остальной территории катакомбная культура просуществовала долго. Третий этап предкавказского варианта катакомбной культуры датируется исследователями 1200—800 гг. до н. э. В связи с этим можно предположить, что эта культура влияла на культуру племен в дельте Дона. Последующие археологические работы на Кобяковском поселении смогут дать ключ к разрешению этого вопроса.

В итоге можно сказать, что изучение рассмотренного поселения ставит перед нами целый ряд проблем. Определение места Кобяковского поселения и остальных поселений типа Кобякова среди других, синхронных им и граничащих с ними памятников позволит либо связать эти поселения с ними, либо выделить их в какую-то

¹ О. А. Кравцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 1955, № 46, стр. 106—109, 159,

самостоятельную культуру позднебронзового периода на указанной территории.

Особый интерес представляет изучение позднебронзовых поселений дельты Дона в связи с киммерийской проблемой.

Дальнейшее накопление археологических данных даст возможность установить наличие и характер связей изучаемых поселений с другими памятниками (генетическое родство, межплеменной обмен, передвижения племен) и решить вопрос о происхождении и исчезновении культуры этих поселений. Изучение культурных остатков и в первую очередь жилищ позволит детальнее выяснить уровень хозяйства, форму семьи и общественный строй.

Разрешение указанных вопросов зависит также и от исследования остальных поселений того же периода в дельте Дона в сочетании с изучением относящихся к ним могильников. В настоящее время эти поселения еще не подверглись планомерным раскопкам, а могильники пока не открыты и ждут своего изучения.

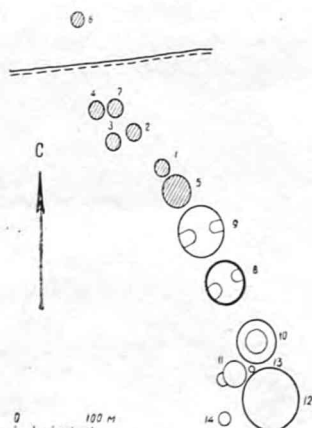
✓ ЗОЛОТОЙ КЛАД СКИФСКОГО КУРГАНА

В 1959 г. Южно-Донская археологическая экспедиция Ростовского областного музея краеведения и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР продолжала исследование Елизаветовского курганного могильника.¹

Основное внимание было обращено на раскопки одного из наиболее крупных курганов (№ 8) группы Пять братьев (рис. 1). Хотя этот курган раскапывался в 1871 г. археологом П. И. Хицуновым, мы все же решили всесторонне исследовать его, учитывая, что современная Хицунову техника раскопок позволяла затронуть лишь часть большого курганного погребения.

Нам же для полного снятия насыпи представлялась возможность использовать мощные землеройные машины—бульдозер, и скрепер. Высота кургана была 9 м, диаметр—62. В западной части его обнаружена овальная воронка, сделанная грабителями. Она была несколько смещена к югу от центра кургана и ориентирована по линии запад—восток с небольшими отклонениями к северу и югу. В ней оказалось много камней. Глубина воронки—0,5 м. С восточной стороны кургана обнаружена засыпанная и

ГРУППА КУРГАНОВ
„ПЯТЬ БРАТЬЕВ“

- 1-7 курганы раскопанные в 1954 г.
○ 8 курган раскопанный в 1959 г.
○ 9-14 нераскопанные курганы

Рис. 1. План курганной группы Пять братьев.

¹ В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 годах. ИРОМК, 1959, № 1 (3).

частично оплывшая «глухая траншея» П. И. Хицунова, ориентированная в том же направлении, длиной в 20 м, шириной в 7,5 и глубиной около 0,8 м.

По основанию с западной, южной и восточной сторон курган опоясывала террасовидная приступка, не прослеживающаяся с северной стороны. Высота приступки — около 1,5—2 м, ширина — 4—6.

Насыпь кургана раскапывалась бульдозером и скрепером. Ввиду того, что могилы Елизаветовского могильника ориентированы по линии запад — восток, насыпь снималась в том же направлении: сначала южная половина, затем северная.

Профиль кургана представлял собой конструктивно несложное сооружение (рис. 2). Верхняя часть насыпи состояла из слоя плот-

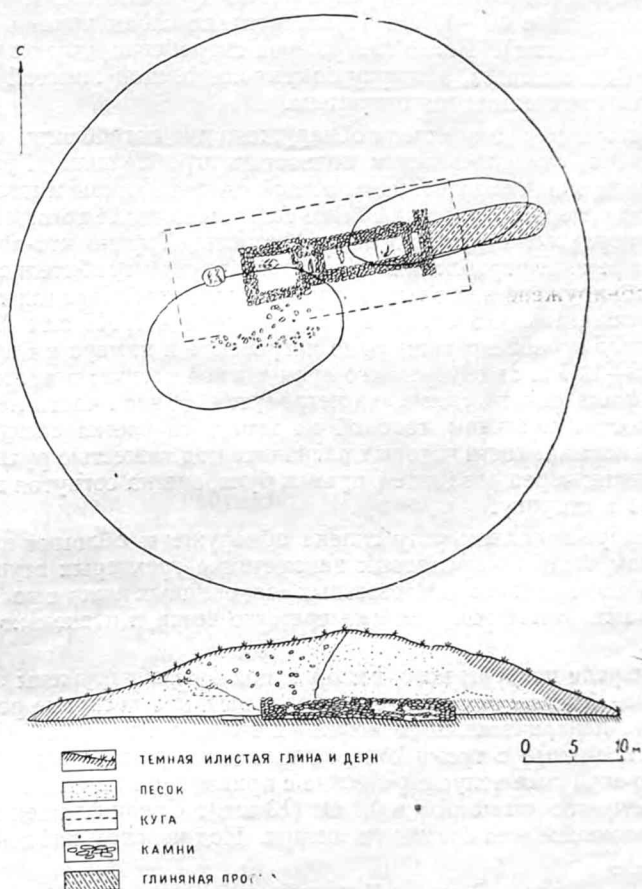

Рис. 2. План и профиль кургана № 8.

ной темной илистой глины. Мощность этого слоя в центре достигала 0,5—0,6 м, а к краям возрастала до 2. Ниже шел до самой погребенной почвы сравнительно мягкий солончаковый светлый слоистый песок. Приступки, опоясавшие основание кургана, состояли исключительно из слоя темной илистой глины. Никаких следов каменной крепицы выявить не удалось.

На глубине 6,75—7 м от центрального пикета появились верхние края каменного склепа.

Склеп состоял из прямоугольной камеры размером по линии север—юг в 6,5 м и по линии запад—восток в 6,4 м. Он примыкал вплотную к дромосу длиной в 14,7 м. Посередине восточной стены камеры находился дверной проем шириной в 1,75 м, через который камера соединялась с дромосом.¹

Сверху склеп и дромос перекрывались дубовым накатом из бревен диаметром в 40—60 см. Накат устлали слоем чакана (разновидность камыша). После совершения погребения склеп засыпали мощным слоем песка, а сверху покрывали темной илистой глиной. Вход в дромос оставался открытым.

На каменном полу склепа обнаружено два погребения. Одно из них, южное, оказалось почти полностью ограбленным. Грабители разрушили значительную часть южной стенки камеры и юго-западный угол склепа. Ограбление было совершено после того, как деревянное перекрытие рухнуло внутрь могилы. Трудно что-либо сказать о времени ограбления. Поскольку внутри грабительской воронки обнаружено несколько казачьих погребений середины XIX в., можно полагать, что ограбление совершено в XVII или XVIII в. Полностью ограблено лишь одно погребение и камера на протяжении 1,25—1,30 м от внутреннего края южной стенки; остальная, северная часть склепа оказалась нетронутой. В этой части лежал на спине костяк мужчины, головой на запад, со слегка согнутыми в коленях ногами, кости которых распались под тяжестью рухнувшего перекрытия; череп раздавлен, правая рука, слегка согнутая в локте, отведена в сторону.

В северо-западном углу склепа обнаружены обломки колчана, в котором было 74 бронзовых наконечника трехперых втульчатых стрел. Рядом лежали два железных серповидных ножа с костяными рукоятками, такая же рукоятка третьего ножа и несколько костей коровы.

На черепе погребенного, рядом и под ним обнаружены золотые нашивные бляшки от головного убора: выпукло-вогнутые розетки с двумя concentрическими рельефными валиками по краям (31 шт.), пальметковидные с тремя отверстиями для пришивания (27 шт.), выпукло-вогнутые полусферические с припаянной петелькой на оборотной стороне диаметром в 0,8 см (13 шт.). Среди бляшек обнаружена бочонковидная бусина из янтаря. Под черепом найдено золо-

¹ В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника. СА, 1961, № 1, стр. 153—155.

тое проволочное височное колечко с заходящими друг за друга концами, из которых один заострен.

К югу от черепа обнаружены два пучка бронзовых наконечников стрел, лежавших остриями к западной стенке (83 шт. и 67 шт.); рядом с ним стоял серебряный кувшинчик с узким горлом и шаровидным туловом. С наружной стороны венчика начертаны греческие буквы. Высота сосуда — 10,2 см, диаметр края — 5,9, наибольший диаметр — 8,7, высота горла — 3,8 см.

К западу от кувшинчика найдены 12 золотых дутых биконических бусин и 6 костяных пуговиц в виде срезанного конуса, обтянутых золотой фольгой. К юго-востоку от кувшинчика — золотой наконечник от колчана. Внизу и сверху на его корпусе напаяны золотые лентовидные ободки, украшенные по краям двумя круговыми бороздками. Восточнее кувшинчика найден пучок бронзовых трехгранных наконечников стрел с внутренней втулкой (87 шт.). Южнее лежали остатки двух колчанов с 88 бронзовыми наконечниками стрел с внутренней слабо выступающей втулкой и 108 бронзовыми наконечниками стрел со слабо выделенной втулкой и двумя обломками втулок железных трехперых наконечников стрел.

Под ними обнаружен фрагмент железного ножа с костяной ручкой, костяная рукоятка другого ножа и костяная пуговица в виде усеченного конуса.

На шее погребенного — золотая массивная гривна (24×21 см), концы которой заканчиваются скульптурными фигурками лежащих барсов.

Вокруг шеи обнаружено ожерелье, состоящее из тройных золотых колечек, золотых медальонов различной формы с вставками из янтаря, сердолика из стекловидной пасты, золотого вислобушного топорика, бус из янтаря и белой пасты, подвесок из белой пасты, розовых кораллов и сердолика, обрамленных золотыми и серебряными пластинами.

У левого плеча лежала золотая лента, изогнутая в виде спирали.

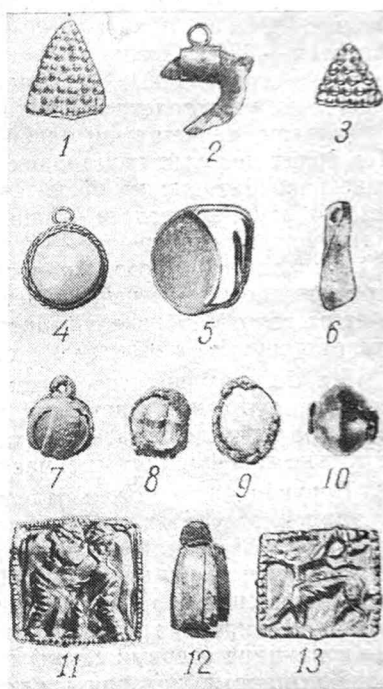

Рис. 3. 1, 3 — бляшки золотые, штампованные; 2 — подвеска коралловая, оправленная в золото; 4 — подвеска стеклянная, оправленная в золото; 5 — перстень золотой; 6 — подвеска из ожерелья золотая; 7—9 — подвески стеклянные, оправленные в серебро; 10 — бусина золотая; 11 — бляшка золотая, штампованная; 12 — подвеска пастовая в золотой оправе; 13 — бляшка золотая, штампованная.

Верхняя часть одежды погребенного на груди и на спине была украшена 213 золотыми нашивными, тисненными бляшками разных типов. Среди них — квадратные бляшки с изображением лани и борющихся скифов, треугольные и полусферические (рис. 3). У запястий правой и левой рук обнаружены еще 60 золотых бляшек подобных типов. На костях левого предплечья — железный серповидный нож с костяной рукояткой. У локтя правой руки стоял серебряный килик.

На левом плечевом суставе (сверху горита) лежал железный меч в деревянных ножнах, украшенных с наружной стороны тисненой золотой пластинкой. На ней рельефно изображены сцены битвы скифов с греками (рис. 4). Золотая обкладка с помощью загнутого края и золотых гвоздей прикреплялась к деревянной основе ножен. Общая длина меча — 58,2 см. Ширина клинка у перекрестья — 6 см. Овально-брусковидное навершие и рукоятка с треугольно-сердцевидным перекрестьем обложены золотым листом. Обкладка изготовлена из двух половин, спаянных по бокам рукоятки оловом, причем край одной пластины заходит за край другой. На обеих золотых пластинках оттиснуты в одной форме следующие изображения: на обеих сторонах обкладки навершия — бегущая собака, на рукоятке — лань с рогами, направленными в сторону навершия, на перекрестке — две грифонообразные фигуры, сидящие в геральдической позе. Аналогичные изображения имеются на рукоятке одного из мечей, найденных в Чертомлыцком кургане. Сюжет на золотой обивке елизаветовских ножен также повторяет сцены, оттиснутые на золотой обкладке Чертомлыцкого кургана.

На боковом выступе ножен, обрамленном крупной тисненой зернью, художник мастерски изобразил грифона, напавшего на лань, но из-за недостатка места он изобразил не всю фигуру лани, а только голову с рогами и часть шеи.

Верхняя часть ножен отделена крышеобразно изогнутой перекладиной, на скатах которой помещены два львиных грифона в геральдической позе, которые держат ветвь пальмы, завершающуюся снизу и сверху пальметками. На нижней части ножен воспроизведены пять сцен боя греков со скифами. Как видно, битва складывается не в пользу греков, потому что их стратег в коринфском шлеме и панцире (первый слева) вызывает подкрепление. Он не замечает опасности, которая грозит ему со стороны стоящего рядом предводителя скифов.

Центральной частью следующей сцены является изображение изнемогшего в бою и упавшего на землю безбородого грека, которого поддерживает бородатый грек, пытающийся отразить копьем натиск скифа. Он подставил под правую руку раненого свое левое колено. Правая рука безбородого грека безвольно свисает с колена спасителя, в то время как левой он еще пытается найти опору. По другую сторону от безбородого грека изображен скиф, стремящийся нанести копьем последний удар раненому греку.

Третья группа изображает бой пешего грека с двумя скифами, пешим и конным. В центральной части композиции здесь находится упавший на колени молодой скиф, которому пытается нанести удар стоящий справа грек, прикрывающий свое тело круглым щитом. Раненый скиф выжидает удобный момент, чтобы нанести ответный удар боевым топором; на помощь раненому спешит конный скиф с длинным копьем. Однако лошадь его споткнулась, упала на передние ноги и уперлась лбом в землю. Всадник, натягивая повод, безуспешно пытается поднять своего боевого коня на ноги.

Следующая группа из двух фигур на наиболее узкой части ножен по чертомлыцкой обивке ножен обычно трактовалась всеми исследователями как сцена пленения скифом раненого сопротивляющегося грека. Однако внимательное изучение этой хорошо сохранившейся части обкладки из кургана № 8 позволяет совершенно по-иному осмыслить эту сцену. Во-первых, здесь изображены не грек и скиф, а два грека. На голове воина, до сих пор считавшегося скифом, с правой стороны хорошо заметен край шлема, частично закрытого изображением руки другого грека. Во-вторых, этот воин одет не в кафтан с рукавами, а в хитон, который сполз с него так, что правое плечо и рука обнажены. В-третьих, если внимательно рассматривать в лупу лицо склонившейся фигуры и правое колено раненого, то хорошо заметно, что между коленом раненого и ртом склонившегося воина находится какой-то предмет. Это, по-видимому — древко стрелы, которую он пытается вытащить зубами. Наконец, полулежащий раненый грек не мог отталкивать своего спасителя, поскольку центр тяжести раненого приходится на локоть левой руки, и правой рукой он лишь слегка опирается на голову другого воина.

Таким образом, здесь изображена сцена врачевания. Помощь оказывает не скиф скифу, как на знаменитом кульобском сосуде, а грек греку, и не после, а непосредственно на поле боя.

В последней сцене изображена мчащаяся во весь опор лошадь, волокущая раненого молодого скифского воина, крепко удерживающего левой рукой повод.

С обратной стороны золотой пластины хорошо сохранилась плотно заполнявшая рельеф желтоватая мастика, на которой отпечатались изображения.

В могиле рядом с ножами лежал пучок бронзовых наконечников стрел (48 шт.). Под ножнами и под фалангами пальцев левой руки находилась прекрасно сохранившаяся золотая пластинчатая обкладка горита (рис. 5) с оттиснутыми на ней различными орнаментальными фризами. На верхнем изображены животные, издревле олицетворяющие в искусстве силу, — львица и бык, вепрь и лев, а также пантера и лев, терзающие дикого молодого козла и оленя.

На двух средних фризах изображены сцены из жизни греческого мифического героя Ахиллеса. На верхнем — обучение юного Ахиллеса стрельбе из лука. Среднюю часть верхнего фриза занимает драматическая сцена обнаружения Ахиллеса на острове Скиросе

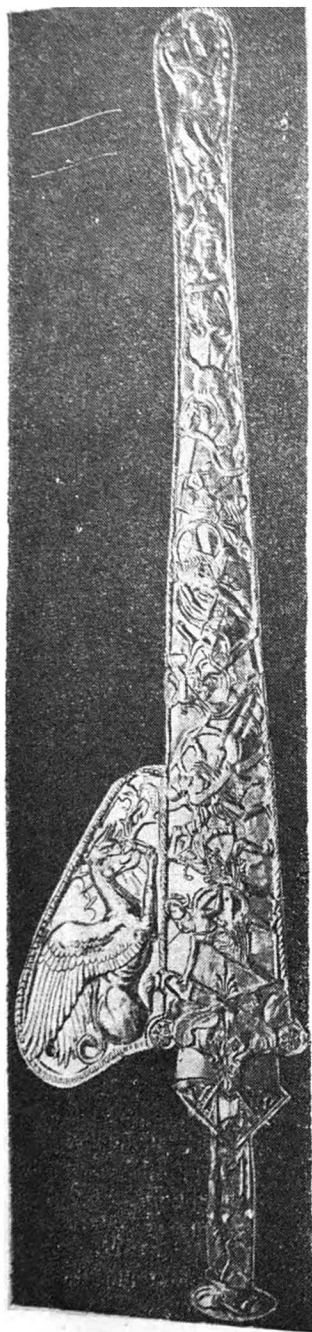

Рис. 4. Кипжал железный с оправленными в золото рукоятью и ножнами.

Рис. 5. Обкладка горита золотая.

среди дочерей царя Ликомеда. Центральной фигурой композиции является Ахиллес, сбрасывающий с себя женский хитон.левой рукой он собирается сбросить гиматий, развевающийся пышными складками и прикрывающий среднюю часть тела. Правой рукой он схватил меч. Сидящий справа от него юноша, — по-видимому, Одиссей, который под видом торговца украшениями проник в дом царя Ликомеда. Сюда вместе с предметами украшений он принесит и оружие, которое показывает Ахиллесу. Это и послужило причиной душевного порыва Ахиллеса. Одиссей удерживает обеими руками правую руку Ахиллеса. Слева от Ахиллеса сидит кормилица или рабыня, удерживающая за развевающийся гиматий женщину с распростертыми руками. Поворотом корпуса художник мастерски передал силу переживания этой женщины. Это, по-видимому, — дочь царя Ликомеда Деидамия, имевшая от Ахиллеса сына Неоптолема. Она в отчаянии, ибо знает о предсказании, согласно которому Ахиллес должен погибнуть, если им овладеет дух Марса. Рядом с Одиссеем изображены еще две женские фигуры. Одна из них, стоящая, — возможно, дочь Ликомеда, вторая, сидящая, — жена Ликомеда, утешающая приникшего к ней испуганного мальчика, по-видимому, Неоптолема.

Следующая сцена, занимающая правую часть верхнего и левую часть нижнего фриза, представляет собой проводы Ахиллеса. Ахиллес полулежит в дорожном одеянии — гиматии; правой рукой он держит меч. Перед ним сидит в кресле со скипетром в левой руке царь Ликомед.

На второй части фриза изображена женская половина дома, где сидящая в центре мать-царица опирается руками на сидящих дочерей. Объятые печалью, они провожают в поход Ахиллеса. Сзади них стоит служанка.

Почти всю правую половину нижнего фриза занимает сцена примирения Ахилла с Агамемноном. Центральной фигурой композиции является Ахиллес, сидящий с кнemiдами в руках. На него надевают доспехи, присланные Фетидой для боя с Гектором. Слева на троне сидит Агамемнон; направо от Ахиллеса — Диомед; налево — Одиссей. Закрывает фриз фигура Фетиды, уносящей урну с пеплом сожженного героя.

Оба фриза слева и снизу окаймляют стилизованные ветки аканфа, ограниченные снизу рядом пальметок. Правый нижний выступ занимает сцена нападения двух грифонов на пантеру. На золотой обкладке боковины горита изображены два рогатых грифона, стоящих на задних лапах. Концы их загнутых назад рогов представляют собой стилизованное изображение ветвей аканфа с цветками (рис. 6). С оборотной стороны в рельефных углублениях горита обнаружены приставшие кусочки желтоватой мастики, такой же, как и на обкладке ножен. Под обкладкой сохранились кусочки деревянного каркаса.

Внутри горита находилось 107 бронзовых трехгранных втульчатых наконечников стрел, лежавших остриями вниз.

На среднем и безымянном пальцах левой руки похороненного обнаружены два перстня с овальными щитками; на одном из них изображен грифон, терзающий голову барана.

У правого локтя погребенного лежали колчан со 118 бронзовыми трехгранными втульчатыми наконечниками стрел, пулевидный костяной наконечник стрелы, костяная пуговица в виде усеченного конуса, обломки железного ножа с костяной рукояткой и две золотые полуовальные пластины, восточнее пластин — колчан с 49 бронзовыми трехгранными втульчатыми наконечниками стрел. У правого колена найдены два серповидных ножа с костяными рукоятками.

Рядом с костяком находились два длинных боевых пояса, сделанных из узких бронзовых полуколец, нашитых на кожаный ремень. Возле них лежал колчан с 50 бронзовыми трехгранными втульчатыми, 13 костяными пулевидными и 4 железными втульчатыми наконечниками стрел.

У правой голени погребенного, на расстоянии в 0,6 м, была положена уздечка. От нее сохранились железные кольчатые фрагментированные удила с перегибом, два бронзовых гвоздевидных псаля с перехватом в расширенной средней части и двумя отверстиями, шесть выпукло-вогнутых литых медных блях с петелькой-перемычкой с обратной стороны, два серебряных позолоченных нащечника в форме крыльев и серебряный налобник со скульптурной головкой хищника. Длина левого нащечника — 10,8, наибольшая ширина — 7,6 см, толщина — 1,25 мм. Длина правого нащечника — 10,7 см, наибольшая ширина — 7,4. В верхней части нащечника — отверстие диаметром в 3 мм. Длина налобника — 5 см, наибольшая ширина — 3,2.

Сапоги погребенного были украшены полусферическими бляшками из золотой фольги. На оборотной стороне их припаяны петельки. На костях левой ноги найдено пять таких бляшек, правой — восемь. Диаметр бляшек — 7,5 мм, высота — 2,5. Справа от костяка лежала перевернутая вверх дном чаша из красной меди, диаметр чаши — 15,7 см. У северной стенки склепа найдены обломки двух сероглиняных открытых светильников. В северо-восточном углу могилы лежали красноглиняный открытый боспорский светильник, железный листовидный, ромбический в сечении наконечник копья с втулкой, наконечник железного дротика, колчан с 39 бронзовыми трехперыми наконечниками стрел. К юго-западу и югу от них — наконечник дротика и два колчана с 48 железными трехперыми втульчатыми и 10 бронзовыми трехгранными наконечниками стрел. У восточной стенки — колчан с 34 бронзовыми трехперыми наконечниками стрел.

Вдоль северной стены найдены три наконечника копий, обращенные остриями к западной стенке, две бронзовые кнemiды (поножи) и колчан с 36 бронзовыми трехперыми наконечниками стрел со слегка выступающей втулкой (рис. 7).

В ногах покойного, напротив входа в дромос, несколько ближе к

южной стенке, обнаружено скопление лежащих в беспорядке золотых венцов, пластин, бляшек и бус.

Здесь были обнаружены следующие вещи:

1. Четыре золотых венца из узких дугообразно изогнутых золотых пластин.

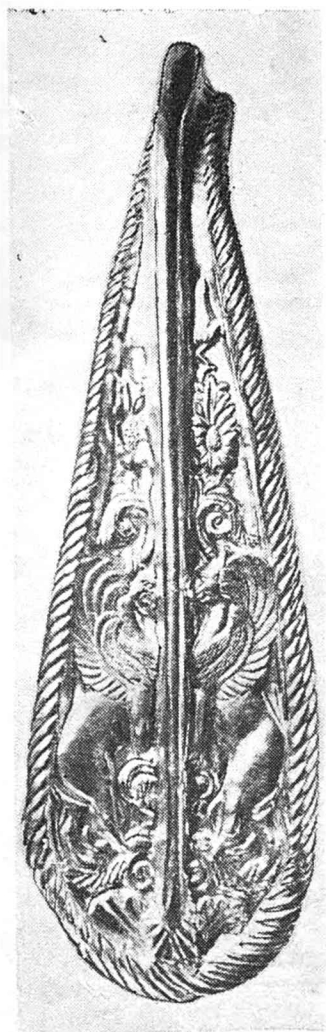

Рис. 6. Боковина золотой обкладки горита.

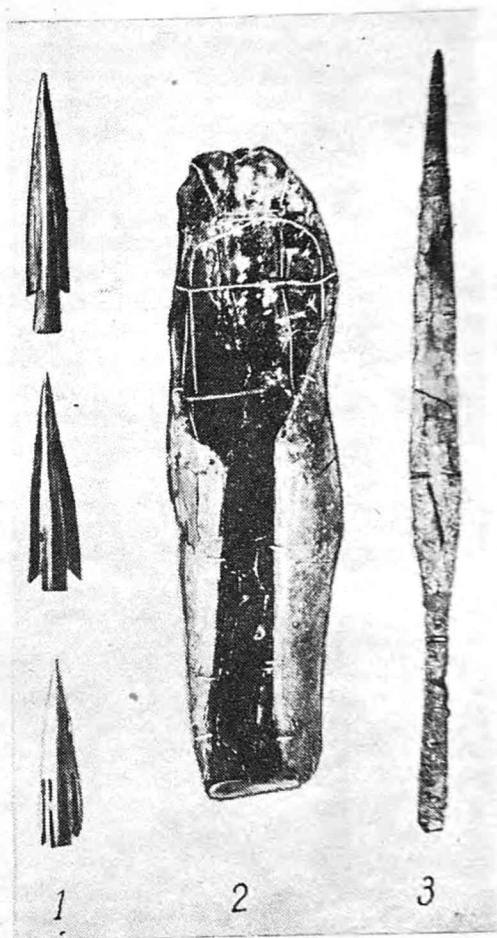

Рис. 7. 1 — наконечники стрел бронзовые; 2 — кнемида бронзовая; 3 — наконечник железного копья.

2. Узкая тонкая золотая пластинка длиной в 33,2 см, шириной в 3,4 см. На пластинке — два орнаментальных пояса: один — зооморфный, другой — с изображением лица человека (рис. 8, 7).

3. Пять фрагментированных золотых пластин с изображением сфинксов и грифонов (рис. 8, 8).

4. Шесть фрагментов золотых пластин, украшенных сложным

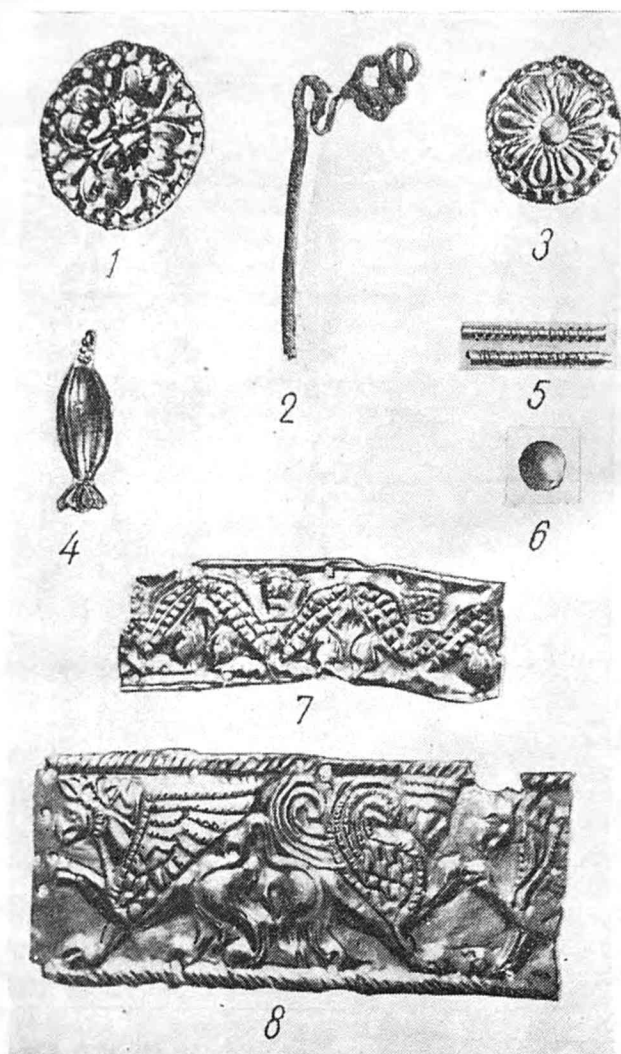

Рис. 8. 1, 3 — бляшки золотые, розеткообразные, штампованные; 2 — булавка бронзовая; 4 — подвеска из ожерелья золотая; 5 — пронизки золотые; 6 — бусина золотая; 7; 8 — пластины золотые, штампованные.

растительным орнаментом, состоящим из ветвей аканфа, от которых отходят пальметки и цветы лотоса (рис. 9, 1 и 2).

5. Десять обломков узких золотых пластин, на которых изображен сфинкс с распростертыми крыльями.

6. Двадцать три прямоугольные бляшки из золотой фольги с изображением грифона, стоящего с поднятой правой передней лапой перед веткой выющего растения (рис. 9, 3).

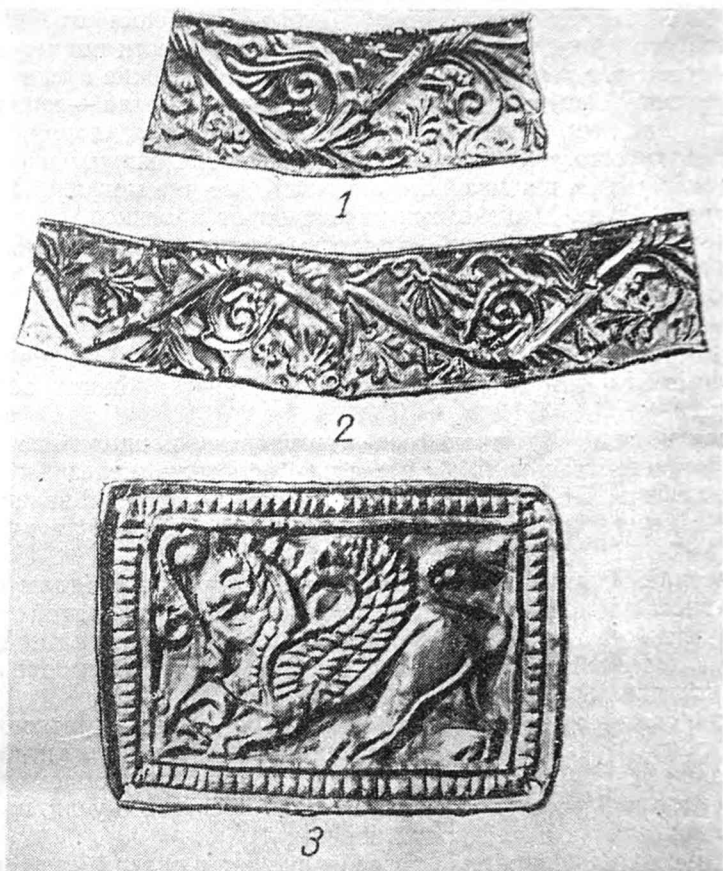

Рис. 9. 1, 2 — пластины золотые, штампованные; 3 — бляшка золотая, штампованная.

7. Шестьдесят восемь квадратных бляшек из золотой фольги с изображением головы Артемиды.

8. Шестьдесят золотых круглых бляшек с изображением четырехлепесткового цветка.

9. Тридцать три золотые полусферические бляшки в виде восьмилепестковых розеток.

10. Сорок шесть золотых круглых бляшек с изображением головы варвара.

11. Двадцать семь золотых круглых выпуклых бляшек.

12. Четыреста сорок пять золотых рубчатых пронизок.

13. Двести девяносто пять золотых полых полусферических, спаянных из двух половинок бусин.

14. Шестьдесят золотых амфоровидных подвесок.

15. Сто девяносто две золотые полусферические бляшки.

В южной части склепа от ограбленного погребения сохранились череп старого мужчины и лежащие рядом с ним кости ног человека. У юго-восточного угла обнаружен разбитый на мелкие куски скифский бронзовый котел и кости лошади. Внутри котла — кости домашних животных, покрытые окисью меди. Под поддоном котла оказалась хорошо сохранившаяся циновка, сплетенная из чакана. По-видимому, этой циновкой было покрыто все дно могилы. Западнее котла найдены 11 железных наконечников дротиков.

Рядом с черепом лежали две золотые бляшки. Одна из них имеет форму равнобедренного треугольника, другая — полусферической формы.

К северу от черепа — обломки сосуда из светлого стекла, покрытого иризацией. Вдоль западной стенки под одним из камней найден обломок клинка железного меча в деревянных ножнах, обтянутых кожей.

Среди камней обрушившегося внутреннего панциря северной стенки найдены семь целых и несколько обломков железных квадратных крюков. По-видимому, крюки вбивали в верхний венец сруба или в деревянное перекрытие и на них вешали одежду покойника.

В могиле обнаружено острие костяного гарпуна с одним боковым зубцом длиной в 6,8 см, изготовленного из трубчатой кости. При зачистке юго-восточного угла каменного пола склепа найдены обломки железной пластины и железного гвоздя, а также две пуговицы (костяная и свинцовая).

После снятия каменного пола склепа и присыпки в материке на уровне пола дромоса были обнаружены пять ям, в которых найдены створки раковин *Urio*, кости домашних животных, обломки лепных сосудов и фазосской амфоры, кусочки древесного угля, позвонки лошади, альчик и метаподий коровы.

После совершения обряда погребения вход в склеп был заложен с наружной стороны, т. е. со стороны дромоса, поперечной стеной из плит песчаника шириной в 1 м. Верхняя часть стены впоследствии обвалилась внутрь склепа. На расстоянии в 1,5 м от первой поперечной стены в дромосе была сооружена вторая поперечная перегородка толщиной в 1,2 м. В отсеке между этими перегородками обнаружено 14 амфор: 9 гераклейских и 5 синопских. Вдоль северной стенки стояло 5 штук: 3 гераклейские и 2 синопские (рис. 10, 2 и 3), вдоль южной — 6 гераклейских и 3 синопские.

Начиная от второй перегородки, все пространство дромоса (на протяжении 5 м) было забито плитами песчаника и темной илистой

глиной. На расстоянии в 7,9 м от второй была сооружена третья каменная перегородка дромоса шириной в 1 м, сложенная также со стороны входной части в дромос. Пространство между закладом и третьей перегородкой оказалось пустым. На дне его обнаружены остатки погребения коня, которое, как мы предполагаем, раскопал

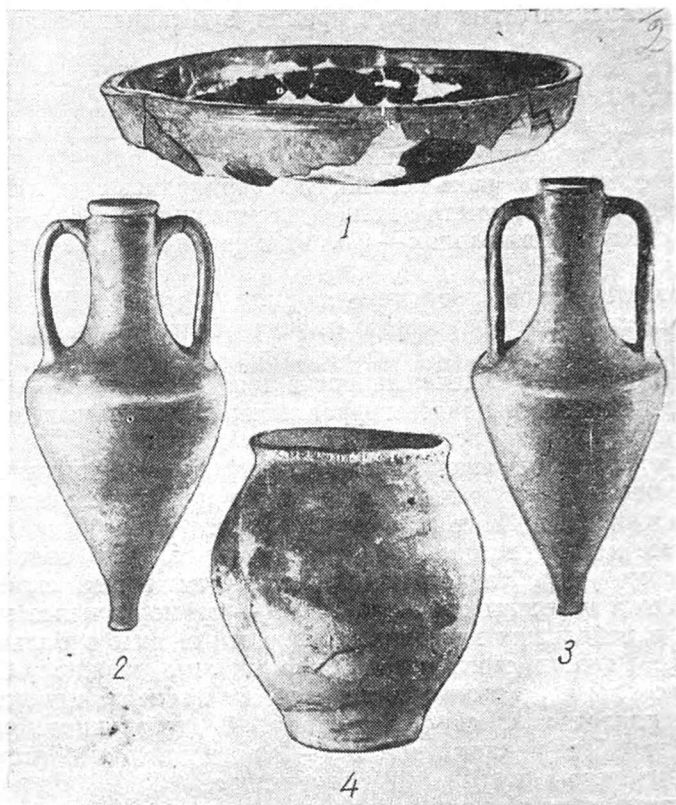

Рис. 10. 1 — чаша бронзовая; 2, 3 — амфоры синопские; 4 — горшок глиняный.

П. И. Хицунов. Он ошибочно принял резко обрывающийся заклад дромоса за развалившуюся западную стенку камеры. Вход в дромос был заложен еще одной каменной поперечной перегородкой на одном уровне с торцовыми стенами дромоса. Южная ее часть обвалилась внутрь. Ширина этой перегородки—1,20 м. Все перегородки сооружались с одной стороны. Об этом свидетельствует тот факт, что одна сторона их — ровная, а другая, обращенная к склепу, — неправильных очертаний. С наружной стороны дромоса, за четвертой перегородкой, все пространство, вплоть до внешнего панциря кургана, было забито темной илистой глиной. Глина стала настолько твердой, что с трудом поддавалась воздействию мощного ножа бульдозера.

На расстоянии в 2,15 м к западу от склепа обнаружена овальная конская могила, ориентированная по линии северо-запад — юго-восток. Ее длина — 2,25 м, ширина — 1,70, глубина — 1,25 м. В заполнении могилы на различной глубине найдены четыре фрагмента стенок гераклейских амфор, шестнадцать фрагментов стенок лепных сосудов плохого обжига, три обломка днищ лепных сосудов, один нуклеидный отщеп серого кремня, зуб лошади и железный крюк.

На дне ямы лежал костяк лошади на правом боку, головой на северо-восток. Передние ноги слегка согнуты. Возле раздавленного землей черепа найдены обломки железных кольчатых удил с перегибом и двух железных гвоздевидных псалий. Кольца удил охватывали расширенную часть псалий, где сохранились с двух боковых сторон перехваты. Диаметр колец, охватывавших псалии, — 4,2 см; диаметр отверстия в псалиях — 0,5. Размеры псалий не восстанавливаются.

В области левой лопатки — обломки квадратной железной пряжки с остатками подвижного язычка. Недалеко от черепа лошади найдено несколько бронзовых бляшек.

В северной части склепа, напротив того места, где начинается дромос, на горизонте найдены фрагменты двух лепных сосудов. Один из них украшен насечками, сделанными ногтем.

Всем комплексом вещей описанное погребение датируется второй половиной IV в. до н. э., хотя не исключено, что отдельные вещи относятся и к более раннему времени.

Впервые в Елизаветовской группе курганов была обнаружена новая форма погребального сооружения — каменный склеп. До сих пор были известны два вида могил — прямоугольные могильные ямы в небольших курганах и квадратные ямы в больших. В некоторых случаях стены ямы обкладывались камнем. Обычно могильные ямы перекрывались деревянным накатом, поверх которого настился толстый слой чакана. В небольших курганах высотой до 0,5 м и диаметром в 5—6 м могильная яма отсутствовала и умершего клали прямо на горизонте.

В связи с этим возникает вопрос, почему появилась здесь новая, необычная форма погребального сооружения?

Наличие цоколя, характер каменной кладки, фиксация продольных и поперечных пустот для бревен в стенах дромоса напоминают архитектурные приемы, характерные для зодчества Древней Греции и античных колоний Причерноморья. Достаточно сказать, что такие пустоты, как поперечные, так и продольные, обнаружены в толще оборонительной стены Себастополиса-Диоскуриады (I в. н. э.),¹ при раскопках различных архитектурных сооружений эллинского времени: античного города Аполлонии на Адриатическом море и в других местах.

Витрувий, живший в эпоху Цезаря и Августа, для увеличения

¹ Л. А. Шервенидзе, А. Н. Соловьев. Исследование древнего Себастополиса. СА, 1960, № 3, стр. 176.

прочности стен рекомендует «сквозь всю толщу стен... как можно чаще закладывать брусья из обожженного маслянистого дерева, чтобы стена, связанная с обеих сторон этими брусьями, как скрепами, навеки сохранила свою прочность...» и далее он пишет, что «это относится не только к городским стенам, но и к подпорным сооружениям...» Даниеле Барбаро в своих комментариях к этому отрывку Витрувия указывает, что деревянные брусья «впускать во все кладки», где толщина стен приближается к толщине оборонительных стен.

Обнаруженные нами остатки обожженных сверху деревянных плах, вмазанных в толщу стен Елизаветовского склепа, сделаны в соответствии с этими требованиями античной строительной техники.

Следовательно, мы можем утверждать, что техника сооружения описанного склепа была заимствована у зодчих античных колоний Причерноморья. Планировка склепа подобна планировке соседних боспорских склепов этого же времени, вскрытых в Царском, Золотом, Мелек-Чесменском и других курганах. В отличие от боспорских склепов, перекрытия которых представляли собой каменный свод, Елизаветовский склеп являлся более примитивным: он был перекрыт поперечным накатом из дубовых бревен, а сверху — толстым слоем чакана. Отличался он также и тем, что стены склепа были сделаны из необработанных плит песчаника, сложенных на глине с примесью соломы, в то время как стены боспорских склепов воздвигались из хорошо отесанных квадров, сложенных на извести и скрепленных иногда железными скобами или свинцовыми пиронами.

Любопытно, что в некоторых случаях скифские зодчие шли дальше по пути заимствования и воздвигали над склепом из тесаных плит каменную кровлю в виде ложного свода. Ярким примером этого является склеп IV в. до н. э. под курганом Огуз, раскопанный в низовьях Днепра.

Важно отметить, что в ряде случаев и в причерноморских склепах дромос разделялся перегородками на несколько помещений. В отличие от причерноморских стенки перегородок Елизаветовского склепа сложены не из тесаных квадров, а из таких же необработанных плит песчаника, как и стены склепа. Скрепляющим материалом являлась темно-синяя глина с примесью рубленой соломы. Архитектор, строивший этот склеп, по-видимому, был выходцем из местной среды, знавшим греческую архитектуру. Местной чертой в архитектуре склепа следует считать также то, что второй отсек заполнялся камнями и кусками темной глины и пространство от наружной стороны дромха до внешнего панциря забивалось глиной.

По сравнению с другими исследованными курганами Елизаветовской группы курган № 8 отличается необыкновенным богатством. Достаточно сказать, что здесь, в частично ограбленном кургане, было обнаружено свыше 4000 предметов, из них 1715 золотых. Однако, несмотря на обилие вещей, обряд погребения,

в том числе и общий принцип расположения инвентаря, такой же, как и в других исследованных Елизаветовских курганах. Оба похороненных в склепе, как и подавляющая часть костяков могильника, ориентированы головой на запад. Амфоры в отличие от других погребений могильника установлены в особом отсеке дромоса. Предметы вооружения — горит, меч, наконечники копий и дротиков, кнemiды, боевые пояса клались слева и в ногах погребенного. Обнаруженные 16 колчанов, насчитывающие 1064 бронзовых наконечников стрел, как бы окружают со всех сторон погребенного. В ногах второго покойника был поставлен бронзовый котел, в котором сохранились остатки мясной пищи.

Следовательно, общая схема расположения инвентаря в основном повторяет тот строго соблюдавшийся обряд захоронения, который был выработан местным древним населением. Правда, здесь (этого мы не встречали раньше) у правой ноги погребенного лежала богатая уздечка с набором бронзовых блях, серебряным налобником в виде головы хищника и серебряными позолоченными нащечниками в виде крыльев птицы. Это символическое захоронение коня типично для захоронений царских скифов Приднепровья (Чертомлыцкий курган и др.). Не особенно частым явлением для Елизаветовского могильника являются также найденные нами захоронения боевых коней. Одно из них, более раннее, находилось вне склепа, к западу от погребальной камеры. Захоронение совершено до сооружения насыпи кургана, и второе, более позднее, обнаружено П. И. Хицуновым во втором отсеке дромоса. Помимо этих, в Елизаветовском могильнике известны еще три случая захоронений лошадей в индивидуальной яме: в Ушаковском кургане, в кургане № 5 (раскопки 1954 г.) и в кургане № 4 (раскопки А. А. Миллера в 1908 г.). Интересно отметить, что в Ульском или Елизаветинских курганах Прикубанья найдены захоронения целых косяков лошадей, а здесь вместе с вождями хоронили только их любимых боевых коней. Поэтому наличие конских захоронений в Елизаветовских курганах не может служить доказательством кочевого образа жизни населения, оставившего эти памятники. Как мы показали, это древнее население уже перешло к оседлому образу жизни и занималось рыболовством, скотоводством и земледелием, а также различными ремеслами. Оно проживало на территории Елизаветовского укрепленного поселения.¹

✂ Единый обряд захоронения, имеющий определенные этнографические особенности, позволяет предполагать, что Елизаветовский курганный могильник оставлен нам родственной группой населения, родо-племенные вожди которого хоронились в курганах группы Пять братьев.

Каково этническое происхождение этого населения? В произведениях античных авторов есть некоторые сведения, позволяю-

¹ В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 году. СА, 1961, № 1, стр. 168.

щие выяснить название древних племен, оставивших нам Елизаветовские курганы. Геродот сообщает, что владения царских скифов простираются от Борисфена (Днепра) до Танаида (Дона). В другом месте он говорит: «Частью владения (царских скифов.— В. Ш.) простираются до реки Танаида». Поскольку в представлении древних географов Меотида (Азовское море) была вытянута с севера на юг, надо полагать, что владения царских скифов охватывали лишь нижнее течение реки Танаиса, которая являлась тогда границей Европы и Азии. Земли по левому берегу Танаиса принадлежали, по свидетельству того же Геродота, савроматам. Следовательно, Елизаветовские курганы и городище находились когда-то на границе кочевий савроматов и царских скифов. М. И. Ростовцев предполагал, что Елизаветовские курганы сооружены савроматами, а Пятибратие — скифами.

Однако обряд погребения у савроматов, несмотря на некоторое внешнее сходство, значительно отличается от обряда захоронения Елизаветовских курганов. Савроматы хоронили в квадратных или овальных могильных ямах значительной глубины, в то время как в Елизаветовских курганах подавляющая часть могил имеет вытянутые прямоугольные формы при небольшой глубине. Далее, савроматы, в отличие от древнего населения Нижнего Подонья, очень редко использовали чакан для покрытия деревянного наката. Савроматы клали в могилы обезглавленные туши баранов, в Елизаветовских курганах никаких следов этого не найдено. Отличия наблюдаются и в некоторых формах вооружения. Для Елизаветовских курганов характерны железные втики рюмкообразной формы, не встречающихся в савроматских захоронениях. В савроматских захоронениях встречается совершенно иной тип керамики, чем в Елизаветовских курганах. Кроме того, полученная в результате раскопок Елизаветовских курганов целая серия антропологических материалов не позволяет относить эти погребения к савроматским. Изучение черепов из Елизаветовского могильника, проведенное В. В. Гинзбургом, показало, что антропологический тип населения Елизаветовского городища близок к скифскому.

Вместе с тем данные топонимики, сохранные нам античными авторами, свидетельствуют со всей очевидностью, что здесь проживало иранское население.

Итак, данные Геродота, археологические материалы и топонимика свидетельствуют, что в низовьях реки Танаиса во времена Геродота обитали скифские племена. Обширные пойменные луга, близость Азовского моря, судоходная река Танаис привлекали внимание царских скифов к этому району. Для налаживания систематических торговых связей с греками, а впоследствии — с боспорцами царские скифы создали здесь во второй половине VI в. до н. э. поселение на месте бывшей рыбацкой стоянки кобякового типа. Руины этого поселения известны сейчас под названием Елизаветовского городища, а могильник — Елизаветовских курганов.

Канд. истор. наук Д. Б. ШЕЛОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ТАНАИСЕ

(по раскопкам 1955—1961 гг.)

Изучение истории, быта и культуры античных городов Северного Причерноморья значительно продвинулось благодаря работам советских археологов в последние полтора десятилетия. Особенно много сделано в области изучения экономики Боспорского царства и других северочерноморских античных государств. Очень большое место в работах советских исследователей занимает также проблема взаимоотношений и взаимовлияний греческой и варварской культур во всех областях хозяйственной и культурной жизни населения Северного Причерноморья в античное время. Решение многих сложных вопросов стало возможно лишь в результате систематических раскопок причерноморских античных городов и всестороннего осмысления добытых при раскопках материалов.

Среди античных городов Северного Причерноморья Танаис занимал особое место. Некоторые сведения об экономической и культурной жизни города есть в сочинениях античных авторов и в танаисских надписях, ставших известными еще в середине прошлого века.

К систематическим раскопкам городища и некрополя Танаиса приступила в 1955 г. Нижне-Донская археологическая экспедиция.

Являясь самым отдаленным северо-восточным центром Северного Причерноморья и всего античного мира, Танаис, естественно, испытывал гораздо большее влияние местных варварских племен, чем другие античные города. Об этом позволяют судить и археологические материалы, полученные при раскопках городища в прошлом веке, и упоминания о параллельном существовании в Танаисе двух общин — элинов и танаитов, и исследование состава имен в танаисских надписях. Интересны также свидетельства античных авторов о торговой роли Танаиса. Письменные источники настойчиво подчеркивают торговый характер этого города. Все это ставило Танаис в особое положение среди античных центров Причерноморья и настоятельно требовало проведения систематического исследования этого города.

С другой стороны, выяснение исторических судеб Танаиса чрезвычайно важно для создания истории Подонья—Приазовья и всего юго-востока Европейской части СССР. На протяжении столетий Танаис был главным торговым и, вероятно, производственным центром обширной области, включавшей в себя сальские, маньчские, донские и донецкие степи. Танаис имел торговые связи не только с Подоньем и Приазовьем, но и с Нижним Поволжьем и в какой-то мере — с Прикубаньем. Связывая эти районы с более развитыми в экономическом и социальном отношении античными центрами Причерноморья, Танаис не мог не оказывать сильного воздействия на жизнь окружающих меотских и сарматских, частью оседлых, частью кочевых племен. Не случайно вокруг Танаиса возникла большая группа поселений, несомненно, тесно связанных с ним. Все эти обстоятельства заставили Нижне-Донскую экспедицию основное внимание уделить археологическому изучению Танаиса.

К моменту начала работ Нижне-Донской экспедиции в 1955 г. в отношении исследования Танаиса было сделано довольно много. Был накоплен довольно значительный вещевой материал с городища и из некрополя Танаиса. Анализ этого материала позволял наметить общие хронологические границы существования города — III в. до н. э. — IV в. н. э. Характер находок на городище и в некрополе свидетельствовал о смешанном характере культуры Танаиса с преобладанием элементов варварской культуры над греческими. Наконец, памятники танаисской эпиграфики давали возможность судить о некоторых сторонах общественной и религиозной жизни города, об этническом составе его населения.

Однако археологические материалы, имевшиеся в распоряжении исследователей, не давали возможности представить себе общий облик города, проследить главные моменты его истории, определить уровень его экономического развития. Почти полное отсутствие стратиграфических наблюдений оставляло место для всевозможных ошибочных построений вроде легенды о существовании двух Танаисов. Только систематические археологические раскопки могли дать в руки исследователей новый материал, необходимый для восстановления истории древнего города.

Первоначально перед Нижне-Донской экспедицией была поставлена задача — провести углубленную разведку городища, чтобы выяснить, целесообразно ли начинать здесь стационарные раскопки, поскольку городище, служившее в течение многих десятилетий каменоломней для окрестного населения, было сильно разрушено. В первый же год работы стало ясно, что руины Танаиса хранят интересный и ценный материал о его истории. Попутно были уточнены некоторые топографические данные о Танаисском городище и выявлены его границы.

Теперь, по прошествии семи лет с начала систематических раскопок Танаиса, уместно подвести некоторые итоги проделанной работы, подчеркнув то новое, что стало известно в результате

раскопок, и заодно наметить дальнейшие задачи в исследовании Танаиса.

1. Прежде всего раскопки позволили внести некоторые уточнения в топографию Танаисского городища. Выяснено, что в эллинистическое время город занимал, помимо основного четырехугольника, ограниченного позднее рвами, еще и территорию к западу от него, так называемое «западное крыло». Попутно обнаружилось, что земляной вал, который, как считалось ранее, ограничивал «западное крыло», никакого отношения к Танаису не имеет: он насыпан в новое время над развалинами древнего города. Окончательно опровергнуто предположение о существовании «восточного» и «северного крыла» городища. К северу и востоку от основного четырехугольника были мусорные свалки и грунтовой некрополь. На рубеже нашей эры «западное крыло» города было заброшено, и население было сосредоточено на территории основного четырехугольника городища. Ближайшей задачей является выяснение границ западной части поселения и определение общей площади его в последних веках до н. э.

2. Окончательно может считаться опровергнутой легенда о существовании двух Танаисов, возникшая во время первых раскопок Недвиговского городища в середине XIX в. Раскопки доказали, что город в районе современного хут. Недвиговки существовал непрерывно от III в. до н. э. до середины III в. н. э., когда он был разгромлен неприятелем. Через некоторое время город был восстановлен и просуществовал до конца IV в. н. э. Обнаружены не только отдельные предметы, датируемые III—I вв. до н. э. (среди них наиболее показательны керамические клейма Родоса, Синопы, Коса, Херсонеса и др., а также обломки «мегарских чашек» поздней чернолаковой и другой эллинистической керамики), но и жилые и хозяйственные комплексы и целые городские кварталы III—I вв. до н. э., а также современные им оборонительные сооружения. В Танаисском некрополе открыты могилы того же времени.

Таким образом, Танаис был основан на правом коренном берегу дельты Дона в пределах современного хут. Недвиговки и существовал здесь до конца античной эпохи.

3. Многочисленные находки различных материалов позволяют утверждать, что во второй половине III в. до н. э. Танаис уже существовал как торговый центр Нижнего Подонья. Находки предметов, относящихся к более раннему времени, единичны. Это — редкие мелкие фрагменты чернолаковой керамики конца IV и начала III в. до н. э. и единственная пантикапейская монета начала III в. до н. э., найденная в хозяйственной яме на раскопе VI. Все открытые строительные комплексы датируются концом III в. до н. э. и более поздним временем. Очевидно, следует считать, что боспорцы основали Танаис в середине или во второй половине III в. до н. э.; об этом говорит и Страбон. Впрочем, жизнь существовала на месте Танаиса значительно раньше, так как при раскопках города и танаисского некрополя были найдены

бронзовые стрелы архаичного типа и даже отдельные каменные орудия периода бронзы.

4. Археологическими исследованиями Нижне-Донской экспедиции открыты многие жилые и хозяйственные комплексы Танаиса, выяснена система городской застройки, характер бытовых сооружений, общий облик городских кварталов. Несмотря на то, что при археологических раскопках Недвиговского городища в XIX в. были открыты многие здания и сооружения, мы до работ Нижне-Донской экспедиции не имели никакого представления о домах древнего Танаиса, о его застройке, так как исследователи прошлого столетия не оставили никаких описаний и планов открытых ими построек. Раскопки последних лет показали, что все здания в городе были построены из необработанного камня-известняка, сложенного на глиняном растворе, покрывались они камышом или соломой, очень редко — черепицей. Застройка города была очень тесной и нерегулярной. Для построек первых веков н. э. характерны глубокие подвалы, частично выложенные камнем, частично высеченные в скале; эти подвалы служили местом хранения различных запасов и товаров, о чем свидетельствуют найденные в них амфоры, иногда насчитывающиеся сотнями. Небольшие внутренние дворы в городских усадьбах были вымощены каменными плитами, полы жилых и хозяйственных помещений были, как правило, глинобитными. В некоторых дворах обнаружены колодцы и водосборные цистерны, обложенные камнем. Для дальнейшего изучения городища очень важно вскрыть и исследовать улицы основного четырехугольника. Обнаруженные в западной части города проулки очень извилисты и узки, они пригодны только для пешеходов, но не для повозок.

5. Оборонительные сооружения первых веков н. э. — стены, башни, ворота Танаиса были открыты еще раскопками предыдущего столетия. Эти постройки особенно сильно пострадали: окрестные жители добывали здесь камень для строительства. Тем не менее работы Нижне-Донской экспедиции дали много нового и в отношении изучения системы обороны города. Наиболее интересным является обнаружение оборонительной линии в западной части города, относящейся к III—I вв. до н. э. Пока открыты небольшие стрелки оборонительных стен, и дальнейшее их исследование еще предстоит, но уже сейчас можно сделать ряд чрезвычайно важных наблюдений. В ранний период своего существования, в III—I вв. до н. э., Танаис состоял из двух расположенных рядом обособленных частей, разделенных небольшой балкой. Каждая из этих городских частей была обнесена каменными оборонительными стенами. После того, как западная часть города (примерно на рубеже н. э.) была заброшена, основная, восточная часть территории города была особенно сильно укреплена: были надстроены и утолщены стены, построены башни, высечен в материковой скале глубокий ров. Наконец, открыты и остатки оборонительной стены последнего периода существования Танаиса — конца IV в. н. э.

6. Долгое время считали, что Танаис был разрушен боспорским царем Полемоном и потом построен на другом месте. Академик С. А. Жебелев высказал другое предположение: Полёмон вообще не разрушал города, а лишь ограбил его. Результаты раскопок опровергли обе эти точки зрения. Найденные жилые комплексы на городище и богатые погребения в некрополе, датированные I в. н. э., свидетельствуют о том, что жизнь в городе продолжала нормально развиваться и после взятия его Полемоном. Важно отметить, что в центральной части городища открыты здания, построенные еще в дополемоновское время и просуществовавшие до III в. н. э. С другой стороны, прекращение жизни в западной части городища, разрушение оборонительных стен в конце I в. до н. э., прослеженное археологически, могут быть довольно правдоподобно объяснены карательным походом Полемона против Танаиса. Можно думать, что боспорский царь в наказание разрушил некоторые сооружения в непокорном городе, и прежде всего крепостные стены. Вероятно, с этим походом было связано и запустение западного района города.

7. Довольно многочисленные строительные надписи из Танаиса, добытые предыдущими раскопками, сообщают об усиленной строительной деятельности в городе во II и начале III в. н. э. Раскопки подтвердили это, особенно в отношении создания оборонительных сооружений. Ко II в. относится строительство крепостной стены, открытой в северо-восточном углу городища. В это же время была восстановлена и значительно укреплена оборонительная стена в противоположном, юго-западном углу основного четырехугольника города. Стена эта, существовавшая, видимо, со II в. до н. э. и разрушенная, может быть, во время взятия города Полемоном, надстраивается и получает новый дополнительный панцирь, утолщающий ее почти вдвое. Одновременно была построена на этом участке и мощная четырехугольная башня. Видимо, к этому же времени относится создание глубокого рва с западной стороны основного четырехугольника городища; нижняя часть рва — глубокая, высечена в материковой скале. Исследования на двух противоположных углах четырехугольника городища позволяют сделать заключение, что вся система обороны Танаиса была создана во II в. н. э. Энергичное строительство оборонительных сооружений в Танаисе во II и начале III в. говорит о том, что положение в нижнедонских степях в это время было весьма тревожным и городу приходилось постоянно опасаться нападения кочевников. Как нам теперь известно, танаисцам не помогли сооруженные ими укрепления, и около середины III в. город был все же взят и разгромлен неприятелем.

8. Об этом разгроме мы до последних раскопок ничего не знали. Правда, еще П. М. Леонтьев обнаружил следы огромного пожара, но он связывал этот пожар со взятием Танаиса гуннами в конце IV в. н. э. При раскопках города Нижне-Донской экспедицией на всех участках, где были открыты слои и постройки первых веков н. э., обнаружены следы катастрофы, постигшей город,—

обгорелое дерево, уголь, следы пожара на постройках и вещах. Именно в это время были завалены камнем подвалы, где сохранилось множество всевозможных вещей, в частности фрагменты сотен амфор, в которых хранились продукты. Эти амфоры, краснолаковая и другая керамика из разрушенных зданий относятся к середине III в. н. э. Находки монет боспорских царей позволяют считать, что гибель помещений, где эти монеты обнаружены, произошла вскоре после 239 г., вероятно, еще в 40-х годах III в. С этим хорошо согласуется и тот факт, что мы не нашли в Танаисе ни одной надписи, которая могла бы быть датирована позже 244 г., тогда как от первой половины III в. их сохранилось довольно много. Разрушение всего города, отсутствие в нем жизни в последующие более чем сто лет, а также прекращение жизни в III в. н. э. во всех других нижнедонских городищах заставляет связывать это с нашествием кочевых племен, вероятно, принадлежавших к готскому племенному союзу. Около четверти века спустя эти же племена обрушились на основные области Боспора, где были также уничтожены многие поселения.

9. Открытые раскопками остатки построек последнего периода существования города — второй половины IV в. н. э. очень фрагментарны и не дают пока ясного представления о сооружениях этого времени. Можно только утверждать, что во второй половине IV в. была застроена почти вся территория основного четырехугольника городища, но все постройки этого времени отличались очень небрежной и примитивной кладкой, даже оборонительная стена IV в., участок которой был открыт в юго-западном углу городища, была сложена кое-как из мелкого рваного камня. Монетные находки неопровержимо свидетельствуют о том, что город не погиб в 475 г. в результате нашествия гуннов, как это предполагалось ранее, но существовал и в 80-х годах IV в. Видимо, к концу этого столетия он перестал существовать, но причины его окончательного запустения нам неизвестны. Вряд ли можно надеяться, что когда-либо будут сделаны значительные открытия в отношении этого последнего периода жизни города: верхние культурные слои городища, в которых находились памятники IV в. н. э., почти полностью уничтожены при добывании камня в XIX в.

10. Раскопки подтвердили представление о Танаисе как о важном торговом центре. Большое количество привозной керамики свидетельствует о широких торговых связях Танаиса уже в первые века его существования. Значительный интерес представляют подвалы первых веков н. э., принадлежавшие торговцам. Сотни хранившихся в этих подвалах амфор были помечены краской. Исследование надписей на амфорах — имен, числовых знаков, вероятно, даст нам новые сведения об организации торговли в Танаисе. Археологические материалы дают также представление о развитии в Танаисе производства, особенно сельскохозяйственного. Найденные запасы зерна (пшеница, просо, ячмень, рожь), зерновые ямы, сельскохозяйственные орудия свидетельствуют о значительном развитии земледелия в окрестностях города. Osteологические материалы

говорят о занятии скотоводством; находки рыбьих костей, чешуи и рыболовных грузил свидетельствуют о том, что рыбная ловля играла большую роль в хозяйственной жизни танаисцев. Имеются также некоторые данные о развитии в Танаисе ремесел — гончарного, ювелирного, ткацкого и др.

11. Нумизматические находки Нижне-Донской экспедиции в сочетании с уже имевшимися сведениями о находках монет на Недвиговском городище дают представление о денежном обращении и о денежном рынке в этом уголке Северного Причерноморья. Несмотря на весьма значительный импорт товаров в первые века существования Танаиса, денежное обращение в нем почти совершенно не было развито; только так можно объяснить почти полное отсутствие монет III—I вв. до н. э., хотя культурные слои этого времени открыты во всех раскопках и эллинистические кварталы города исследованы достаточно широко. В I—III вв. н. э. в обращении была царская боспорская монета. При раскопках найдено большое число медных монет боспорских царей конца I, II и первых десятилетий III в. н. э., а также отдельные боспорские статеры того же времени. Большой интерес представляет и клад золотых боспорских статеров, найденный недавно на Нижне-Гниловском городище. Эти монеты вряд ли могли попасть в Нижнее Подонье, минуя Танаис. Наряду с боспорской в Танаисе обращалось и небольшое количество медной римской монеты. Во второй половине IV в. в денежном обращении была уже только римская монета, поскольку выпуск боспорских монет к этому времени прекратился.

12. Раскопки грунтового некрополя Танаиса, предпринятые Нижне-Донской экспедицией, значительно дополнили наши сведения о могильном инвентаре, погребальных обрядах и формах могильных сооружений, а главное, позволили впервые составить ясное представление о целых могильных комплексах, произвести хронологическую классификацию погребений и проследить изменения в погребальных обрядах и составе инвентаря. Материалы раскопок могильника позволяют решить вопрос о связи тех или иных явлений погребального обряда с различными этническими влияниями и определить этнический и социальный состав городского населения. На очереди — возобновление археологических раскопок курганного могильника Танаиса, который до сих пор Нижне-Донской экспедицией не исследовался.

13. Открытие сравнительно хорошо сохранившихся жилых и хозяйственных построек, оборонительных сооружений, целых кварталов древнего города позволило создать на месте раскопок постоянную экспозицию, превратить городище в археологический заповедник.

Огромное количество добытых раскопками вещей не толькополнило соответствующие разделы экспозиции Ростовского областного и Таганрогского краеведческого музеев, но и вызвало необходимость создания специально археологического музея на месте раскопок. Археологический музей и заповедник «Танаис», созданные на месте раскопок в хут. Недвиговке Ростовским краеведче-

ским музеем в качестве его филиала, призваны стать значительным центром научной и общественно-просветительной работы в области древней истории Донского края.

14. Разведочные работы Нижне-Донской экспедиции в центральной части дельты Дона выявили несколько поселений, относящихся к античному времени. На этих поселениях собран подъемный материал, относящийся главным образом к IV—III вв. до н. э.: фрагменты гераклеидских и фазосских амфор, лепной керамики, аналогичной керамике Елизаветовского городища, пряслица, бусы и пр.

В районе одного из этих поселений (Бугры II) открыты четыре погребения, которые должны быть датированы V—IV вв. до н. э. При помощи небольших раскопок были исследованы синхронные Танаису поселения на Нижне-Гниловском и Сухо-Чалтырском городищах, а также более раннее поселение у Киреева хутора (Лагутник).

Таковы некоторые итоги работ Нижне-Донской экспедиции по исследованию древнего Танаиса и его округи. Кроме этих исследований, экспедиция вела также работу по разведке памятников эпохи бронзы в районе Танаиса и в дельте Дона. Следует отметить, что разведочным работам экспедиция уделяла пока относительно мало внимания по сравнению с работами в Танаисе. В дальнейшем значительное расширение работ по исследованию других памятников нижнего течения Дона явится одной из важнейших задач экспедиции.

РАННИЙ ТАНАИС

(III—II вв. до н. э.)

Из немногочисленных упоминаний о городе Танаисе в античной литературе наиболее раннее относится к эпохе Митридатových войн: «При впадении Танаиса в Меотийское озеро построен греческий город Танаис, который называется также Эмпорием».¹ Около рубежа н. э. об этом городе сообщает Страбон: «При впадении реки в озеро находится одноименный город Танаис, основанный эллинами, владеющими Боспором. Недавно его разрушил царь Полемон за непослушание. Он был общим торжищем для европейский и азиатских кочевников и для приплывающих по озеру с Боспора. Одни привозили рабов, кожи и другие товары кочевников, а другие взамен привозили на кораблях одежду, вино и прочее, что свойственно культурному образу жизни».² В другом месте Страбон называет этот город «самым большим торжищем варваров после Пантикапея».³

Предположение, что город Танаис находился в районе хут. Недвиговки, высказанное впервые в 1824 г. Стемпковским, полностью подтвердилось еще в 1853 г. раскопками П. М. Леонтьева. Он впервые высказал предположение, что городище близ Недвиговки является остатками позднейшего Танаиса, который после разорения города Полемоном был построен на новом месте, т. е. возле Недвиговки. Остатки же раннего, «дополемоновского» Танаиса, может быть, следует искать близ станицы Елизаветовской. Предположение это было основано на недоразумении: П. М. Леонтьев не сумел правильно датировать находки, обнаруженные на Недвиговском городище, и разобраться в стратиграфии. Не обратив внимания на материалы эллинистического времени (родосские клейменные амфоры и другая эллинистическая керамика), он основывал свои суждения о времени жизни Недвиговского городища только на эпиграфическом и нумизматическом материале, который был найден в верхних

¹ Александр Полигистор (современник Суллы)—в цитате Стефана Византийского (под словом «Танаис»). ВДИ, 1947, № 3 стр. 315.

² ВДИ, 1947, № 4, стр. 210.

³ Там же, стр. 204—205.

слоях и относился ко II—III вв. н. э., так как лапидарных надписей и монет эллинистического времени на Недвиговском городище он не нашел.

Мнение П. М. Леонтьева о существовании «двух Танаисов» разделяли и другие исследователи вплоть до недавнего времени. Между тем на отсутствие каких-либо исторических данных о перенесении города с одного места на другое и на необоснованность высказываний о существовании двух Танаисов указывал еще в дореволюционное время М. И. Ростовцев, отмечавший наличие в некрополе Недвиговки погребений эллинистического времени.¹

После раскопок, произведенных в 20-х годах нашего века А. А. Миллером на Елизаветовском городище, выяснилось, что жизнь на этом городище прекратилась еще в конце III в. до н. э., т. е. совершенно независимо от карательного похода Полемона. Тем не менее А. А. Миллер продолжал видеть в Елизаветовском городище «ранний Танаис» и стал связывать перенесение города из района Елизаветовской в район Недвиговки с обмелением древнего русла Дона.²

Между тем Т. Н. Книпович, изучавшая материалы из раскопок дореволюционного времени на Недвиговском городище и некрополе, сделала вывод о существовании города Танаиса близ Недвиговки по крайней мере с конца III — начала II в. до н. э.³, т. е. примерно с того самого времени, к которому относится затухание жизни в Елизаветовском городище. Она считала, что в V—III вв. до н. э. крупным торговым пунктом в дельте Дона было поселение на месте Елизаветовского городища, а с III—II вв. до н. э. этот центр переместился в Недвиговское городище. Вопрос о том, носило ли Елизаветовское поселение имя города Танаиса и был ли Танаис перенесен в район современной Недвиговки, она оставила открытым.

О времени возникновения города Танаиса в литературных источниках нет сведений. О ранних этапах проникновения эллинов в низовья Дона мы находим сведения только у Плиния. Сообщая о существовании города при устье Танаиса, он говорит, что окрестностями этого города владели сначала карийцы, затем клазоменцы и меоны, а потом уже пантикапейцы.⁴

Находки ионийской керамики середины и конца VI в. до н. э. (в Таганроге) и VI — начала V в. (в Елизаветовском городище) подтверждают факт появления ионийских купцов в устье Дона в это раннее время. Лишь позже, начиная с рубежа V—IV вв. до н. э. в Елизаветовском городище появляются боспоране, игравшие, безусловно, главную роль в торговле этого поселения в IV—III вв. до н. э.

¹ ИАК, вып. 65, стр. 23; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 529.

² ИАК, вып. 35, стр. 124.

³ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елизаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г. ИГАИМК, вып. 104. Л., 1935, стр. 194; ее же. Танаис. Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 123.

⁴ Плиний. Естественная история, VI, 20.

Само Елизаветовское городище, к сожалению, изучено очень мало. По наблюдениям Т. Н. Книпович, во все периоды существования поселения количество обломков лепной керамики местного изготовления далеко превышает количество обломков всех остальных групп керамических изделий, что резко отличает данное поселение от других поселений Северного Причерноморья, являвшихся греческими колониями. Еще до появления греков там существовало поселение местных племен, аналогичное другим варварским поселениям на Нижнем Дону.

Примыкающий к поселению курганный могильник изучен значительно лучше.¹ Все материалы из могильника и городища дают основание считать, что поселение близ станицы Елизаветовской представляло собой типичное варварское поселение, имевшее постоянные торговые связи с греками.

С другой стороны, разведки, производившиеся в 1908 г. в дельте Дона А. А. Миллером, дали возможность установить границы древней культурной площади на современной территории дельты. Это — небольшая территория между ериком Дугиным, южным протоком Дона и ряд песчаных холмов между ериком Дугиным и Лагутником. Место это не заливается водой во время весенних разливов.

На всей остальной, заболоченной части дельты Дона культурных остатков обнаружено не было. Сопоставление данных археологических разведок со старинными картами устья Дона приводит к выводу, что в древности площадь дельты была намного меньше и незатопляемая ее часть была значительно ближе к морю, чем в настоящее время. Таким образом, в дельте Дона был лишь один остров, на котором и расположено Елизаветовское городище.

Об острове, лежащем между устьями Танаиса, имеются упоминания у Страбона, Птолемея и Стефана Византийского. «Перед Эмпорием (Танаисом), — пишет Страбон, — на расстоянии ста стадиев, лежит остров Алопекия — поселение со смешанным составом жителей». Птолемей указывает на местоположение острова — «в устье реки Танаиса». Указания Страбона и Птолемея о местоположении острова, расстоянии между ним и городом Танаисом, равном ста стадиям, находится в полном соответствии с конфигурацией дельты Дона и острова в период жизни поселения у Елизаветовки. А культурный облик этого поселения, насколько можно судить по производившимся до настоящего времени археологическим исследованиям, подтверждает слова Страбона о смешанном греко-варварском составе его обитателей. Подобное поселение не могло являться «городом, основанным эллинами» и поэтому никогда не могло иметь полисной организации, обычной для греческих колоний.

Предположение о возможности отождествления Елизаветовского городища с упомянутым Страбоном поселением на о. Алопекия было высказано еще английским ученым Э. Миннзом², но не нашло

¹ В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 гг. ИРОМК, 1959, № 1 (3), стр. 13—28; его же. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. СА, 1961, № 1, стр. 150—168.

² E. Minns. Scythians and Greeks in South Russia. Cambridge, 1913, стр. 567.

достаточного отклика в научной литературе. Между тем предположение это заслуживает самого серьезного внимания. Существенным обоснованием этого предположения являются отмеченное Минизом совпадение расстояния между Танаисом и городищем Елизаветовки, приведенные выше соображения А. А. Миллера о границах древней культурной площади в дельте Дона и, наконец, культурный облик этого варварского поселения.

Вместе с тем отмеченное исследователями (Миниз, Ростовцев) отсутствие каких-либо упоминаний античных писателей о перенесении города Танаиса и переселении его жителей заставляет окончательно отказаться от версии о двух Танаисах и исследовать этот город в раннюю пору его существования путем археологических изысканий близ хут. Недвиговки.

Наличие материалов III—II вв. до н. э. в нижних слоях Недвиговского городища и погребений этого же времени как в курганном, так и в грунтовом могильнике было твердо установлено исследованием Т. Н. Книпович. Однако остатков жилых и оборонительных сооружений, которые дали бы возможность составить представление о жизни города Танаиса в так называемый «допелеоновский» период, и материалов для уточнения даты возникновения города раскопками дореволюционного времени раскрыть не удалось.

Планомерные археологические раскопки на Недвиговском городище были начаты Нижне-Донской археологической экспедицией в 1955 г. В раскопах, заложенных на территории городища (раскопы I, II, IV, XII) везде удалось обнаружить культурный слой и даже некоторые строительные остатки эллинистического времени, правда, в сильно разрушенном состоянии. Объясняется это тем, что остатки древнейших построек были почти полностью уничтожены при воздвижении построек первых веков н. э., особенно при сооружении подвалов, столь характерных для жизни города римского времени.

В раскопе I, в центре городища, были найдены остатки эллинистической кладки стены из прекрасно отесанных камней, в раскопе XII, в юго-восточной части городища, — большая, расширяющаяся книзу яма, вырубленная в скале, глубиной свыше 3 м и почти с таким же диаметром дна. В нижнем слое засыпи ямы были найдены фрагменты эллинистической керамики III—II вв. до н. э. и бронзовая монета III в. до н. э. На раскопе IV, в юго-западной части городища, был раскрыт небольшой участок оборонительной стены II в. до н. э. шириной около 2 м, сложенной из крупных неотесанных камней на глинистом растворе и ограждавшей город с запада.¹

В 1957 г. на так называемом «западном крыле», отделенном от городища глубоким ровом, был заложен раскоп VI. Здесь на площади в 80 м² под слоем мусорных свалок первых веков н. э. были вскрыты хорошо сохранившееся жилое помещение с глинобитным полом и примыкавший к нему с юга мощный дворик.

В 1958—1960 гг. раскоп VI был расширен к югу, западу, северу и северо-востоку и площадь его достигла 600 м². Вся вскрытая

¹ Д. Б. Шелов. К истории Танаиса. ВДИ, 1959, № 1, стр. 120; его же. Руины Танаиса. ИРОМК, 1959, № 1 (3), стр. 32.

площадь оказалась занятой остатками хорошо сохранившихся жилых и хозяйственных построек. Сопровождающий их керамический материал (ручки амфор с клеймами, обломки «мегарских чашек», поздне-эллинистических расписных сосудов, поздней чернолаковой керамики) позволяет определить время жизни этого участка (III— I вв. до н. э.).

К северо-западу от раскопа VI был заложен раскоп VII для исследования земляного вала, ограждающего так называемое «западное крыло». Раскоп VII шириной в 4 м перерезал этот вал позднейшего времени. Насыпь вала сооружена из перекопанного античного культурного слоя первых веков н. э., под которым глубже также оказались остатки построек эллинистического времени.

В 1958 г. к северу от раскопа VI был заложен еще один небольшой разведочный раскоп IX (площадью в 32 м²) для выяснения северной границы сохранившегося древнейшего участка города. В этом раскопе обнаружены остатки каких-то строительных сооружений и хозяйственная яма в юго-западном углу раскопа.

В 1959—1961 гг. раскоп IX был расширен в восточном и западном направлениях, и площадь его достигла 300 м². На этой площади был вскрыт участок оборонительной стены, тянувшейся с запада на восток и ограждавшей город с севера со стороны степи.

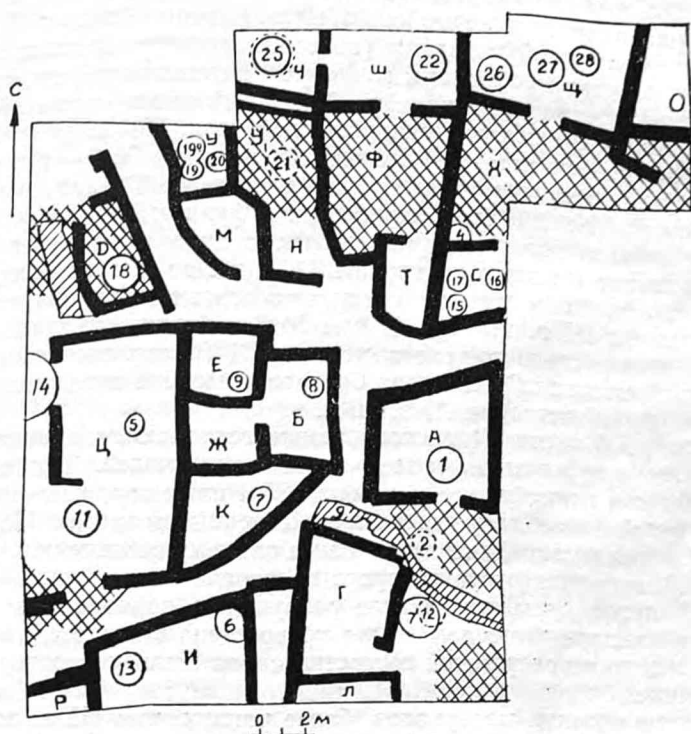
При расширении северной части раскопа VI на восток до рва, который отделяет так называемое западное крыло от основного четырехугольника городища, были также раскрыты сильно разрушенные постройками более позднего времени остатки оборонительной стены, идущей с севера на юг вдоль рва с запада, синхронной эллинистическому городу. Это дает возможность сделать очень важное наблюдение относительно топографии раннего Танаиса. В эллинистическую эпоху город Танаис занимал территорию значительно более обширную, чем в первые века н. э., и состоял из двух поселений. Одно из них занимало основной четырехугольник городища, окруженный рвом с востока, севера и запада. Другое примыкало к нему с запада, непосредственно за рвом. Каждое из этих поселений имело свой пояс оборонительных стен. Как далеко на запад простиралось западное поселение, установить пока не удалось.

При раскопках грунтового некрополя в 1955—1956 гг. на так называемом восточном крыле в раскопе III в нижних слоях удалось раскрыть серию погребений, датируемых также III—I вв. до н. э.

Весь этот материал, полученный в результате работ Нижне-Донской экспедиции, и часть материала из раскопок некрополя, произведенных в 1908—1909 гг. Н. И. Веселовским (также к востоку от городища, недалеко от раскопа III), дают нам возможность уточнить время возникновения города Танаиса, его местоположение, характер застройки и планировку, особенности хозяйственной жизни и некоторые черты его культурно-этнического облика и социально-политической организации.

Жилые комплексы, вскрытые на площади VI раскопа, относятся в основной своей массе ко II—I вв. до н. э. Однако возникновение поселения здесь следует относить к более раннему времени. В неко-

РАСКОП VI ГЕНПЛАН

КЛАДКИ II в. до н.э.

КЛАДКИ III в. до н.э.

ВЫМОСТКИ

торых местах сохранились фундаменты более ранних зданий и засыпанные хозяйственные ямы, частью перекрытые вымостками дворов, частью оказавшиеся под кладкой стен домов II—I вв. до н. э.

Остатки наиболее ранних сооружений обнаружены в юго-восточной части раскопа VI. Это — стена № 9—9а, представляющая собой фундамент разрушенного здания. Он состоит из трех рядов крупных камней неправильной формы, сложенных на глине уступами. Ширина нижнего ряда кладки — около 1 м, а верхнего — 0,55 м, что составляет толщину стоявшей над ним стены; при этом глинобитный пол помещения находился на уровне верхнего ряда кладки фун-

дамента. Однако на участке, занятом несохранившимся зданием, которому принадлежала стена № 9—9а, сохранились следы еще более древнего обитания, так как до сооружения этого здания здесь находилась яма (№ 12); яма эта частично перекрыта стеной № 9а, и дно ее находится примерно на 1 м ниже подошвы стены. К сожалению, керамический материал (обломки стенок родосских амфор и лепных сосудов), собранный в мусоре, заполнявшем яму, не дает возможности точно ее датировать. Западный конец стены № 9 поворачивает к югу, образуя закругленный угол. После разрушения жилого комплекса, которому принадлежала стена № 9—9а, на месте его было построено новое здание (помещение Г), западная стена которого (№ 10) была сложена на фундаменте стены № 9. По находкам в прослойках глинобитного пола и на поверхности его помещение Г можно датировать II—I вв. до н. э., а описанные остатки древнейших построек следует относить ко времени не позднее середины III в. до н. э. В яме № 6, частично уходящей под стены северо-восточного угла помещения И (расположенного к западу от помещения Г), найдена бронзовая монета пантикапейской чеканки первой четверти III в. до н. э.

В северной части VI раскопа также встречаются в отдельных жилых комплексах следы более ранней жизни людей. Так, в помещении У₁ под глинобитным полом на 0,35 м ниже подошвы стен раскрыт другой глинобитный пол с хозяйственными ямами. Пол этот принадлежал несохранившемуся более раннему помещению. Помещение О, западная стена которого построена позже южной и восточной, перестраивалось. После разрушения первоначальной постройки площадь этого дома была превращена в мощеный дворик, а впоследствии поверх этой вымостки снова было устроено жилое помещение.

Однако никаких материалов, более ранних, чем III в. до н. э., на площади раскопов VI, VII и IX найдено не было. Равным образом и в некрополе Танаиса до настоящего времени не было найдено ни одного погребения, которое можно было бы датировать временем более ранним, чем III в. до н. э. Поэтому при современном состоянии археологического изучения Танаиса мы имеем основание отнести возникновение эмпория к первой половине или середине III в. до н. э.

Сохранившиеся строительные комплексы на участке раскопа VI, относящиеся к концу III—I вв. до н. э., дают нам возможность проследить планировку жилых построек западного участка города в эллинистическое время.

Комплексы построек, принадлежавшие отдельным владельцам, представляли как бы отдельные усадьбы, состоявшие из нескольких небольших смежных помещений, соединенных между собою дверными проемами и имевшие выход во внутренние, вымощенные камнем дворики. Усадьбы разделены узкими, кривыми и неровными переулками шириной иногда немногим более метра, иногда около 2,5 м. Эти переулочки, вернее — узкие извилистые проходы между отдельными домовладениями, местами были вымощены.

Постройки, раскрытые на VI раскопе, принадлежали, по-видимому, пяти отдельным хозяевам. В юго-восточной части раскопа раскрыта часть усадьбы, включавшая помещение А с выходом на юг в мощный дворик и примыкавшие к нему с запада помещения Г и Л (последнее почти полностью скрыто под южным бортом раскопа). К западу от помещения Г была расположена другая усадьба, которой принадлежало раскрытое лишь частично помещение И, отделенное от помещений Г и Л проулочком, вход в который с севера был заложен стеной, сложенной позднее сооружении помещений Г и И. Узкий извилистый переулок отделяет эти две усадьбы от третьей, строения которой вскрыты в средней и западной части раскопа. Это — помещения Б, Е, Ж, К и Ц, соединенные между собой дверными проемами. Из помещения Ц был, по-видимому, выход на юг во двор.

Остатки строений в северо-восточном углу раскопа принадлежали, вероятно, четвертой усадьбе, от которой раскрыто только помещение О, найденное в сильно разрушенном состоянии и носящее следы неоднократных перестроек.

Наконец, всю северо-западную часть раскопа занимает комплекс пятой усадьбы, раскрытой также неполностью.

Усадьба эта отделена также кривыми проулками от описанных выше усадеб, расположенных к югу и западу от нее. К трем мощным дворам У₁, Ф и Х примыкал ряд помещений, сообщавшихся между собою и имевших каждое выход в один из дворов.

Жители Танаиса в эллинистическую эпоху умели складывать углы зданий в переплет. Но во многих случаях при сооружении даже наружных углов стен наблюдается соединение стен впритык одна к другой, несоблюдение правильной прямоугольной формы построек, тупые и острые углы, закругленные стены, отсутствие правильной и заранее продуманной планировки; кладка стен не отличается большим мастерством. Отмечены также следы неоднократных перестроек: закладывались проходы между домами и дверные проемы, делались пристройки, надстраивались разрушившиеся стены.

Стены домов толщиной в 0,5—0,65 м сложены на глине из обколотых камней неправильной формы и без следов отески. Снаружи и изнутри помещений стены имели глиняную обмазку, следы которой местами сохранились.

Полы в домах были глинобитные. По мере образования неровностей или засорения благодаря втаптыванию обломков посуды и отбросов пищи полы подравнивались новыми наслоениями и достигали благодаря этому местами толщины до 0,5 м. Уровень глинобитных полов помещений — обычно ниже уровня вымостки дворов. В дверных проемах сложены каменные порожки.

Крыши домов, раскрытых на раскопе VI, были камышовые, судя по почти полному отсутствию находок черепицы и по большому количеству камышовой золы в слое пожарища, наблюдаемого на всей площади раскопа VI.

Возможно, однако, что некоторые постройки Танаиса в эллини-

стическое время имели и черепичные кровли. Об этом свидетельствуют найденные в слоях мусорных свалок обломки боспорских и синопских эллинистических керамид и калиптеров. Возможно, черепицей были крыты общественные здания или храмы, остатки которых пока еще не найдены, или жилые дома наиболее зажиточных горожан в восточной части города.

Отапливались дома очагами, помещавшимися в углу жилых помещений. Дым от очагов выходил через дверное отверстие. В некоторых домах очаги состояли из одного или двух камней, поставленных на ребро. Такие примитивные очаги были найдены в помещениях Т и Щ, примыкавших ко двору Ф в северной части раскопа. Очаг более усовершенствованной конструкции найден в помещении И в юго-западной части раскопа. Очаг этот имел глиняный под и свод, поддерживавшийся цилиндрическим глиняным столбиком. Возле очага в глинобитном полу была сделана яма для сбрасывания золы, выгребавшейся из очага.

Внутри почти всех помещений в полу были вырыты ямы для хранения хозяйственных продуктов. Размеры ям различны, иногда очень значительны. Глубина их достигает 1,6—2 м. Ямы эти вырыты в материковом грунте, расширяются книзу, внутри обмазаны глиной. Сверху яма закрывалась большим плоским камнем. Хозяйственные ямы, заваленные камнями и засыпанные мусором, перекрытые вымосткой, обнаружены во дворах или под стенами домов. Это — ямы, находившиеся когда-то внутри помещений. Они свидетельствуют о перестройках и перепланировках данного участка города. В одной из таких ям (№ 24 — в юго-западном углу двора Х) найдена целая родосская амфора II в. до н. э., долгое время бывшая в употреблении и сохранившая на дне следы вина.

Выше уже было сказано, что описываемый западный район города Танаиса был огражден оборонительными стенами. Раскрытый в раскопе IX участок северной оборонительной стены, сооруженной еще в III в. до н. э., прослежен на протяжении около 26 м. В западной части раскопа стена обрывается. Она разобрана примерно на рубеже н. э., и в этом месте было построено здание I в. н. э., вскрытое раскопками неполностью. На востоке стена уходит в восточный борт раскопа. Ширина стены не везде одинакова: от 2,6 до 3,1 м. Панцирь стены сложен на глине из крупных обколотых камней неправильной формы и разной величины без следов отески. Промежуток между внешним и внутренним панцирем заполнен буютом и глиной. Внешний (северный) панцирь сложен на материке и лежит на 0,35—0,4 м ниже внутреннего (южного) панциря. К северу от стены в древности была, по-видимому, ложбинка, так как в этом месте наблюдается значительное понижение материка. Южный панцирь стены впушен в канаву и утрамбован глиной.

Восточная оборонительная стена западного района Танаиса, вскрытая в северо-восточной части раскопа VI, прослежена на очень небольшом участке. Она сильно разрушена. Сохранились лишь часть внутреннего панциря и слой бута, поэтому первоначальную ширину стены установить невозможно. Судя по тому,

что западная стена восточного района города, сооруженная по другую сторону рва, имеет в ширину лишь около 2 м, можно думать, что стены, построенные по обеим сторонам западного рва, разделявшие эти два городских района, отличались меньшей мощностью, чем описанная северная стена.

О хозяйственной жизни жителей Танаиса в эллинистическую эпоху некоторые сведения сообщает Страбон. Данные раскопок подтверждают и дополняют эти сведения. Прилегающие к Танаису степи населяли кочевники-скотоводы, отличавшиеся воинственностью и не допускавшие проникновения в глубь своей территории. По словам Страбона, «выше устьев (Танаиса. — А.Б.) известна лишь небольшая часть по причинам холодов и скудости страны, которую могут переносить туземцы, питавшиеся мясом и молоком по обычаю кочевников, а чужестранцы не выносят. Кроме того, кочевники, по необходимости вступая в сношения с другими народами и отличаясь численностью и силой, преграждают доступ даже в удобопроходимые части страны или по реке, где она допускает плавание вверх».¹ Археологическими разведками в окрестностях Танаиса на правом берегу Дона не обнаружено никаких сельских поселений, что вполне подтверждает слова Страбона о кочевом образе жизни скотоводческих племен савроматов, населявших окружающие город степи. Население города, покупавшее у кочевников шкуры и другие продукты скотоводства для сбыта купцам, занималось земледелием для удовлетворения собственных потребностей в хлебе. В нижних слоях городища Танаиса земледельческих орудий найдено не было, но обнаружены зерна проса, ячменя, пшеницы и ржи. Вряд ли жители города, лежавшего в плодородных донских степях, завозили хлеб из Крыма или Прикубанья, не говоря уже о том, что античный город вообще не мыслим без земледелия и общинно-городской собственности на землю. Поэтому следует думать, что жители Танаиса выращивали хлеб на прилегающих к городу земельных участках. В раскопе VI среди камней, которыми были вымощены дворы, и в завалах камней от разрушившихся домов эллинистической эпохи были найдены обломки нижней части четырехугольных ручных жерновов с высеченными бороздками.

Не меньшую роль в хозяйстве жителей города играло также скотоводство. Определение костного материала из культурных слоев, а также кухонных отбросов из мусорного заполнения ям и на полу жилищ показало, что у жителей Танаиса был крупный и мелкий рогатый скот, свиньи. Что рогатый скот жители города разводили сами, а не покупали, видно из найденного в пределах городища большого количества скелетов собак, без которых немислимо степное скотоводство.

Но, пожалуй, большую роль, чем скотоводство, играло рыболовство. И вряд ли жители Танаиса промышляли рыболовством только для удовлетворения собственных нужд. Огромное количе-

¹ Страбон. XI, 2, 2.

ство отбросов рыбы в мусорных засыпях (плотные пласты чешуи) и на полу некоторых помещений говорит о том, что здесь перерабатывалось и заготавливалось много рыбы. В жилых помещениях и мусорных ямах, в кладках стен и вымостках можно обнаружить большое количество рыболовных грузил в виде плоского камня круглой или овальной формы с двумя отверстиями.

При раскопках найдены остатки осетра, севрюги, стерляди, сома, сазана, судака, леща, вырезуба. Сом и осетровые породы рыб играли, по-видимому, основную роль в промысле танаитов. Лов осетровых производился, вероятно, плавными сетями, а карповых рыб и судака — ставными. Сомов ловили, как видно, неводами, но, возможно, также и крючными снастями.

Кроме сельского хозяйства и рыболовства, жители Танаиса занимались ремеслами. Однако ремесленное производство было развито слабо. Чаще это было домашнее производство для удовлетворения потребностей семьи. Так, очень большое количество грубой глиняной посуды говорит о том, что для ежедневного употребления в каждом хозяйстве изготавливалась эта примитивная керамика, в то время как кухонная посуда, сделанная ремесленниками-профессионалами, завозилась в Танаис из крупных ремесленных центров Боспора в сравнительно незначительном количестве.

К числу домашних ремесел следует отнести также изготовление рыболовных снастей, прядение и ткачество. В жилых помещениях на площади раскопа VI и в погребениях эллинистического периода неоднократно попадались глиняные, а иногда изготовленные из черепков родосских амфор пряслица. Вообще обломки родосских амфор и других античных сосудов ценились как материал для разного рода мелких поделок.

О ткачестве в домашних условиях и о применении ткацкого станка греческого типа свидетельствует находка нескольких пирамидальных ткацких отвесов обычной формы, аналогичных часто находимым в боспорских городищах в слоях эллинистического времени.

Обработкой металлов занимались ремесленники-профессионалы. В Танаисе изготавливалось железное оружие — наконечники стрел и копий, железные ножи, гвозди. Из бронзы изготавливались главным образом украшения. находка сделанной из ручки родосской амфоры формочки для отливки серьги указывает на существование в городе ювелирного дела.

Однако какую бы роль ни играли сельское хозяйство, рыболовство и ремесло в хозяйственной жизни Танаиса, этот город на далекой северо-восточной окраине эллинского мира был прежде всего крупным торговым центром. Не случайно название «эмпорий» — «торжище» сопутствует Танаису во все периоды его существования как в сочинениях античных писателей, так и в эпиграфических документах. Археологические материалы, добытые в нижних слоях всех раскопов на городище и в ранних погребениях мо-

гильника, подтверждают слова Страбона о доставке товаров, «свойственных культурному образу жизни».

Главную роль в импорте Танаиса играло, по-видимому, родосское вино. Среди керамических находок в эллинистических слоях городища обломки родосских амфор преобладают над всеми остальными видами керамической тары. Как в могильнике, так и на городище находили даже целые родосские амфоры. Кроме родосского, завозилось и значительно уступавшее ему по качеству коское вино и совсем в незначительном количестве — книдское. Из Синопы доставлялось оливковое масло. Обломков синопских амфор значительно меньше, чем родосских, скорее всего потому, что оливковое масло употребляли главным образом эллины, проживавшие в Танаисе, и лишь небольшая часть местных жителей. Помимо упоминаемых Страбоном тканей, боспорские купцы завозили столовую и кухонную посуду боспорского производства и изящные сосуды из эллинистических центров Малой Азии и островов Эгейского моря — так называемые «мегарские чашки», керамику *gnathia*, чернолаковые и ранние краснолаковые сосуды, светильники, туалетные флаконы, ювелирные изделия и прочие вещи, которыми пользовались эллины в своем быту.

Город также являлся одним из крупнейших в Северном Причерноморье рынком рабов. В рабство вожди окрестных племен обычно продавали пленников. Здесь покупали рабов для крупнейших центров Боспора и других городов Причерноморья и Восточного Средиземноморья.

Боспорские товары доставляли в Танаис, так же как и товары из городов Южного Причерноморья и Эгейского моря, боспорские купцы. Почти полное отсутствие монет эллинистического времени в находках Танаиса заставляет думать, что торговля с кочевниками носила характер натурального обмена.

Об этническом составе населения города и некоторых чертах его культуры можно судить по материалам раскопок некрополя. Среди погребения III—I вв. до н. э. можно выделить сравнительно небольшую группу захоронений, которую исследователи считают греческими. В них похоронены, по-видимому, представители наиболее зажиточной части населения. Трупы их сжигались, а в погребение клали прах и разные вещи. Таких погребений известно до настоящего времени всего 12: найденное в 1955 г. в раскопе III погребение № 13 (второй половины III в. до н. э.) и 11 открытых Н. И. Веселовским в 1908—1909 гг. (II в. до н. э.). В открытом нами погребении № 13 прах сожженного в яме трупа вместе с инвентарем был засыпан землей. Все вещи из погребения (чернолаковая пеллика, глиняные флаконы, скромный набор золотых украшений, бронзовое зеркало, керамическое пряслице) свидетельствуют о том, что в нем похоронена гречанка. Н. И. Веселовский открыл в Танаисе подобные погребения в урнах, которые имеют сходство с погребениями в пантикапейском и херсонесском некрополях эпохи позднего эллинизма. Из танаисских погребений особого внимания заслуживает урна № 3, датированная исследова-

телями II в. до н. э., с большим количеством золотых украшений греческого стиля, характерных для эллинистических погребений Северного Причерноморья.

Однако трупосожжение не было господствующей формой погребений в некрополе Танаиса. Подобно другим городам Боспора, Танаис имел как грунтовый, так и курганный могильник. П. Н. Леонтьев в одной из могил раскопанного им кургана нашел родосскую амфору конца III — начала II в. до н. э. По-видимому, курганные погребения были распространены в Танаисе с самой ранней поры существования города. Большая часть курганных погребений ограблена в древности, и это затрудняет изучение этнического состава населения Танаиса.

Погребения трупов в грунтовом некрополе производились в прямоугольных или овальных ямах. Костяк лежал на спине с протянутыми вдоль туловища руками, головой на восток или на северо-восток. В большинстве случаев под костяком удавалось обнаружить остатки деревянного гроба. В погребениях обычно находили крупные гвозди, которые использовались при изготовлении гробов. В III—I вв. до н. э. могильные ямы часто перекрывали плоскими каменными плитами. Иногда несколько каменных плит ставили на ребро вдоль продольной стенки могильной ямы. Погребения эллинистического времени принадлежат и найденные в раскопе III надгробные памятники, высеченные из местного известнякового камня, так называемые антропоморфные стелы.

Изучение погребального обряда и состава инвентаря раннего некрополя Танаиса при сопоставлении его с некрополями других боспорских городов, а также с могильниками племен Северо-Восточного Причерноморья позволяет увидеть в нем смешение элементов различных этнических культур и указывает на смешанный этнический состав населения города. Греческое влияние нашло также свое выражение в ряде особенностей погребений грунтового некрополя, принадлежащих негреческому населению. Это прежде всего последовательно выдержанная восточная и северо-восточная ориентировка костяков, в то время как для меотских могильников VI—I вв. до н. э. характерна южная ориентировка, для савроматских и сарматских — западная и южная. Наличие в составе инвентаря привозной греческой керамики, употребление которой вошло в быт танаитов, также говорит о значительном греческом влиянии.¹ В некрополе Танаиса совершенно отсутствуют надгробные стелы с рельефами и греческими надписями, характерные для эллинистических некрополей Боспора, однако употребление антропоморфных надгробий все же следует считать результатом влияния культуры и обычаев боспорских городов, в некрополях которых употребление антропоморфных надгробий известно в течение всего античного периода, начиная с V в. до н. э. (на могилах боспорцев смешанного этнического происхождения или эллинизированных представителей северопричерноморского племенного мира).

¹ Д. Б. Шелов. Указ. соч., стр. 92—93.

В инвентаре погребений, несмотря на наличие привозной греческой посуды, употреблявшейся в быту танаитов, мы не видим отражения черт греческого быта и греческих вкусов. Так, за исключением единственного погребения № 13, в котором, как мы считаем, захоронен прах гречанки, в могилах Танаиса нет туалетных сосудов; нет в них светильников, терракот, найденных в некрополях других боспорских городов, где преобладание греческого элемента в составе населения определяло и черты культурного облика города.

Не удивительно и отсутствие монет в могилах, если учесть что монеты в первые века существования Танаиса не употреблялись, или почти не употреблялись. В то же время наличие в женских погребениях большого количества бус (стеклянных, пастовых, минеральных) и металлических украшений (серьги, браслеты, перстни, височные кольца, пронизки, бусы, фибулы), в мужских могилах — ножей и стрел, а также особенности устройства и оформления могил говорят о близости населения Танаиса к племенам Северо-Восточного Причерноморья и, как уже отмечалось исследователями, к племенам Прикубанья — меотам, с которыми танаитов связывало, очевидно, и этническое родство и общность культуры. Это смешение отдельных элементов различных этнических культур, составляющее своеобразие некрополя Танаиса, характеризует также и городище Танаиса последних веков до н. э., т. е. западный его участок (раскопы VI, VII, IX). Что представлял собой восточный участок города (основной четырехугольник) в рассматриваемое время, мы, к сожалению, вряд ли когда-нибудь сможем узнать: остатки сооружений первых веков существования Танаиса здесь почти полностью уничтожены при строительстве в последующие столетия.

Техника строительства мощной каменной оборонительной стены и каменных жилых домов, несомненно, заимствована у мастеров греческих городов Боспора, потому что племена савроматов, жившие в это время в низовьях Дона в окрестностях эмпория, как сообщает Страбон, были кочевниками. Археологические исследования подтверждают отсутствие в эллинистическую эпоху оседлых поселений на правом берегу Дона. Что же касается оседлых племен меотов, живших по восточному берегу Азовского моря до Танаиса и занимавшихся рыболовством и земледелием, то они отличались, по словам Страбона, «наибольшей дикостью». Ближайшее к Танаису большое варварское поселение в дельте Дона, Елизаветовское городище, было укреплено земляными валами и застроено глинобитными домами.

Однако сравнение жилых комплексов раннего Танаиса с жилыми кварталами боспорских городов того же времени позволяет отметить ряд особенностей, отличающих его от эллинских городов на побережье Крыма и Таманского полуострова. Это прежде всего отсутствие плана застройки, крайне небрежная подготовка строительных площадок. В Танаисе не было ровных прямых улиц. Стены домов были кривые и не везде одинаковой толщины. Бро-

сается в глаза отсутствие колонн, обработанных архитектурных деталей, даже отесанных каменных блоков. Не видно ни водоемов, ни водосток. Крыши — камышовые вместо черепичных. Обращает на себя внимание засоренность жилищ: большое количество кухонных отходов и обломков глиняной посуды не выносилось из жилых и хозяйственных помещений, а постепенно втаптывалось в глинобитные полы. Наряду с применением ткацких станков и зернотерок эллинистического типа, употреблением различных привозных греческих товаров, в том числе изящных эллинистических сосудов, лепная керамика применялась жителями Танаиса в гораздо большем количестве, чем в других городах Боспора. В Танаисе мы почти совсем не встречали терракот, в большом количестве находимых в эллинистических слоях всех приморских городищ Боспора, туалетных сосудов, монет, греческих надписей.

Таким образом, Танаис был не греческим, а типичным периферийным греко-варварским городом. Особенности культуры и быта эллинов органически слились в нем со сложной разноэтнической культурой местного населения города — танаитов.

Термин «танаиты» встречается как в сочинениях античных писателей, так и в эпиграфических памятниках Боспора. Значение его можно понимать двояко: по словам Стефана Византийского, танаит — это гражданин города Танаиса (как херсонесит — гражданин Херсонеса), Плиний и Птолемей употребляют слово «танаиты» как этнографический термин. В таком же смысле это слово употребляется и в двух пантикапейских надписях в честь Аспурга, где танаиты упоминаются в числе племен, подвластных Аспургу.¹ В надписях Танаиса конца II и первой половины III в. н. э. неоднократно упоминаются эллины и танаиты как две различные группы населения города, имевшие каждая своих должностных лиц (эллинархи и архонты танаитов).² В. В. Латышев танаитами считает живших в городе «варваров», противопоставляемых грекам. Формулу надписей: «город (или граждане) и купцы» В. В. Латышев расшифровывает: город это граждане или танаиты. А греки (эллины) — это купцы, приезжавшие в город.³ С. А. Жебелев, наоборот, считает эллинов гражданами Танаиса, а танаитами — всех приезжих, не проживавших постоянно в городе, в том числе «туземцев» и греческих и римских купцов.⁴ Т. Н. Книпович рассматривает деление населения на эллинов и танаитов

¹ IOSPE, II, № 36 и КСИИМК, вып. 33, 1950, стр. 26—28. Слово «танаиты» не содержит указания на этническую принадлежность, как «скифы», «меоты» «савроматы» и т. п. Следует думать, что термин «танаиты» был создан колонизовавшими Нижнее Придонье греками для обозначения местного населения этой области, образовавшегося в результате смешения и органического слияния нескольких этнических групп — меотов, савроматов и др.

² IOSPE, II, № 427, 428, 430—434.

³ В. В. Латышев. Понтика. СПб., 1909, стр. 128.

⁴ С. А. Жебелев. Был ли Танаис разрушен Полемоном. ИГАИМК, вып. 104, Л., 1935, стр. 42.

как указание на параллельное существование двух не слившихся различных этнических групп, но тут же признает такое предположение маловероятным, так как среди имен и отчеств как эллинархов, так и архонтов танаитов встречаются сочетания греческих и негреческих имен. Анализируя данные Страбона о политических взаимоотношениях между Танаисом и Боспором, с одной стороны, Танаисом и окрестными племенами—с другой при преемниках Митридата Евпатора, Т. Н. Книпович приходит к выводу о борьбе за власть над областью Придонья между господствующими слоями местного населения, господствующим классом города Танаиса и правительством Боспора. В конце концов верх одержало правительство Боспора, но в процессе этой борьбы население города разделилось на эллинов и танаитов.

С этими выводами согласиться нельзя. Употребление как эллинами, так и танаитами греческих и негреческих имен, зафиксированное в надписях Танаиса, относится к тому позднему периоду истории Боспора, когда процесс слияния эллинской культуры с культурой местных племен уже завершился во всех городах Северного Причерноморья. В Танаисе же благодаря особенности его географического положения влияние культуры местных племен было особенно значительным. Деление жителей Танаиса на эллинов и танаитов и существование двух отдельных общин выглядит в Танаисе II—III вв. н. э. скорее всего как пережиток. Деление на эллинов и танаитов восходит к самому раннему периоду жизни Танаиса. Боспорские греки, основатели эмпория, создали свою общину, придав ей полисную организацию по образцу всех греческих колоний. А из вступивших с ними в тесные торговые сношения местных жителей часть осела в этом «эмпории азиатских и европейских номадов», создала свое особое поселение возле стен города и организовала там свою общину танаитов—постоянных обитателей этого поселения. Результаты работ Нижне-Донской экспедиции подтверждают правомерность этого предположения. Вероятно, ров, отделяющий западный участок города, представлял собой вначале естественную балку, по обеим сторонам которой были расположены эллинский город Танаис и варварский эмпорий, но каждое из этих поселений было обнесено оборонительными стенами. Две общины жили и развивались каждая в соответствии со своими культурными традициями, но тесное общение друг с другом и торговый обмен с окрестными племенами способствовали слиянию греческой и местных этнических культур.

Культурно-этнический облик западного поселения Танаиса говорит скорее о его принадлежности общине танаитов, перенявших некоторые особенности жизни и быта греков. То же следует сказать и относительно описанных выше погребений грунтового некрополя, раскрытых на раскопе III и относящихся к эллинистическому времени. В таком случае «полис», т. е. община «граждан», «эллинов», в III—I вв. до н. э., должен был находиться к востоку, на площади «основного четырехугольника», там, где позднее, в

I—III вв. н. э., сосредоточилась жизнь города и где ранние строительные остатки не сохранились.

Возникновение боспорской колонии в устье Танаиса относится к тому периоду истории Боспора, когда началось постепенное ослабление военной мощи государства Спартокидов, а на исходе II в. до н. э. разыгрались бурные события, связанные с восстанием Савмака и годами правления в Боспоре Митридата Евпатора. События эти были обусловлены сложными социально-экономическими процессами в жизни городов Боспора, с одной стороны, и быстрым развитием местных племен, живших на территории Боспорского царства и на его границах, — с другой. Вполне понятно, что в те времена, когда последние представители династии Спартокидов с трудом могли противостоять варварам, город Танаис, лежащий так далеко от своей метрополии, обрел фактически полную независимость от центрального правительства. Окружение варварских племен и наличие их в составе населения города в виде самостоятельно организованной общины танантов содействовали росту удельного веса и влияния местных племен в жизни города, который не только пользовался независимостью, но и распространил свою власть на некоторые племена, входившие ранее в состав Боспора. Преемники Митридата — Фарнак, Асандр, Полемон прилагали усилия для возрождения былой мощи Боспора и восстановления своей власти над племенами восточного побережья Азовского моря. Страбон сообщает, что «из всех азиатских меоты одни подчинялись владетелям эмпория на Танаисе, другие — боспоранам, но иногда то одни, то другие отпадали от них (т. е. боспоран. — А. Б.). Нередко боспорские правители владели и землями до Танаиса, в особенности последние — Фарнак, Асандр, Полемон».¹ Из этих слов Страбона видно, что борьба за власть в Придонье между боспорскими правителями и богатым и сильным полуварварским городом была упорной и нелегкой. Раскопки показали, что западное поселение Танаиса, в котором мы склонны видеть общину танантов, было разрушено и не возродилось. Остатки пожарища в раскопе VI видны на всей вскрытой жилой части города. Оборонительная стена (раскоп IX) была разрушена. Пощады не было и общине эллинов. Разрушение западной оборонительной стены их поселения, происшедшее в конце I в. до н. э., было уже отмечено Д. Б. Шеловым.² Но жизнь в городе не прекращалась. В конце I в. н. э., когда город Танаис прочно вошел в состав боспорских владений, уже при прямом содействии правителей Боспора он был укреплен: были отремонтированы и заново построены стены и выкопаны глубокие рвы. Однако площадь города оказалась ограниченной только территорией его восточного поселения, тем основным четырехугольником, в котором первые его исследователи усматривали «Танаис Младший», или «последелемоновский».

¹ ВДИ, 1947, № 4.

² Д. Б. Шелов. Из истории Танаиса, стр. 121.

РАСКОПКИ КОБЯКОВА ГОРОДИЩА И ЕГО НЕКРОПОЛЯ

Нижнее Подонье было заселено еще в доскифскую эпоху. На берегах Дона и Мертвого Донца существовала густая сеть поселений эпохи бронзы. Одно из них находилось на правом берегу Дона к западу от г. Аксая, на высокой всхолмленной местности.

Эпоха бронзы представлена многочисленными памятниками на Нижнем Дону. Кроме поселений, известны большие курганные могильники, планомерное исследование которых началось в последние годы.

Памятников скифской эпохи на Дону известно пока немного. Археологические материалы показывают, что во многих, может быть, в большинстве поселений эпохи бронзы жизнь прекратилась еще до греческой колонизации Северного Причерноморья и Приазовья. Поселения эпохи бронзы предшествовали поселениям скифской эпохи, хотя разрыв во времени между ними, может быть, и совсем небольшой. Бурное заселение дельты Дона, большей частью на тех же местах, где в доскифский период существовали поселения эпохи бронзы, вновь началось в I в. н. э. Это было обусловлено исторической ролью Танаиса — крупнейшего на Нижнем Дону торгового центра.

Городища первых веков н. э., возникшие в связи с развитием экономики этого района, не менее густо, чем поселения эпохи бронзы, располагались на берегах Дона и Мертвого Донца. В систему этих городищ, являвшихся ближайшей периферией Танаиса, входило и Кобяково городище.

Научное археологическое изучение Кобякова городища началось в советский период в 20-х годах Северо-Кавказской экспедицией, возглавлявшейся крупнейшим археологом А. А. Миллером. Были произведены разведочные работы на целом ряде городищ Нижнего Дона и начаты раскопки Кобякова городища. Экспедиция А. А. Миллера работала в 1923—1928 гг.¹ В результате этих

¹ А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции АН СССР в 1923 г. ИРАИМК, т. IV, 1925, стр. 1; СГАИМК, т. I, 1926, стр. 71—142; там же, т. II, 1929, стр. 60—122.

работ стало известно, что на территории Кобякова городища располагались последовательно три различных по времени и культуре поселения. Древнейшее относилось к эпохе бронзы, затем на этом месте возникло новое поселение, существовавшее в первые века н. э., и, наконец, — позднее поселение, относящееся к средневековью. Следовательно, Кобяково городище является сложным многослойным памятником.

Особенно важными были исследования слоев эпохи бронзы, произведенные А. А. Миллером. Тщательное изучение этих слоев позволило А. А. Миллеру установить два периода в жизни поселения эпохи бронзы — Кобяково I и Кобяково II. По существу это была одна культура, и Кобяково I постепенно переходило в Кобяково II.

После работ А. А. Миллера в исследованиях Кобякова городища наступил большой перерыв. В 1955 г. здесь начала раскопки экспедиция Ростовского областного музея краеведения. Важнейшим итогом работ этой экспедиции явилось обнаружение гончарной обжигательной печи в слоях первых веков н. э.

В связи с большими строительными работами, развернутыми Главдорстроем на территории Кобякова городища, с 1956 г. работает Кобяковская экспедиция Института археологии АН СССР и Ростовского областного музея краеведения с участием студентов Ростовского университета.

Начиная с 1956 г., когда были произведены разведочные работы, развернулись планомерные и систематические раскопки Кобякова городища и его некрополя. Исследована значительная часть территории городища, открыто свыше 250 погребений, уточнены стратиграфия и топография городища.

За время, истекшее после окончания работ А. А. Миллера, Кобяково городище чрезвычайно сильно пострадало. Поверхность его изрезана и изрыта. Еще до Великой Отечественной войны городище было разрезано с севера на юг выемкой, по которой проложена железная дорога, отделившая восточный холм от остальной части городища. Конфигурация местности настолько изменилась, что план, снятый экспедицией А. А. Миллера, совершенно не соответствует тому виду, который имеет городище в настоящее время (рис. 1). Только восточный холм можно было определить в соответствии с планом А. А. Миллера. Средний и западный холмы не выделяются. Поверхность городища сильно повреждена траншеями и воронками от бомб. Но остается неясным, были ли срезаны вершины холмов или конфигурация их изменилась потому, что поверхность городища очень сильно повреждена в северной и северо-восточной частях. Еще во времена экспедиции А. А. Миллера почти в центре городища находилась балочка. Теперь это — размытая атмосферными осадками большая балка, ежегодно увеличивающаяся.

Со стороны Дона склоны кобяковских холмов также изменились. Они сильно осыпались, и часть городища срезана новой шоссейной дорогой, проложенной параллельно железной дороге. Гра-

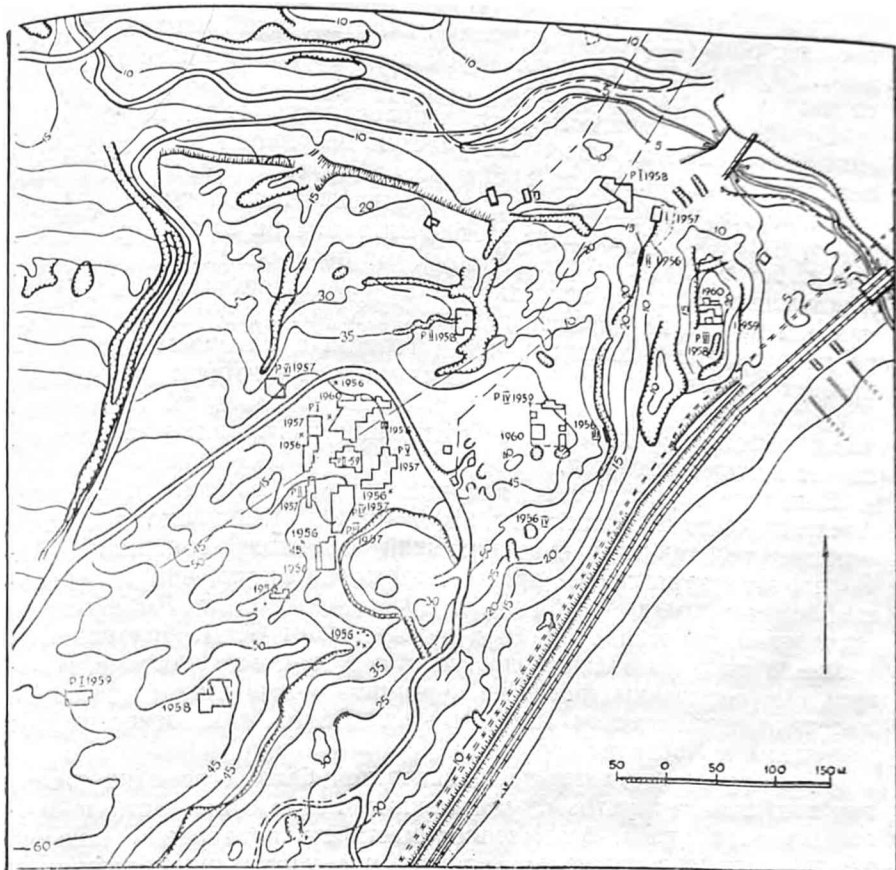

Рис. I. План Кобякова городища.

ниции городища были определены еще А. А. Миллером. Восточная граница лежит у восточного подножия восточного холма, южная и юго-западная — по линии Дона, северная — по северному краю Кобяковской балки. Только в отношении западной границы внесены существенные уточнения.

В результате разведочных работ, проведенных Кобяковской экспедицией в 1956 г., был открыт грунтовой могильник в непосредственной близости к западной окраине городища. На западе городище сливается с могильником. При раскопках в западной части городища на западном склоне балки, упоминавшейся выше, а также на окраине так называемого среднего холма, который сейчас совсем уже не выделяется, среди строительных остатков встречались разрушенные погребения. По-видимому, некогда при расширении поселения был застроен участок некрополя.

Эти наблюдения подтверждены раскопками большого участка на западной стороне городища. Остатки разрушенных погребений встречаются здесь постоянно. Так называемый средний холм сли-

вается с обширным пространством, занятым могильником. Следовательно, западная граница городища и частично юго-западная сливались с грунтовым некрополем.

Поверхность некрополя, как и поверхность городища, также сильно повреждена. Огромный участок некрополя на юго-западе полностью уничтожен во время разработок большого песчаного карьера.¹ По некрополю были проложены подъездные пути к карьере, сильно изрезавшие этот памятник. При начале разведочных работ в 1956 г. были обнаружены разрушенные погребения, лежавшие прямо на поверхности. Порой приходилось собирать находки просто на дорогах, ведущих к карьере. В разных местах на некрополе и в западной части городища выбросы глины из карьера закрывают подход к памятнику. Грунтовой могильник Кобякова городища занимал очень большую площадь. Строительными работами некрополь, прилегавший к городищу с запада, сейчас полностью снесен.

Западнее грунтового могильника, по направлению к станции Александровской, расположен курганный могильник, по всей вероятности, также принадлежавший Кобякову городищу. Раскопки этих курганов не производились, но видно, что они большей частью были ограблены. В 1958 г. в составе Кобяковской экспедиции работал отряд под руководством Т. Д. Белановской, производивший разведки в окрестностях Кобякова городища. В результате разведочных работ на курганном могильнике был собран материал первых веков н. э., что позволяет нам отнести этот могильник к Кобякову городищу.²

К северу от городища за Кобяковской балкой не обнаружено никаких следов грунтового могильника, нет в этой части и курганного могильника. Вскормленная местность подвержена сильной эрозии, и хорошо видно по склонам и обнаруженным вершинам этих всхолмлений, что ни в обнажениях, ни в обрывах погребений не встречается. Но на южной стороне Кобяковской балки, опять-таки в непосредственной близости к городищу, встречались единичные погребения первых веков н. э. За балку к северу кобьяковский некрополь не распространялся. Таким образом, стали ясны пределы городища и местоположения грунтового могильника, не отделенного от городища какими-либо четко выраженными границами.

Стратиграфия городища была уточнена в результате зачисток обрывов вдоль выемки, разрезавшей городище, на склонах цент-

¹ Карьер разрабатывался еще во время раскопок А. А. Миллера.

² Исследователи, работавшие на Кобяковском городище в 20-х годах, полагали, что грунтовой и курганный могильники находятся к северу от станции Аксайской (Т. Н. Книпович. Танаис. Изд-во АН СССР. 1949, стр. 133). Территория, прилегающая к Аксаю с севера, весьма обширна, и на ней нам не удалось обнаружить никаких следов грунтового некрополя. Курганный могильник, в состав которого входил и большой курган, известный в археологии под названием Гиреевой могилы, действительно находится на расстоянии 4 км к северу от Аксая. Но никакого отношения к Кобякову городищу этот могильник не имеет.

ральной балки, а также на обрывистых участках у Дона на обнажениях, произведенных при строительных работах. На всей или почти на всей площади городища имеется культурный слой первых веков н. э. Залегает он неравномерно. Местами его толщина достигает 7—8 м. Этот слой является наиболее мощным в северо-восточной части городища, на восточном холме и у подножья восточного холма. Мощность его уменьшается на западе, на высоких обрывах со стороны Дона. Однако и здесь этот слой имеет 1,5—2,00 м.

Открытый А. А. Миллером средневековый слой нам не удалось пока найти.

На восточном холме и на поверхности городища, наиболее близкой к холму, но отделенной от него выемкой, встречались отдельные обломки средневековой керамики, но они чрезвычайно редки и разбросаны. При зачистках, произведенных во многих местах городища, также пока нигде не удалось обнаружить следов средневекового поселения. Возможно, оно имело небольшие размеры и следы его были уничтожены при прокладке железной дороги, причем были снесены и те участки, на которых производились раскопки А. А. Миллером.

Работы по уточнению стратиграфии городища позволили в известной мере выяснить распространение слоев эпохи бронзы. Если слой первых веков н. э. встречается по всей территории, то слои эпохи бронзы прослеживаются лишь местами. Наиболее мощные напластования эпохи бронзы выявлены также в северо-восточной части городища и на восточном холме. Здесь были обнаружены слои Кобяково I и Кобяково II, соответствующие описанию А. А. Миллера. В обрывах балки и на участке у Дона был найден только один слой Кобяково I. Местами на западе городища на исследуемом в настоящее время участке под слоем первых веков н. э. обнаруживается материк и пока не открыты слои эпохи бронзы.

Разведочные и раскопочные работы, проводимые в последние годы, позволили выяснить, что в первые века н. э. в северо-восточной и восточной части городища жизнь протекала наиболее интенсивно. Здесь были открыты остатки каменных и глинобитных жилищ, большие сооружения общественного характера.

Следует, однако, подчеркнуть, что наши наблюдения основываются на чрезвычайно фрагментарном материале. Памятник настолько сильно поврежден, что делать решающие выводы весьма затруднительно.

Всё же мы можем говорить уже о двух типах жилищ первых веков н. э., остатки которых были открыты на Кобяковом городище. В слоях этого времени встречается много камня. Очень редко можно среди каменных завалов выявить сколько-нибудь сохранившееся строение. Но очевидно, что камень широко применялся в строительстве жилых и хозяйственных сооружений. Камень был, как правило, необработанный или обработанный очень грубо.

Только для вымосток употреблялись сравнительно плоские камни, края которых оставались необработанными.

Остатки жилищ, сложенных из камня, имели правильную прямоугольную форму. В северо-восточной части городища в слое I в. н. э. было открыто помещение, стены которого сложены из рваного камня. Однако кладки стен регулярны, камни уложены плотно. От помещения сохранились: кладка западной стены до пяти рядов в высоту, часть кладки северной стены, образующей с западной прямой угол, и часть кладки южной стены.

В западной части городища на раскопе IV, который еще исследуется в настоящее время, были открыты остатки подвального помещения, выложенного необработанным камнем. Внешние стороны его стен совершенно необработаны, камни лежат «торчком». Камни укладывались таким образом, чтобы наиболее плоские стороны составляли внутреннюю поверхность стены, поэтому она была как бы сглажена. От подвального помещения сохранились: кладка северной стены до девяти рядов, часть кладки восточной стены и северо-западный угол (рис. 2).

Рис. 2. Остатки подвального помещения и глинобитных утрамбовок. Раскоп IV. Вид с юга. 1959 г.

У подошвы стен был обнаружен глинобитный утрамбованный пол, при зачистке которого найдены многочисленные обломки светлоглиняных узкогорлых амфор поздних типов, принадлежащих, вероятно, III в. н. э.

Таким образом, в слоях I—III вв. н. э. были обнаружены остатки прямоугольных каменных построек жилого и хозяйственного характера. В северо-восточной части городища открыта каменная кладка, которая представляет собой остатки жилища, стоявшего на материке. Каменное помещение, обнаруженное в западной части городища, имело скорее хозяйственный характер. Оно являлось подвалом или полуподвалом и находилось в культурном слое. Верхняя часть его не сохранилась, и поэтому трудно определить назначение этого помещения.

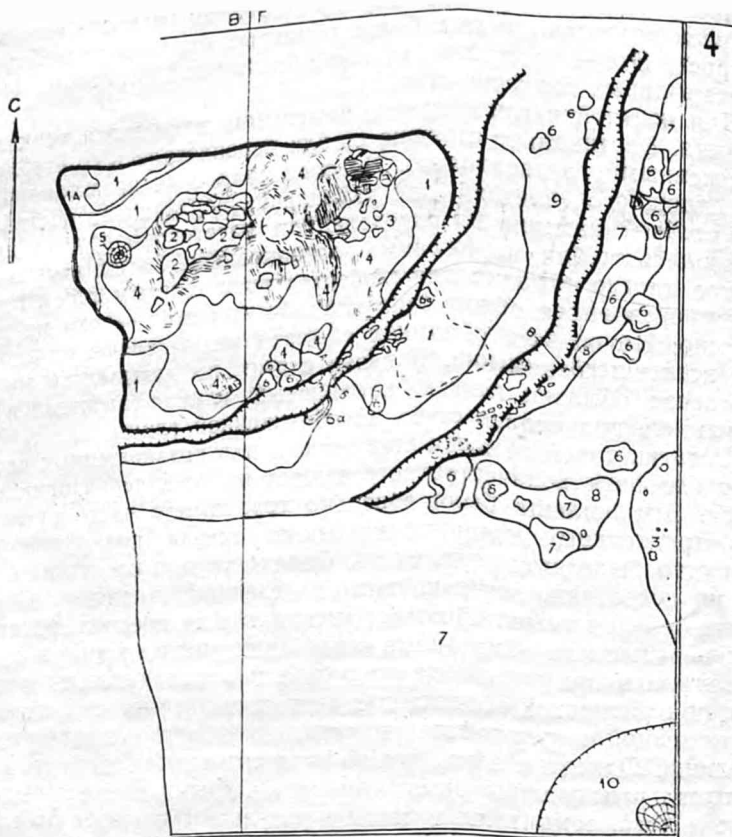
При раскопках городища наряду с обилием развалов камня от построек встречаются еще более обильные развалы глинобитных построек. Это — множество кусков обожженной глиняной обмазки камышовых каркасов стен.

Для постройки глинобитного помещения возводился каркас из камыша. Вертикально стоящие стебли переплетались со стеблями, положенными горизонтально. Но этот каркас не представлял собой сплошного «плетня»: для укрепления вертикально оставленных стеблей камыша на определенном расстоянии друг от друга вплетались стебли, положенные горизонтально. Затем камышовый каркас плотно обмазывался с обеих сторон толстым слоем глины. Как производился обжиг этих глинобитных стен — пока не вполне ясно. Но во всех обломках обмазки видны следы сгоревшего или истлевшего камыша. В связи с этим высказывалось мнение, что после обмазки глиной камышовый каркас выжигался и в результате получалась стена из обожженной глины.

Остатки такой обмазки стен жилищ или хозяйственных построек в большом количестве встречаются на всей территории городища. Эти жилища были довольно хрупкими и часто рушились. Но строительный материал находился всегда под рукой, и их нетрудно было выстроить вновь. Однако трудно представить, чтобы на поселении, довольно густо заселенном, постоянно дымился выжигаемый камыш. Поэтому высказывается предположение, что глинобитные или обмазанные глиной камышовые каркасы стен не обжигались при постройке жилищ, а находимая теперь в изобилии при раскопках обожженная глиняная обмазка стен оказалась обожженной в результате пожара, от которого и разрушались жилища. Однако с этим трудно согласиться, так как тогда надо считать, что пожары были слишком частыми и повсеместными. Кроме того, сомнительно, чтобы в результате пожаров достигался такой прочный и ровный обжиг глиняной обмазки, какой она имеет (рис. 3).

На кусках обожженной обмазки видны продольные и поперечные желобки от камышового каркаса. Обычно обмазка раскалывалась по линиям камышового каркаса. Внутренняя поверхность таких обмазанных глиной стен сглаживалась и штукатурилась. При раскопках городища среди открытых развалов глинобитных жилищ были встречены многочисленные обломки оштукатуренной и побеленной обмазки.

Если бы все жилища и хозяйственные постройки, строившиеся из камыша, обмазанного глиной, разрушались только от пожаров, то и на штукатурке должны были бы остаться следы огня. Но на образцах обмазки со штукатуркой не обнаружено следов огня или копоти. Штукатурка положена ровным слоем толщиной до 3—4 мм. Поверхность ее хорошо заглажена и побелена известью. На некоторых образцах обмазки видна побелка просто по сглаженной глине без штукатурки. Однако остается пока не вполне ясным — наносилась ли штукатурка или побелка по сырой глине или по обожженной. Местами заметно, что штукатурка держится

- 1 - ОБОЖЖЕННАЯ ГЛИНЯНАЯ ОБМАЗКА
СОСТАТКАМИ ОБУГЛЕННОГО КАМЫША
- ПОЛ
- ГЛИНОБИТНАЯ УТРАМБОВКА
- ТВЕРДЫЙ СТОЛ, ПЕРЕМЕШАННЫЙ С
СУГЛИНКОМ

- 1А - ГОРЕЛЫЙ ПОЛ
1 - ГЛИНОБИТНЫЙ ПОЛ
2 - ОСТАТКИ ГОРЕЛОЙ ОБМАЗКИ СТЕН
3 - ОБМАЗКА СОТРЕПЧАТКАМИ КАМЫША
4 - ГОРЕЛЫЙ КАМЫШ
5 - ОБУГЛЕННЫЙ ДЕРЕВЯННЫЙ СТОЛБ
6 - КАМНИ
6А - ОБОЖЖЕННЫЕ КАМНИ
7 - ГЛИНОБИТНАЯ УТРАМБОВКА
8 - ЗЕМЛЯ И УГОЛЬКИ
9 - ПЛОТНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ СТОЛ
С МЕЛКИМИ ВКРАПЛЕНИЯМИ ГЛИНЫ
10 - СОВРЕМЕННАЯ ЯМА С ДЕРЕВЯННЫМ
СТОЛБОМ

0 1м

Рис. 3. Остатки сгоревшего жилища первых веков н. э. Раскоп III. 1960 г.

непрочно, видимо, она была положена по обожженной глине. Побелка без штукатурки лежит ровным слоем и очень плотно.

Вследствие чрезмерной хрупкости самого строительного материала (камыш, обмазанный глиной) строительные остатки, открытые при раскопках городища, весьма фрагментарны. Почти

не встречено сколько-нибудь сохранившихся построек из такого строительного материала. В 1958 г. на раскопе II на краю балки, почти на западной окраине городища, была обнаружена часть стены округлой формы, построенной из камыша, обмазанного глиной. Открытая часть стены сохранилась; обгоревшие и истлевшие стебли камыша стояли в земле вертикально. Но у стены не было обнаружено пола и вообще никаких следов, которые дали бы возможность определить, частью жилого или хозяйственного сооружения являлась эта стена. Можно было лишь отметить, что из камыша, обмазанного глиной, возводились постройки либо круглые, либо с закругленными углами. Это подтвердилось открытием остатков камышового, обмазанного глиной жилища в 1960 г. на участке III, расположенном на восточном холме.

Сохранившаяся часть жилища имеет следующие размеры: с севера на юг — 1,70 м, с запада на восток — 3,00. С запада и севера жилище разрушено при строительстве дороги. Размеры жилища можно определить. С севера на юг оно имело 4,90 м, с запада на восток — 4,00. Жилище, по-видимому, имело форму широкого овала. Сохранился пол и две канавки, окружавшие его, между которыми (также сохранился) — глинобитный утрамбованный пол. Расстояние между канавками — 0,60—0,70 м, ширина канавок — в среднем 0,20, глубина — 0,50 (первой) и 0,20 м (второй). На полу обнаружены остатки обгоревшей камышовой кровли, куски обмазки обвалившихся камышовых стен, круглые ямки для столбов, поддерживавших крышу. В одной из ямок сохранилось основание обгоревшего столба (см. рис. 3, ниже даны разрезы канавок).

В канавки, окружавшие пол жилища, были опущены камышовые, обмазанные глиной стены. В одной из канавок часть стены сохранилась; эти незначительные строительные остатки, несомненно, принадлежат жилищу с закругленными углами или овальной формы.

Наличие двух канавок объясняется, по-видимому, тем, что жилище было перестроено и размер его уменьшен. Между обеими канавками, как уже отмечено, был также пол, но он сохранился хуже. Вторая, большая канавка была засыпана, и ее удалось обнаружить лишь после удаления мелкого щебня и глины. Поэтому можно предположить, что жилище было уменьшено в размерах. Вторая канавка служила для новой стены, рухнувшей во время пожара. Следы пожара на полу прослеживались отчетливо.

В открытых нами остатках жилища очаг не был обнаружен, ибо сохранилась лишь очень незначительная часть сооружения. Но такой же утрамбованный глинобитный пол обнаружен во многих развалах обмазки стен, где при зачистке полов находили и остатки очага. Глинобитный пол жилища лежал непосредственно на слое эпохи бронзы, поэтому надо считать, что открытые остатки жилища относятся к наиболее раннему времени, вероятно, к периоду заселения городища в начале н. э. Вокруг открытой

части жилища лежали глинобитные утрамбовки, которыми, по всей вероятности, утрамбовывался дворик.

На утрамбовке дворика и в слое над полом жилища были найдены обломки двух венчиков светлоглиняных узкогорлых амфор I в. н. э.

Несмотря на сильнейшие разрушения Кобякова городища и ограниченность возможностей его исследования, все же удалось определить два типа жилищ и хозяйственных построек, бытовавших в первые века н. э.: прямоугольные каменные и камышовые, обмазанные глиной, с закругленными углами или круглые. Оба типа жилищ существовали одновременно. Поскольку слой первых веков н. э. на городище сильно поврежден, то по находкам трудно уточнить дату возникновения того или иного типа жилища. Пока мы лишь ориентировочно определяем появление обоих типов в пределах I в. н. э. Возможно, при дальнейшем изучении материала удастся выявить, какой из типов являлся наиболее ранним.

По всему комплексу находок, в особенности по материалам некрополя, можно судить о характере культуры поселения первых веков н. э., связанной, несомненно, с сарматской. Возможно, в жилищах с закругленными углами отразились черты кочевых обиталищ тех племен, которые перешли к оседлому образу жизни.

Выше уже отмечалось, что некрополь Кобякова городища также сильно разрушен. Нам не удалось выявить, на каких участках некрополя сохранилась древняя поверхность. Кое-где на поверхности встречались разбросанные камни и каменные гряды. При зачистках их оказалось, что между камнями и под ними находятся погребения. Особенности грунта на территории некрополя не позволяют зачастую определить очертания могил и назначения обнаруженных камней.

На одном из участков некрополя в 1957 г. была обнаружена каменная гряда округлой формы. Камень применялся для ограждения могил в синхронном кобяковскому могильнике у селения Тарки.¹ В более близком Кобякову городищу некрополе Танаиса также встречаются могилы с каменными ограждениями.²

В тех случаях, когда можно было выявить очертания могил, удавалось установить, что наиболее распространенной была овально-вытянутая форма могилы. Иногда выявленные вначале очертания могильных пятен при дальнейшем углублении расплывались и исчезали. Объясняется это тем, что на территории некрополя материковым грунтом является пылеватый суглинок, а не лёсс.

Часто овально-вытянутые в плане могилы не имеют правильной формы. Иногда они имеют форму прямоугольника со слегка закругленными углами. В ряде случаев вдоль продольных стен

¹ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки. МИА, 1951. № 23, стр. 232, рис. 2—4.

² Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса. МИА, № 98, табл. IV.

могилы на некотором расстоянии от дна делались небольшие уступы, на которые клались деревянные плашки, перекрывавшиеся камышом. Могилы такой формы имелись и в Танаисе.

Вторым типом могил являются подбойные могилы, но они также весьма редки.

По положению костяков и различным деталям погребального обряда погребения Кобяковского могильника можно разделить на несколько групп. Выделяется группа погребений, в которых костяк лежал в скорченном положении. Чаще всего в них нет инвентаря. Погребения из этой группы, которые удалось датировать, относятся к I—II вв. н. э. Ориентация костяков в них весьма разнообразна: северо-запад, восток, северо-северо-восток, юг и юго-запад. Пожалуй, единственным устойчивым признаком этих погребений является отсутствие в них деформированных черепов. Происхождение этой группы погребений выяснить пока не удастся. Известно, что захоронения, в которых костяк находится в скорченном положении, изредка встречаются в синхронных сарматских или меото-сарматских могильниках на Кубани и в других некрополях, имеющих черты сарматской культуры. Пока в Кобяковском могильнике обнаружено 11 таких погребений.

Следующая группа — это те погребения, у которых прослеживаются четкие очертания неправильной овальной формы, но кости в них либо разбросаны, либо сложены в одну кучу, как, например, в погребении № 22, открытом в 1958 г. (рис. 4). Никаких

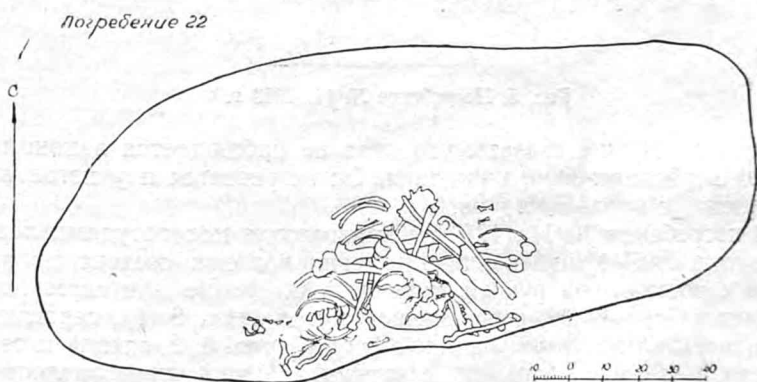

Рис. 4. Погребение № 22. 1958 г.

следов ограбления этих могил не обнаружено. Большей частью они не содержат инвентаря. Но в некоторых из них встречаются отдельные украшения, иногда железные черешковые наконечники стрел. Пока эта группа погребений остается неясной.

По особенностям положения костяков выделяются еще две группы погребений. Одна из них характеризуется тем, что у костяков, лежащих в вытянутом положении, ноги перекрещены. Всего пока выявлено 9 таких погребений; в них большей частью

находится богатый инвентарь. Ориентация костяков самая разнообразная: запад-юго-запад, юго-юго-запад, север, северо-запад, северо-северо-запад, юго-запад. Можно заметить все же, что костяки ориентированы преимущественно в западном направлении. Эта группа погребений датируется I—III вв. н. э., как и весь могильник. Интересно типичное для этой группы погребение № 11, открытое в 1959 г. (рис. 5). Инвентарь расположен у изголовья

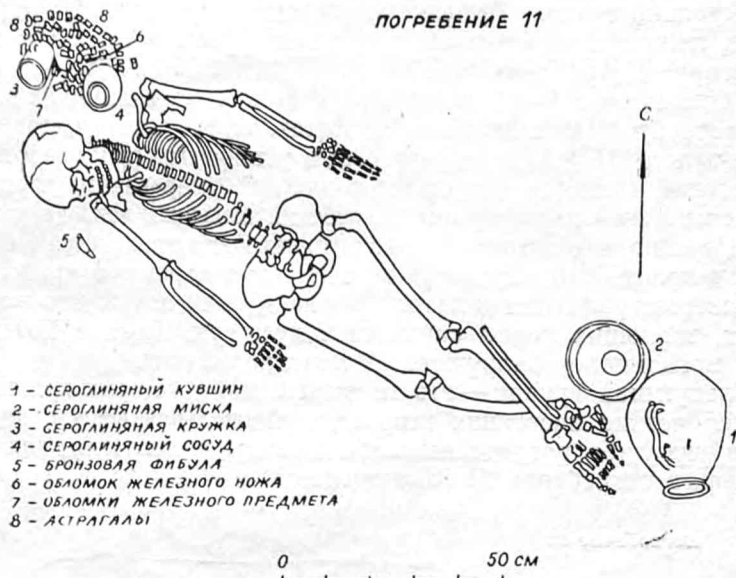

Рис. 5. Погребение № 11. 1959 г.

и в ногах. Нужно сказать, что пока не наблюдается закономерностей в расположении инвентаря. Он встречается и у изголовья, и в ногах, и вдоль костяков.

В погребении № 11 (1959 г.) у изголовья под сосудами лежали астрагалы. Комплекс керамических находок состоит из кувшина с зооморфной ручкой, типичного по форме для сарматской керамики (рис. 6, 3), сероглиняной миски (рис. 6, 1), сероглиняного сосуда почти шаровидной формы (рис. 6, 2 слева) и сероглиняной кружки (рис. 6, 2 справа). Миски представленного здесь типа очень часто встречаются в погребениях, инвентарь которых может быть датирован II в. н. э., в частности этот тип миски найден в комплексе с эмалевой фибулой конца II в. н. э. Близких аналогов миске пока нет ни в некрополе Танаиса, ни в материалах четвертой хронологической группы из некрополя у станции Усть-Лабинской.

Форме сероглиняного сосуда, представленного в комплексе погребения № 11 (1959 г.), также не имеется близких аналогий в указанных могильниках, как и форме кружки. Кружки с прямыми стенками встречаются в кобьяковских погребениях II—III вв.

н. э. Думается, что и погребение № 11 можно отнести к концу II — началу III в. н. э.

Следующей группой погребений, объединяемых по положению костяков, являются захоронения, где костяки лежат в вытянутом положении на спине, но правая или левая рука согнута в локте и кости ее лежат на тазовых костях или в области живота. Таких погребений пока открыто 17. Ориентация костяков в них также различная: север, северо-восток, северо-запад, запад, юго-запад, запад-северо-запад. Большая часть захоронений не имеет инвентаря. В тех погребениях, где инвентарь есть, он довольно бедный.

Рис. 6. Сосуды из погребения № 11.

В могилах описываемой группы погребений чаще, чем в других, встречается мел. Сарматы клали куски мела или посыпали им дно могилы при совершении погребального обряда. Кроме того, положение костяков, и в частности рук, свидетельствует о принадлежности этих погребений сарматам.¹

Во многих случаях над погребениями или, реже, рядом с ними были обнаружены черепа и концы ног коров, чаще телят, причем кости лежали в анатомическом порядке. По-видимому, в погребения клали шкуру с головой и концами ног, а мясо съедали на трапезе или использовали в хозяйстве. Иногда встречаются все четыре ноги и череп, иногда лишь две ноги.

В 1959 г. было открыто погребение, контуры которого сначала определились, а затем расплылись и исчезли. В пределах могильного пятна овальной формы были открыты остатки двух черепов и шести ног коровы. Очевидно, здесь были положены две шкуры. С одним черепом лежало четыре ноги, а с другим — две (рис. 7, 3).

¹ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 259; Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской, МИА, 1951, № 23, стр. 192.

Под этими костяками (на 0,25 м ниже) оказалось парное погребение (рис. 7, 1 и 2). Видимо, на него были брошены две шкуры. Эта черта погребального обряда не наблюдалась в других сарматских могильниках. В отличие от могильников Прикубанья в Кобяковском некрополе не встречено костей животных от куска мяса, обычно клавшегося в миску в качестве напутственной пищи для погребенных.

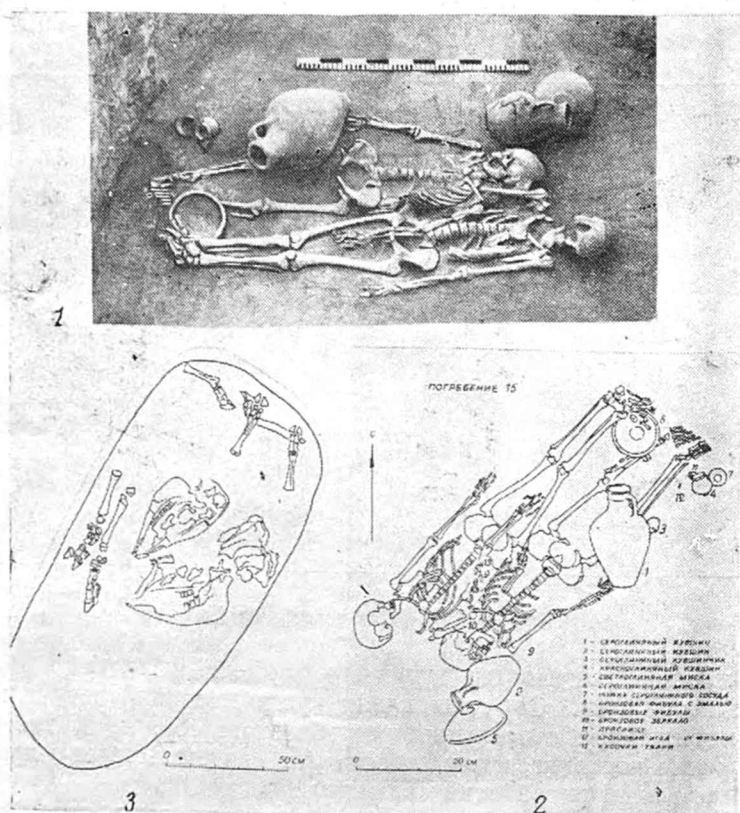

Рис. 7. Погребение № 15. 1 и 2 — парное погребение; 3 — остатки черепов и ног коровы, обнаруженные в заполнении могильной ямы.

К числу характерных особенностей погребального обряда в Кобяковском некрополе относится обычай класть под голсы умерших миски или краснолаковые блюда. Группа таких погребений отличается сравнительно богатым инвентарем. В погребении № 18 (1957 г.) под черепом лежала сероглиняная миска с рифленным бортиком, а на ногах костяка находилась большая светлоглиняная узкогорлая амфора I—II вв. н. э. (рис. 8). Разнообразная ориентация погребений этой группы (север, юго-запад и северо-северо-восток) также не дает возможности выявить устой-

чивую закономерность. Обычай класть миски под головы умерших бытовал у меотского населения Прикубанья.¹

В небольшой статье трудно осветить все черты и особенности обширного Кобяковского некрополя. Мы упомянули лишь о некоторых характерных группах погребений.

Инвентарь кобяковских погребений нуждается в специальном исследовании. Керамические находки делятся на две основные группы — местную и привозную. К привозной относятся краснолаковая керамика и амфоры, которые очень редки в кобяковских погребениях. В местной группе керамики, безусловно, преобладает сероглиняная керамика, изготовленная на гончарном круге. Лепная керамика встречается значительно реже.

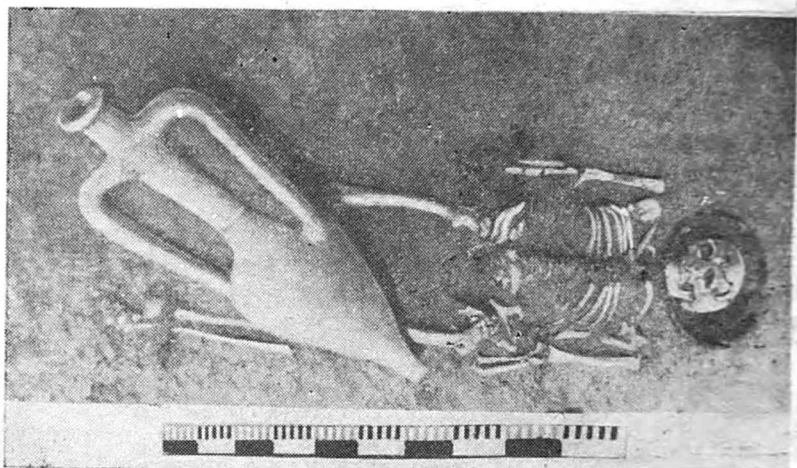

Рис. 8. Погребение № 18. 1957 г.

Весьма многочисленны украшения, набор которых очень характерен для сарматских могильников: фибулы, браслеты, бронзовые маленькие зеркала с ручками-петельками для подвешивания, большое количество бус, среди которых много рубчатых бус из голубого египетского фаянса. Встречаются также сердоликовые бусы, янтарные и из горного хрусталя. В особенности интересны и разнообразны фибулы, обычно считавшиеся бронзовыми. Но спектральный анализ показал, что все фибулы из кобяковского некрополя являются латунными, в том числе и фибулы с подвязанной ножкой, которые признаются всеми исследователями северочерноморскими. Все сарматские зеркала-подвески, по данным спектрального анализа, бронзовые. Состав металла фибул и зеркал различен. Состав металла, редкие элементы, имеющиеся в фибулах и зеркалах, дают возможность предположить, что сделаны эти вещи в разных мастерских.

¹ К. Ф. Смирнов. Меотский могильник у станции Пашковской. МИА, 1958, № 64, стр. 300.

Данные качественного и количественного спектрального анализа заставляют пересмотреть вопрос о происхождении фибул с подвязанной ножкой. На рис. 9 представлены типы фибул, распространенных в Кобяковском некрополе. Все они подвергнуты анализу и все оказались латунными.

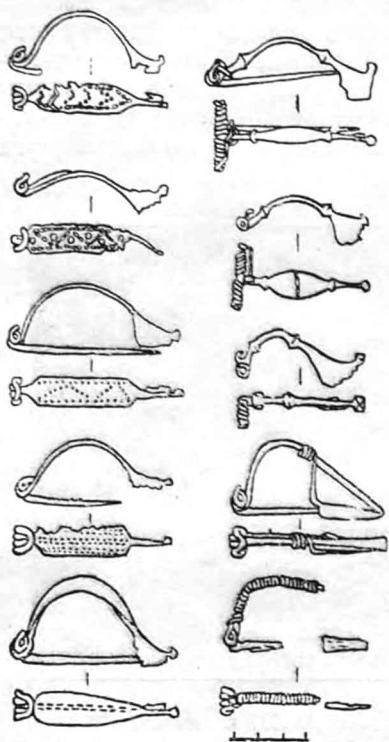

Рис. 9. Бронзовые фибулы из некрополя.

В Кобяковском некрополе сейчас открыто свыше 250 погребений, однако следует отметить, что в нем нет особенно богатых. Лишь в одном были найдены массивные серьги из золотой проволоки. Привозная дорогая керамика встречается редко.

Отсутствие богатых погребений в грунтовом могильнике еще не говорит о том, что в среде обитателей Кобякова поселения не было социального расслоения. Грунтовой могильник мог принадлежать рядовому земледельческому населению, а погребения социальной верхушки могли быть в курганном могильнике. Но и среди погребений грунтового могильника порой выделяются захоронения с обилием украшений или с привозной посудой. К числу их относится погребение № 4 (1958 г.). В комплексе этого (детского) погребения были найдены два краснолаковых кубка из светлой розовой

глины хорошего обжига. Нижняя часть кубка и поддоны лаком не покрыты (рис. 10, 1).

Типы этой керамики хорошо известны. Они происходят, судя по характеру глины, из мастерских Пергама и датируются началом I в. н. э. К тому же времени относится и краснолаковое блюдо (рис. 10, 2) также пергамского происхождения. Вместе с краснолаковыми сосудами был найден сероглиняный чернолощевый кувшин с высоким горлом (см. рис. 10, 3).

Интересен набор украшений из этого же комплекса: латунная фибула и пять латунных браслетов (четыре из них — с шишечками на концах и пятый — пластинчатый), бусы из пасты, из сердолика и из горного хрусталя (рис. 11). Среди украшений была найдена подвеска из египетской смальты в виде человеческого лица. В Кобяковском некрополе погребение № 4 (1958 г.) является одним из наиболее богатых.

Рис. 10. Сосуды из погребения № 4. 1958 г. 1 и 2 — краснолаковые кубки и блюдо из пергамских мастерских: 3 — сероглиняный чернолаковый кувшин.

Оружие не часто встречается в могилах. Однако были найдены железные мечи, кинжалы и трехлопастные черешковые наконечники стрел. Железные ножи находили почти в каждом погребении. В ряде захоронений обнаружены железные серпы, указывающие на земледельческий характер Кобяковского поселения, а в одном погребении были найдены вместе железный меч и железный серп. Хронологические рамки некрополя, как и городища, — I—III вв. н. э. Пока не найдено ни одного керамического обломка, датируемого более поздним временем, чем III в. н. э., если не считать единичных черепков, относящихся уже к средневековью.

Имеющиеся данные позволяют нам сделать вывод, что поселение на древнем и давно оставленном селище эпохи бронзы возникло в начале н. э. Заселение берегов Нижнего Дона в это время было связано с бурным развитием экономики района, экономическим и торговым центром которого был Танаис. Широкие торговые связи привлекали людей к донским берегам. Поселившись здесь, люди стали заниматься земледелием. Подсобным промыслом была рыбная ловля. Остатки рыбопромысловых хозяйственных сооружений открыты на Кобяковом городище.

Облик и характер культуры поселения и в особенности некрополя имеют ярко выраженные черты сарматской культуры. К их числу относится и большая серия погребений с деформированными черепами (48 погребений). Особенности обряда, охарактери-

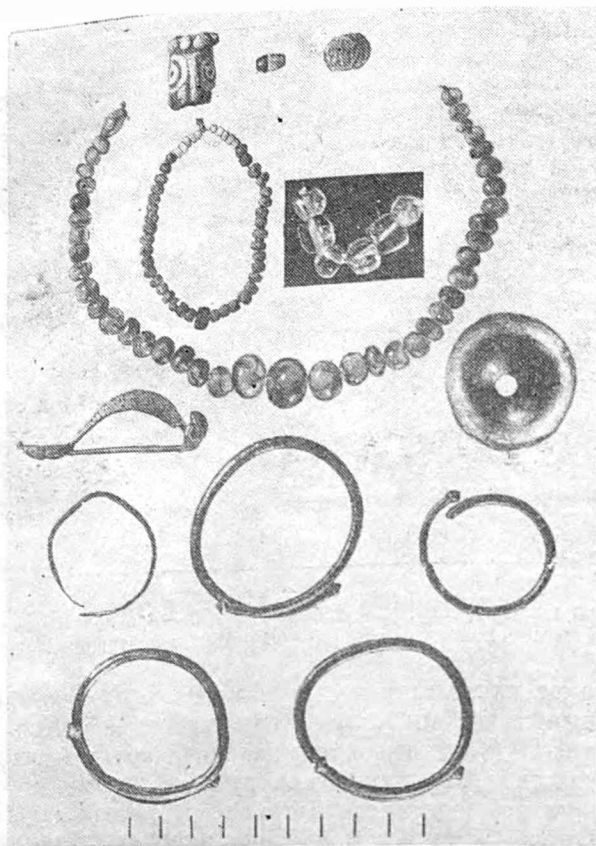

Рис. 11. Украшения из погребения № 4.

зованные выше, также подчеркивают сарматский облик культуры городищ Нижнего Дона в первые века н. э. Но вместе с тем отсутствие ярко выраженной устойчивости в ориентации погребений, наличие элементов обрядов, не свойственных сарматским некрополям (например, миска под головой погребенного), а скорее присущих меотским могильникам, говорят об известной этнической пестроте населения Нижнего Дона в первые века н. э.

НИЖНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В СЕВЕРНОМ ПРИАЗОВЬЕ

Осенью 1959 г. экспедицией Таганрогского краеведческого музея были произведены небольшие разведки памятников каменного века на территории Северного Приазовья. Был открыт ряд новых местонахождений каменных орудий верхнего палеолита и неолита по рекам Миусу и Самбеку. Но особенно интересными оказались находки, относящиеся к нижнепалеолитическому времени.

До последнего времени систематическим изучением древнекаменного века в Северном Приазовье никто не занимался, хотя большое количество палеонтологических находок говорило о благоприятных природных условиях для существования человека в ранне- и среднечетвертичное время на данной территории. Ашельское рубило, найденное В. М. Евсеевым в 1938 г. в Казенной балке близ станции Амвросиевка¹; еще раз подтверждало выводы, сделанные по палеонтологическим данным. Однако эта очень интересная находка оставалась единственной, как и мустьерский (а может быть, и более ранний) отщеп, найденный В. И. Громовым в погребенном почвенном горизонте близ села Бессергеновки. Только в 1950, а затем в 1952 г. П. И. Борисковский, производивший специализированные разведки на территории Северного Приазовья, открыл значительное количество новых местонахождений орудий каменного века, начиная с мустье и кончая неолитом.² Были разведаны места выхода меловых отложений по берегам рек Крынки, Миуса и Тузлова. Здесь обнаружены обломки орудий из кремневых мастерских каменного века. Обнаружение пяти новых орудий мустьерской эпохи еще раз подтверждало, что территория Северного Приазовья уже в это время была заселена людьми.

Мустьерские остроконечники, двусторонне обработанные ка-

¹ С. Н. Замятин. Заметки о палеолите Донбасса и Приазовья. Сб. МАЭ, т. XIV. М.—Л., 1953, стр. 251—252; П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, 1958, № 40, стр. 78.

² П. И. Борисковский. Некоторые местонахождения каменного века в Приазовье. Краеведческие записки Таганрогского музея, вып. I. Таганрог, 1957, стр. 135—145.

менные орудия и многочисленные отщепы были собраны П. И. Борисовским близ хуторов Новоклиновки, Белояровка, Успенки, Лысогорки и в Соленой балке близ Матвеева Кургана.

Но на этом систематическое исследование палеолита в Северном Приазовье опять было прекращено и возобновилось лишь с началом работ экспедиции М. Д. Гвоздовер в 1957 г.¹

Целью нашей экспедиции являлось обследование территории к югу от местонахождений, обнаруженных П. И. Борисовским в 1950 и 1952 гг., до морского побережья.

Находки обработанного кремня на данной территории имеют особое значение еще и потому, что здесь нет верхнемеловых отложений, включающих в себя конкреции кремня. Следовательно, находки, занесенные сюда людьми в различные периоды, еще раз свидетельствуют о том, что территория Северного Приазовья была обитаема в те отдаленные времена.

Несомненный интерес представляет небольшое орудие, найденное в обвалах берега Азовского моря близ Беглицкой Косы (17-й участок). Берег моря здесь крутой и обрывистый, с типичными для Приазовья четвертичными отложениями. Вследствие пористой структуры лёссовидных суглинков здесь ежегодно происходят большие обвалы. Привязать стратиграфически данную находку не удалось, однако форма орудия и техника обработки позволяют датировать его довольно точно (рис. 1).

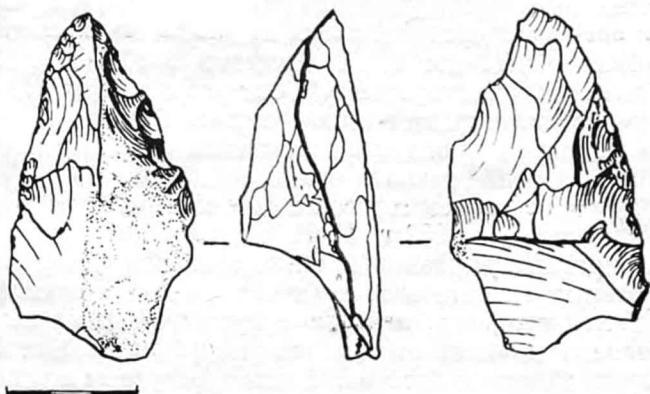

Рис. 1. Ашельское ручное рубило с Беглицкой Косы.

Орудие изготовлено из светло-серого кремня верхнемелового возраста, хорошего качества, без включений. Известковистый налет, занимающий почти половину одной стороны орудия, указывает на то, что оно длительное время залегало скорее всего в лёссовидном суглинке. Мелкие частицы этого суглинка хорошо видны по всему налету. Орудие покрыто серовато-белой патиной,

¹ М. Д. Гвоздовер. Разведки палеолита на Нижнем Дону в 1957—1958 гг. ИРОМК, 1959, № 1 (3), стр. 5—12.

более интенсивной на выпуклой стороне и несколько более слабой на уплощенной части и на сломе. Поверхность его — блестящая, грани слегка заглажены, хотя признаков окатанности оно не имеет. Это также может указывать на то, что орудие не принесено сюда откуда-то, а находилось в отвалах берега. На орудии нет свежих сколов, обычно образующихся при перемещении орудий водными потоками.

Судя по форме, по технике обработки, это — ручное рубило. Длина его — 7,5 см, но необходимо учитывать, что нижний конец, образовывавший пятку, сломан еще в древности, о чем говорит характерный сильный раковистый излом, покрытый более легкой патиной. Первоначально рубило имело, вероятно, значительно большие размеры. Наибольшая ширина орудия — 4,5 см. Сечение его — линзовидное и достигает 3 см. Пятка рубила была, вероятно, более широкой, и орудие имело миндалевидную форму с острым рабочим концом. Такая форма рубил широко известна, начиная с ашельского и кончая позднемустьерским временем.¹ Однако специфика обработки рубил в различные периоды позволяет довольно точно определять время даже единичных экземпляров.

Рубило с Беглицкой Косы грубо отесано с двух сторон, лезвие довольно правильное, типичное уже для ашельских и мустьерских рубил. Следовательно, это рубило никак нельзя датировать более ранним временем, чем ашель.

Как уже говорилось, ручные рубила бытовали вплоть до позднемустьерского времени. Мустьерские рубила значительно меньше ашельских, иногда их даже называют «миниатюрными ручными рубильцами». Они более изящные, с сечением не более 0,8—2,5 см². Редкие из них, древнейшие (Арзни, Кабази, Киик-Коба), имеют в поперечном сечении больше 3 см, но они и по времени приближаются к ашельским. Большинство мустьерских рубилец тонко обработано с применением параллельного скалывания, которое отсутствует на ашельских рубилах. Рубило с Беглицкой Косы отличается от мустьерских более примитивной техникой обработки: вместо тонкой, довольно плоской ретуши мустьерских рубил оно покрыто широкими короткими уступчатыми фасетками с большим раковистым изломом. Все это, а также характерная форма рабочих краев позволяет отнести ручное рубило с Беглицы к ашельскому времени, времени амвросиевского рубила — пока единственной аналогии нашему рубилу с территории Северного Приазовья. Таким образом, обнаружение на Беглицкой Косе второго ашельского рубила подтверждает вывод о заселении территории Северного Приазовья в ашельское время.

Километрах в двух западнее местонахождения ашельского рубила, в аналогичных геолого-геоморфологических условиях была сделана новая находка нижнепалеолитического времени — мусть-

¹ М. З. Паничкина. Палеолит Армении. Л., 1950.

² А. А. Формозов. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. МИА, 1958, № 71, стр. 78.

ерское скребло. Изготовлено оно на отщепе неправильных очертаний из светло-серого кремня верхнемелового возраста. Вся поверхность его равномерно покрыта глубокой белой патиной. Следов сильной окатанности нет. Ретушь, идущая по противолежащей ударному бугорку стороне отщепа, — крутая, типичная для орудий мустьерского времени. Кроме того, датировать это скребло мустьерским временем позволяет еще и наличие подправки на широкой ударной площадке, расположенной под тупым углом к основной оси отщепа.

Вероятно, к более раннему времени, чем описанное выше скребло, относятся новые находки на морском побережье в 12 км западнее Таганрога между селом Веселым (Поляковка) и Русской слободкой. Здесь на небольшом пространстве примерно в 150—200 м² обнаружено много бесформенных, сильно окатанных, с глубокой желтовато-табачной патиной кусков кремня, не имеющих никаких следов обработки. Резко выделяются среди них типичный мустьерский остроконечник и обсидиановый отщеп.¹ Остроконечник (рис. 2, 1) изготовлен из массивного куска мелко-

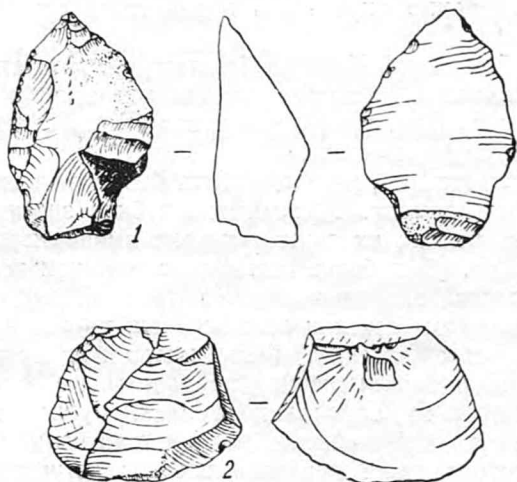

Рис. 2. Каменные изделия из села Веселого. 1 — остроконечник; 2 — обсидиановый отщеп.

зернистого серого кремня. Длина его — 6 см, ширина — 4 и наибольшая толщина — около 2 см. Острый рабочий конец постепенно расширяется и утолщается в сторону основания; края оформлены крутой занозистой или, как ее иногда называют, «уступчатой» отбивной ретушью, типичной для мустьерского времени. Поверхность остроконечника слегка блестит, но никаких следов окатанности нет. На остроконечнике отсутствует и патина, столь обычная на изделиях мустьерского времени.

¹ Обсидиан на территории СССР встречается на Кавказе и в Карпатах.

Однако наличие сильной окатанности и глубокой патины не обязательно для древних находок, тем более если они до последнего времени залегают *in situ*. Вполне возможно, что данный остроконечник недавно попал на поверхность вследствие размыва берега и больших обвалов. На подобную мысль наводит и совершенно неожиданная находка — обсидиановый отщеп с признаками обработки его человеком, но не имеющий ни патины, ни следов окатанности.

Что же представляет собой этот отщеп? Он массивный, широкий, неправильно-четыреугольной формы (см. рис. 2, 2), размеры его — 52×39 мм. На гладкой нижней поверхности четко выражен большой ударный бугорок сильного раковистого излома, занимающий свыше половины площади отщепа. На вершине ударного бугорка хорошо видны фасетка «изъяна» и небольшой сосцевидный выступ в точке удара. Ударная площадка, широкая, гладкая, без предварительной подправки, образует тупой угол с основной осью отщепа. На верхней стороне отщепа имеется несколько следов откалывания. Естественное происхождение этого отщепа исключено, так как он найден далеко от выходов обсидиана и не имеет никаких следов окатанности, которые могли бы указывать на то, что он принесен сюда водами.

Аналогичных массивных коротких отщепов с крупным ударным бугорком, широкой ударной площадкой, расположенной под тупым углом, и фасеткой «изъяна» много среди каменного инвентаря мустьерских и домустьерских стоянок. Среди собственно мустьерских местонахождений подобные отщепы составляют незначительный процент¹, а преобладают отщепы подтреугольной формы со следами предварительной подправки нуклеусов.

Таким образом, новое нижнепалеолитическое местонахождение на морском побережье у села Веселого нужно датировать домустьерским временем, а на территории Северного Приазовья — временем, к которому относится Бессергеновское местонахождение. Кстати сказать, бессергеновский кремневый отщеп и по форме, и по приемам обработки аналогичен обсидиановому отщепу из села Веселого.

Не менее интересные находки нижнепалеолитического времени были собраны и в Соленой балке близ станции Матвеев Курган.

Протяженность Соленой балки — около 7—10 км. Она расположена немного южнее станции и впадает в широкую долину р. Миуса. В настоящее время склоны балки сильно сnivelированы, пологи. Недалеко от устья расположено несколько карьеров, разрабатывающих раннечетвертичные галечники, пески и суглинки. Отложения склонов балки четко видны в карьерах и свидетельствуют о большой ее древности. По всей вероятности, балка возникла в эпоху плиоцена, а может быть, и раньше.

¹ С. Н. Замятин. К определению кремневого отщепа из миндельриской толщи Азовского побережья. Тр. сов. секции МАИЧП, вып. I, Л., 1937, стр. 49—50.

Геологическое строение правого склона Соленой балки прослеживается по восточной стене карьера № 1:

1. Чернозем	M = 0,20 м
2. Горизонт В с коричневатым оттенком, постепенно переходящий в следующий слой	M = 0,10 м
3. Суглинок желто-бурый, лёссовидный, мелко-структурный, песчанистый. Сильно изрыт кротогами	M = 0,50 м
4. Суглинок бурый, аналогичный слою 3, с многочисленной мелкой белоглазкой до 1 см в диаметре и кусочками мела до 0,5 см, средние и плохо окатанными	M = 0,60 м
5. Суглинок палевый, мелкоструктурный, песчанистый, сильно заизвесткован по порам. Пронизан ходами червей. Толща расчленяется небольшими прослойками мелко- и крупнозернистого песка мощностью от 10 до 20 см. Прослойки суглинка одинаково заизвесткованы. Всего в этой толще насчитывается более 15 прослоек песка и суглинка	M = 2,00 м
6. Глина коричнево-синеватая с прослойками желтого песка и мелкого галечника; нижние прослойки песка сильно ожелезнены	M = 0,50 м
7. Галечник с мелкой и средней кремнистой галькой, косослоистый; косослоистость хорошо прослеживается благодаря мелким прослойкам гальки и серого песка, залегающим под углом в 35—45° к дну балки. Общее отложение галечника осложнено горизонтальными прослойками такой же гальки и песка. Видимая	M = 2,40 м
- Общая глубина карьера — около 6,30 м.

Со слоем 7 связаны многочисленные находки «эолитообразных» кремней. Это — типичные псевдоорудия.

Аналогичное геологическое строение наблюдается и в остальных карьерах Соленой балки с той только разницей, что в карьерах № 2 и 4 в верхней части стратиграфической колонки наряду с желто-бурым суглинком имеется серо-коричневый, заполняющий древний овражек. В этом серо-коричневом суглинке (рис. 3) и обнаружены орудия мустьерского времени. Хотя эти находки явно переотложены, особый интерес вызывают они потому, что встречены в коренном залегании. Находки прежних лет (Замятин С. Н., 1938; Борисковский П. И., 1950) были сделаны на поверхности.

Новые находки представлены двумя нуклеусами, одним отщепом и одним куском кремня со следами единичных сколов. Нуклеусы значительно различаются между собой по форме. Оба они изготовлены из мелового кремня: один из серого прозрачного, другой — из черного непрозрачного. На обоих экземплярах со-

хранились незначительные участки меловой корки. Один нуклеус — небольших размеров ($5 \times 4,5$ см), со следами скалывания нескольких отщепов, края площадок подправлены. Это — типичный дисковидный нуклеус, такие часто встречаются в мустьерских памятниках. Второй нуклеус — более массивный, несработанный, по форме похож на параллелепипед. Размеры его — 13×8 см, толщина — 4,5. Четких ударных площадок у него нет, но неоднократное скалывание с него широких, коротких отщепов хорошо видно по негативам, оставшимся на нуклеусе. Одна плоская сторона его заглажена больше и имеет более глубокую патину, чем другая, но общей сильной окатанности нет, что характерно и для остальных находок.

Типичным мустьерским изделием является и небольшой отщеп (рис. 4), вынутый при зачистке серо-коричневого суглинка. Он округлой формы, размеры его — $4,5 \times 4$ см, толщина — 1,5. Ши-

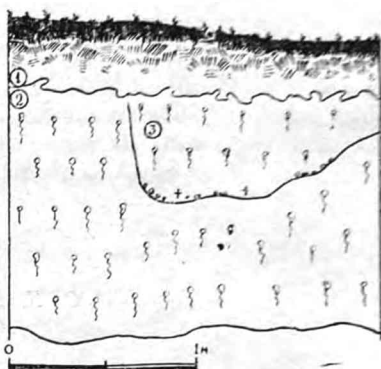

Рис. 3. Верхняя часть разреза восточной стены карьера № 1 в Солёной балке. 1 — чернозем и горизонт В; 2 — желто-бурый суглинок с белоглазкой; 3 — серо-коричневый суглинок (древний овражек); мустьерские кремни (+).

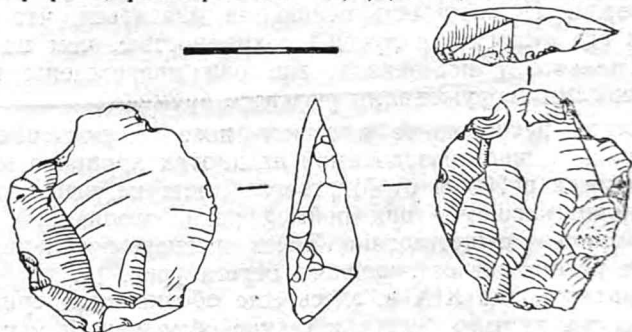

Рис. 4. Мустьерский отщеп из карьера № 4 в Солёной балке.

рокая ударная площадка с небольшой предварительной подправкой расположена под тупым углом к нижней плоскости отщепа, на которой четко видны фасетка «изъяна» и небольшой сосцевидный выступ в точке удара. На верхней плоскости отщепа имеются следы многочисленных сколов, произведенных до отделения настоящего отщепа от нуклеуса.

Таким образом, полностью подтверждается ранее сделанный вывод о наличии в Солёной балке близ станции Матвеев Курган местонахождения орудий мустьерского времени, относящегося к ранним стадиям плейстоцена.

НОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ДОНСКОЙ ДЕЛЬТЕ

В апреле 1956 г. при обследовании правого берега Мертвого Донца автором настоящей статьи было открыто неизвестное ранее поселение эпохи бронзы в поселке Сафьяново Мясниковского района. В течение летних сезонов 1956—1958 гг. памятник был обследован отрядами Кобяковской и Нижне-Донской археологических экспедиций ИИМК АН СССР и Ростовского областного музея краеведения. В результате был собран значительный материал, сделана глазомерная съемка поселения и произведены зачистки культурного слоя.

На месте этого поселения жизнь в античную эпоху не существовала. Поэтому есть основания надеяться, что культурные слои его отличаются лучшей сохранностью, чем на Кобяковом и Гниловском поселениях, где они повреждены поздними хозяйственными сооружениями римского времени.

Поселение расположено в самом поселке, восточнее балки Сафьяновой, обычно обозначаемой на картах крупного масштаба. Оно находится в 300 м от Мертвого Донца на высоком крутом берегу, поднимающемся над поймой реки, отошедшей, по-видимому, со времени существования здесь древнего поселения на значительное расстояние от коренного берега (рис. 1).

На картах конца XIX в. здесь еще обозначался ерик, проходивший вдоль крутого берега и сейчас обмелевший у поселения, но сохранившийся еще в большей своей части.

С восточной стороны поселение ограничено глубокой балкой, с западной и северо-западной — неглубоким оврагом, по которому проложена дорога, с севера — хорошо заметной ложбинкой и, наконец, с юга — склоном коренного берега. Таким образом, поселение занимает холм, заметно возвышающийся над окружающей местностью.

Этот холм, доступ к которому затруднен со всех сторон естественными преградами, несомненно, был выбран с учетом стратегических соображений.

Топография поселения Сафьяново напоминает планировку других поселений Нижнего Дона эпохи бронзы — Хапровского,

Гниловского, Кобякова, расположенных также у реки и ограниченных балкой и оврагами.¹

Естественных обнажений культурного слоя на поселении нет. У склонов холма он в значительной степени размыт и имеет мощность в 0,20—0,30 м. По мере удаления от склонов мощность культурного слоя возрастает, достигая 0,60—1,00 м.

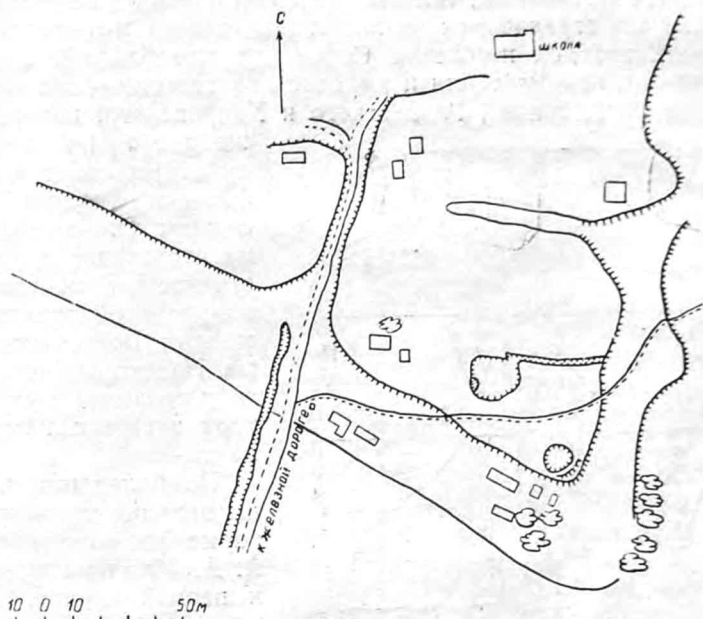

Рис. 1. План поселения Сафьяново.

Через юго-восточную часть поселения проходит траншея военного времени, на всем протяжении которой просматривается культурный слой, необычайно насыщенный керамикой. В оплывшем блиндаже нами была сделана зачистка культурного слоя на глубину 1,70 м, протяжением 3,2.

Культурный слой, который можно охарактеризовать как золистый, лежит здесь на коричневом гумусированном суглинке, переходящем в глину. У склонов холма, где почва и глина вымыты, он лежит непосредственно на песке или известняке.

Следует отметить, что в профиле зачистки хорошо заметно уступчатое опускание культурного слоя, заполняющего углубление в суглинке, которое имеет слегка покатое к середине дно, являвшееся, очевидно, полом полуземлянки.

Вскрытие культурного слоя над полом показало, что он представляет собой плотную, ровную площадку. На ней обнаружены

¹ А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1923 г. РАИМК, т. IV. Л., 1925, рр. 1, 10, 11.

крупные фрагменты сосудов, а также камыш, которым, вероятно, была покрыта землянка.

На 0,20 м выше площадки тянется слой плотно утрамбованной глины толщиной в 0,05 м. Возможно, это — остаток пола жилища, существовавшего здесь в более поздний период.

Дать полную характеристику открытого поселения не представляется возможным, так как раскопки здесь не производились. Поэтому мы ограничимся анализом подъемного материала.¹

Среди находок поселения Сафьяново преобладает керамика. По формам, ornamentации и выделке она тождественна керамике с поселений Кобяково, Гнидовского и Хапровского, которые ближе

же всего по характеру культуры стоят к географически отдаленным поселениям Восточного Крыма, что свидетельствует об этническом родстве племен донской дельты с племенами Восточного Крыма. Некоторые исследователи связывают эту культуру также с киммерийцами.²

Наиболее многочисленны находки керамики, которые по классификации А. А. Миллера относятся к первой группе. Это — простые горшки различной величины с короткой, более или менее отогнутой шейкой, плавно переходящей в корпус со слабо выпуклыми боками (рис. 2, 2, 3, 8, 10; рис. 3, 1—5; рис. 4, 2, 5, 14).

Их поверхность часто заглажена гребенчатым штампом или слегка залощена, изредка на плечиках встречается орнамент в виде врезных черточек и ямок, образующих елочный узор. На одном экземпляре он нанесен штампом (см. рис. 4, 2). По месту перехода шейки в корпус часто проходит горизонтальный валик (см. рис. 2, 8, 10), обычно не наклепной, а оттянутый.

Рис. 2. Керамика из поселения Сафьяново.

¹ Материал с поселения Сафьяново хранится в Ростовском областном музее краеведения.

² И. Т. Кругликова. Поселения эпохи бронзы в Восточном Крыму. СА., XXIV. М.—Л., 1955.

Валики на керамике, собранной на поселении Сафьяново, как и на просмотренных материалах поселения Кобяково, лишь крайне редко имеют орнаментацию насечкой или вдавливанием, столь характерную для Киммерика, Щебетовки и других поселений Восточного Крыма, а также для позднесрубной культуры Приазовья. По нашему мнению, это — основное отличие керамики Нижнего Дона рассматриваемого периода от керамических изделий Восточного Крыма.

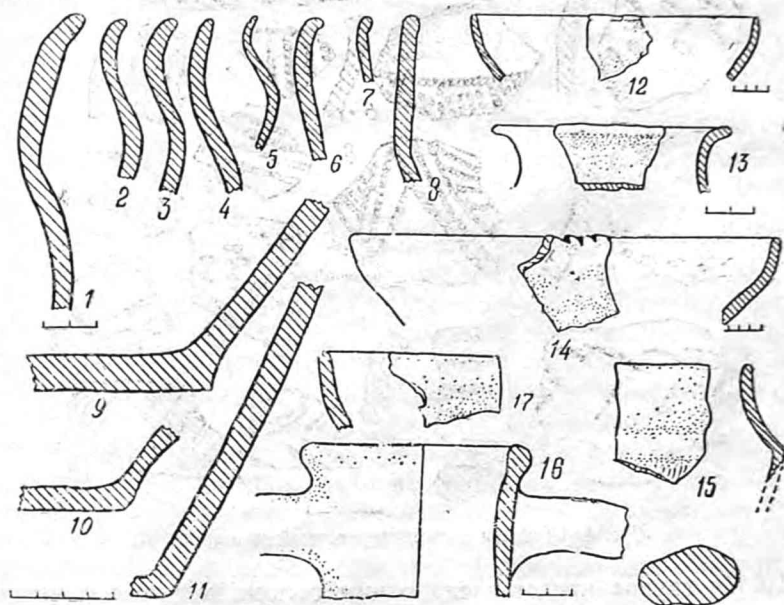

Рис. 3. Керамика.

Вторую группу сосудов составляют кувшины, обычно богато орнаментированные отрисками веревочки (см. рис. 4, 1, 3, 4, 6). Поверхность таких кувшинов залощена и имеет светлый охристый или красноватый цвет. Реже встречаются сосуды, которые не имеют орнамента, но отличаются также хорошей выделкой и лощением (см. рис. 2, 5, 9).

Видимо, к этой группе следует отнести и обломок шейки сосуда с сильно отогнутым наружу венчиком, с блестящим красноватым лощением. Внизу на шейке имеется отпечаток веревочки (см. рис. 3, 13).

Среди сравнительно хорошо изученной керамики поселения Кобяково не обнаружено сосудов с ручками. Раскопки последних лет дали такой материал. На поселении Сафьяново найден обломок ручки, украшенной горизонтальными отрисками толсто скрученной веревки (см. рис. 4, 16).

К сожалению, мы пока не располагаем целыми экземплярами сосудов этого типа, чтобы представить их форму.

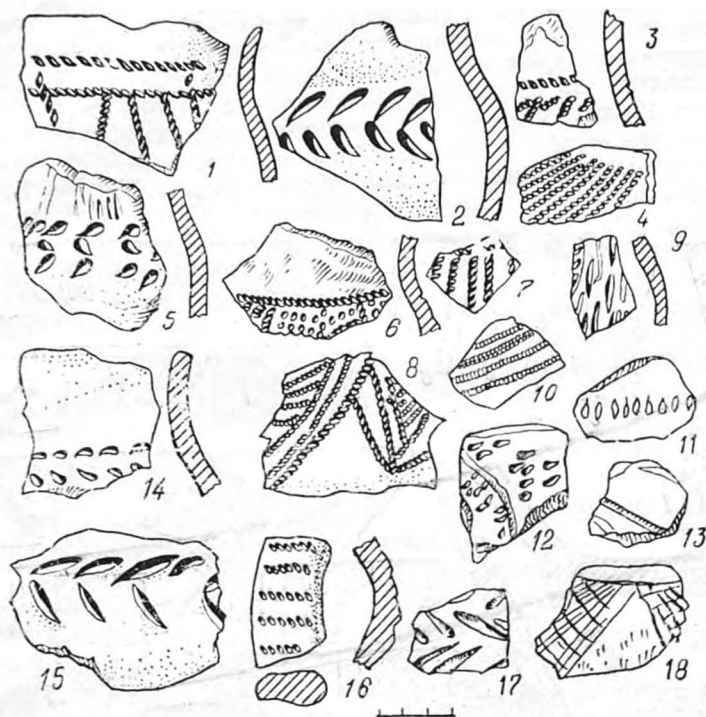

Рис. 4. Обломки орнаментированной керамики.

Третья группа представлена одним обломком чаши с черной, слегка залощенной поверхностью (см. рис. 3, 15). Почти целая чаша этого типа с орнаментом в виде елки найдена при раскопках Кобыкова городища в 1955 г. З. А. Витковым.

К четвертой группе керамики по А. А. Миллеру может быть отнесен найденный фрагмент большого сосуда с заглаженной зубчатый штампом поверхностью (см. рис. 2, 1). Сосуды этого типа часто покрыты богатым орнаментом в виде заштрихованных треугольников в сочетании с горизонтальными веревочными оттисками (см. рис. 4, 18). Подобные образцы часто встречаются на Кобыковом поселении.

Из-за фрагментарности материала затруднительно определить принадлежность к определенной группе некоторых обломков сосудов с оригинальной орнаментацией (см. рис. 4, 9, 10, 12, 13, 17). Впрочем, обломку с треугольными, беспорядочно нанесенными вдавливаниями можно найти аналогии в керамике Кобыкова поселения, относящейся к первой группе.

Фрагментами остросереберных сосудов являются, очевидно, несколько обломков с сильно утолщенным, отогнутым наружу краем (см. рис. 2, 6). Видимо, к этой же группе следует отнести части сосудов с прямыми в верхней части стенками, заканчиваю-

шимися венчиком, редким для керамики с поселений донской дельты (см. рис. 3, 6, 7, 8). Все они грубой выделки, без орнаментов, иногда местами заглажены гребенчатым штампом. А. А. Миллер считает, что эта форма встречается крайне редко и связана со срубной культурой. Столь же редки баночные сосуды (см. рис. 2, 4).

В классификацию кобяковской керамики, осуществленную А. А. Миллером, не была включена своеобразная группа сосудов-мисок, которые отсутствовали при первых раскопках, но найдены, хотя и в небольшом количестве, экспедициями Ростовского областного музея (1955 г.) и ИИМК АН СССР и музея (1956—1959 гг.).

Встречаются сосуды этого типа также на поселении Сафьяново (см. рис. 3, 12, 14, 17). Это — простые низкие миски с более или менее выпуклыми боками и утолщенным дном. Высота мисок — 0,08—0,09 м, диаметр по верхнему краю — 0,23—0,36. Керамика — хорошей выделки, с гладкой, местами залощенной поверхностью черного, темно-серого или темно-желтого цвета. Видимо, сосуды этого типа орнаментом почти не украшались. Из всего просмотренного материала нам известен лишь один обломок миски с краем, украшенным насечкой (см. рис. 3, 14).

Кроме керамических изделий, на поселении обнаружены также каменные орудия, относящиеся к тому же времени. Техника изготовления их в конце эпохи бронзы приходит в заметный упадок по сравнению с предшествующим периодом, но еще встречаются орудия, тщательно изготовленные, с хорошей ретушью. Из находок поселения Сафьяново отметим скребкообразное орудие с выщерблением от сильного удара и округлый скребок с крутой ретушью (рис. 5, 4, 5).

Шлифованные орудия представлены обломком каменного топора из гнейса (см. рис. 5, 8) и половинкой конического пестика-толкача из плотного песчаника (см. рис. 5, 10). В памятниках Подонья, Прикубанья, Казахстана такие песты-толкачи встречаются часто, в верхней части они обычно снабжены шишечками, шляпкообразной головкой или имеют более сложный профиль как, например, экземпляр из ст. Слащевской¹, хранящийся в Музее истории донского казачества в Новочеркаске.

В большом количестве на поселении найдены продолговатые известняковые камни, обычно имеющие две перетяжки (см. рис. 5, 1, 2), реже — одну (см. рис. 5, 3).

Некоторые исследователи — А. А. Миллер, Б. В. Лунин и другие высказывали в 20-х годах предположение об антропоморфном характере таких каменных изделий.²

¹ Х. И. Попов. Каталог Донского музея в Новочеркаске. Новочеркаск, 1914—1917, стр. 6, табл. II, 12.

² Б. В. Лунин. К вопросу об антропоморфном характере каменных поделок Гниловского и других южнороссийских городищ. ЗСКОАНЭ, вып. 3. Ростов-на-Дону, 1927—1928.

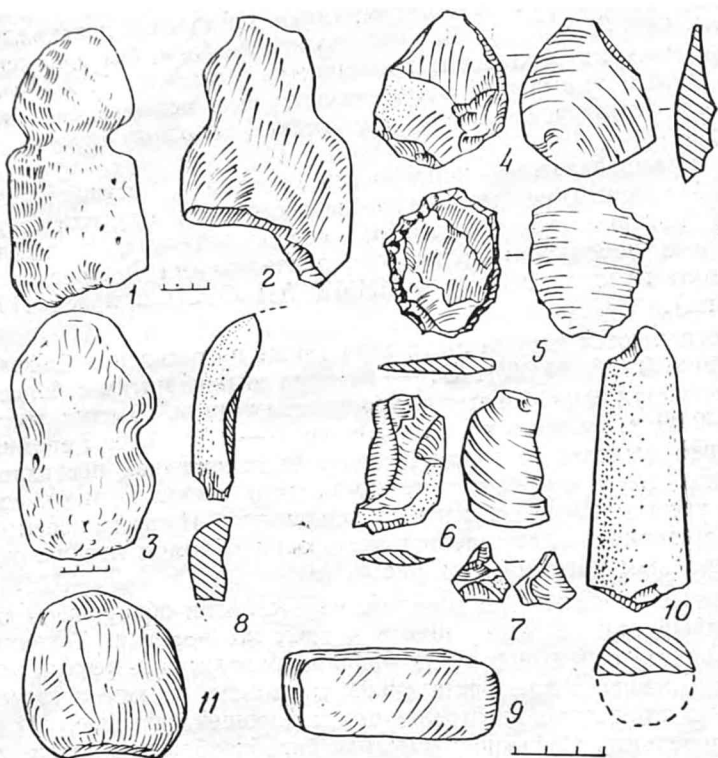

Рис. 5. Орудия из камня.

Тогда же В. А. Городцов определил их как рыболовные грузила весьма своеобразной формы, присущей только поселениям Нижнего Дона.

Раскопки последних лет подтверждают точку зрения В. А. Городцова. Бесспорно, эти камни следует признать рыболовными грузилами. А. А. Миллер, Б. В. Лунин и другие пришли к ошибочному заключению потому, что в их распоряжении находились не целые экземпляры, а обломки с одной перетяжкой, которые действительно часто похожи на антропоморфные статуэтки. На Кобяковом и Гниловском поселениях эти грузила встречались обычно в хозяйственных комплексах, причем иногда целыми сериями, что, очевидно, говорит о принадлежности их сетям.

Из прочих находок отметим точильный брусок (см. рис. 5, 9) и небольшую ступочку.

Особого внимания заслуживает изделие из рога с гладкой черной поверхностью, отполированной до блеска (рис. 6). У краев его нанесены четыре короткие параллельные насечки, пересеченные одной длинной. Эта находка исследовалась С. А. Семеновым

в лаборатории первобытной техники Ленинградского отделения ИА АН СССР. В результате сделаны следующие выводы: изделие из рога окрашено посредством варки в особом растворе, применявшемся для этой цели еще с неолита; насечки нанесены, видимо, для удобства держания предмета в руке при работе. Точное функциональное назначение найденного изделия без привлечения для исследования серии аналогичных образцов определить трудно. Возможно, им пользовались как приспособлением, на котором обрабатывались (заострялись) костяные и бронзовые орудия, о чем свидетельствуют многочисленные круглые вдавливания на выпуклой рабочей стороне, хорошо заметные под микроскопом.

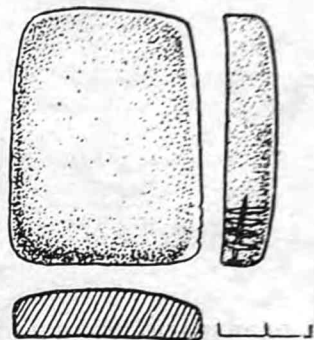

Рис. 6. Изделие из рога.

Таков материал, характеризующий обследованное поселение.

Кроме описанных находок, нами собран некоторый материал на склонах и у подножья соседних холмов.

На расположенном западнее поселения холме найдено несколько обломков керамических изделий эпохи бронзы и обломки поздних амфор, среди которых — стенка с частым рифлением и горло с ручкой из светлой глины. Осмотр оврагов и естественных обнажений показал, что культурный слой здесь отсутствует. У подножья холмов на пахоте собрано много обломков керамики эпохи бронзы и несколько обломков амфор и лепной посуды римского времени. Особенно много фрагментов керамических изделий найдено в овраге; спускающемся с холма, который был занят древним поселением. Большая часть холма еще не занята усадьбами, и было бы очень желательно провести раскопочные работы на этом интересном памятнике.

Л. С. КЛЕИН

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ МЕСТА КУРИЛЬНИЦ В КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЕ

В 1960 г. при раскопках кургана близ станицы Багаевской в низовьях Дона С. Н. Братченко обнаружил в одном из погребений — катакомбе с богатым могильным комплексом предкавказского типа — типичную катакомбную курильницу на четырехлепестковой ножке; на стенках курильницы снаружи заметны потеки темной жидкости (рис. 1) — такие же, как те, что давно уже известны на других сосудах катакомбной культуры (рис. 2).¹

Находка эта, несомненно, помогает определить подлинное ме-

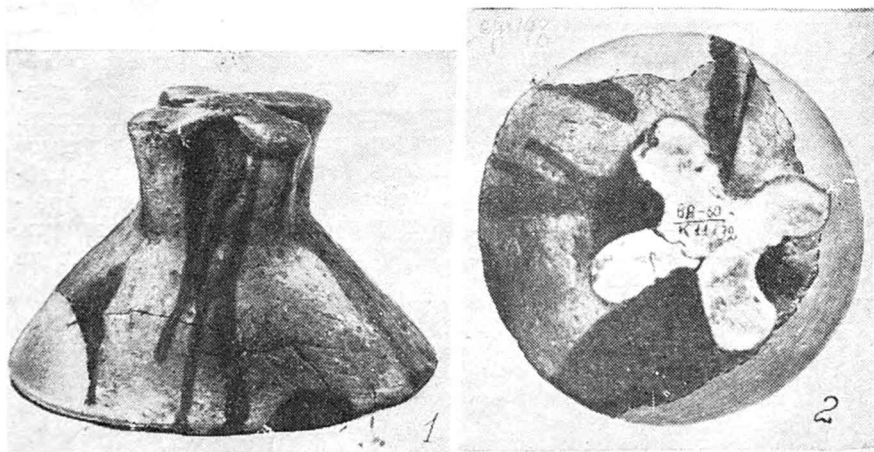

Рис. 1. Курильница из погребения в кургане близ станицы Багаевской. 1 — вид сбоку (курильница опрокинута основанием вверх); 2 — вид со стороны основания.

сто курильниц в катакомбной культуре и проливает свет на сложный вопрос о происхождении последней.

¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года. Тр. XII АС, т. 1. М., 1905, табл. VIII, 8 и IX, 6; В. В. Гольмстен. Об элементах орнамента керамики родового общества Юга СССР. Тр. отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, т. 1. Л., 1941, табл. IV, 1—2.

Курильницы на четырехлепестковой ножке, разделенные внутри перегородкой на две неравные части (меньшая часть образует, собственно, небольшое боковое отделение), не были встречены В. А. Городцовым на Донце и, естественно, не попали в выделенный этим исследователем типичный комплекс классической катакомбной культуры.

Вскоре эти курильницы были открыты Н. И. Веселовским в степном Предкавказье, и с тех пор именно в этом районе их находили чаще всего.

А. М. Таллгрен, составивший первую сводку сведений об этих предметах и определивший их культовое назначение, рассматривал курильницы как составной элемент северокавказской культуры, хотя и указывал на их сходство по орнаменту с донецкой катакомбной керамикой¹. Точно так же их рассматривали и другие авторы — Ф. Ганчар, А. А. Иессен.²

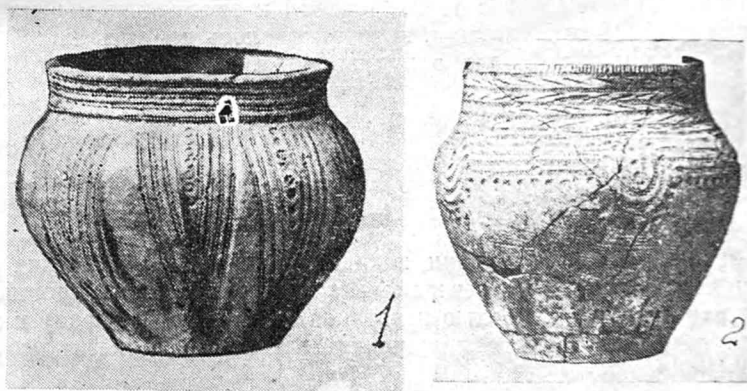

Рис. 2. Сосуды из раскопок В. А. Городцова на Северском Донце (б. Изюмский уезд). 1 — сосуд из погребения 5 в кургане 5 близ Малой Камышевах; 2 — сосуд из погребения 4 в кургане 2 близ Гострой Могины.

Между тем, раскопки М. И. Артамонова на Маныче дали серию курильниц в типичных комплексах именно катакомбной культуры, а катакомбный характер орнаментации многих образцов опровергал утверждение о северокавказском происхождении курильниц. Поэтому Ф. Ганчар, располагая, правда, весьма ограниченным материалом, выступил с предложением считать курильницы типичными для катакомбной культуры.³

¹ А. М. Tallgren. Zu der nordkaukasischen frühen Bronzezeit. ESA, VI, 1931, стр. 142—145.

² А. А. Иессен. Моздокский могильник в ряду памятников Северного Кавказа. Археологические экспедиции Эрмитажа, вып. I, Л., 1940, стр. 42.

³ F. Hantsch. Kreuzförmige Räucherschalen aus dem Tale des Manyc. (Ihre kulturelle Verbindung mit 'Ocker und ältesten Schädeldeformation.) «Strena archaeologica professori A. M. Tallgren... sexagenario dedicata». SMYA, XLII, 1945, стр. 65—80

Но и после этого Т. Б. Попова продолжала именовать их северокавказскими, а наличие их в катакомбных памятниках объясняла культурным влиянием северокавказских племен. Между тем, курильниц этих в предкавказских катакомбных погребениях оказалось гораздо больше, чем на самом Кавказе, на территории северокавказских племен, но на это обстоятельство Т. Б. Попова не обратила внимания.¹

Позже Т. Б. Попова изменила свою точку зрения. Собрав большой материал (в ее сводке учтено свыше 60 образцов), она отметила не только многочисленность курильниц в границах предкавказского варианта катакомбной культуры, но и их наличие на территориях ее других вариантов, а также в северокавказской культуре. Кроме того, на северокавказских курильницах оказался катакомбный орнамент, а комплексы, в которых они обнаружены, являются характерными для предкавказского варианта.²

Почти одновременно с Т. Б. Поповой к аналогичным выводам пришла А. А. Иерусалимская, которой удалось собрать еще более полную сводку материалов о курильницах. А. А. Иерусалимская проследила границы предкавказского варианта катакомбной культуры на разных этапах и показала их постепенное перемещение на юг, которое привело к установлению тесного контакта с северокавказскими племенами. Классификация курильниц по хронологическому признаку позволила установить, что северокавказские экземпляры относятся к числу наиболее поздних.³

Наконец, В. И. Марковин показал значительное влияние катакомбной культуры на северокавказскую (вследствие проникновения катакомбных племен в предгорья Северного Кавказа) и тем самым объяснил факт обнаружения южной серии катакомбных курильниц.⁴

Так сложилось представление о том, что курильницы на четырехлепестковых основаниях, разделенные внутренними перегородками, типичны и свойственны предкавказскому варианту катакомбной культуры.

Выводить катакомбную культуру из ямной, как это было принято в последние десятилетия, никак нельзя: в ямной культуре нет прототипов ни для катакомбного устройства могилы, ни для катакомбных орнаментов, ни для каменных топоров катакомбной культуры, ни для ее курильниц, а так называемые «памятники

¹ Т. Б. Попова, В. М. Раушенбах. Археологические материалы в краеведческих музеях. М., Госкультпросветиздат, 1954, стр. 100, 101; Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Северное Причерноморье во втором тысячелетии до нашей эры. Тр. ГИМ, вып. 24, М., 1955, стр. 116—118.

² Т. Б. Попова. К вопросу о курильницах северокавказского типа. СА, 1957, № 1, стр. 161—177.

³ А. А. Иерусалимская. Курильницы бронзового века из предкавказских степей в собрании Эрмитажа. СГЭ, XII. Л., 1957, стр. 45—47; ее же. О предкавказском варианте катакомбной культуры. СА, 1958, № 2, стр. 34—48.

⁴ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) МИА, 1960, № 93, стр. 69—76.

переходного типа» оказываются при внимательном рассмотрении продуктами смешения ямной и катакомбной культур. Однако искомые прототипы есть в бассейне Дуная и на Балканах. Правда, там они часто существуют лишь в виде отдельных элементов. Так, например, традиция четырехлепестковых оснований курильниц имела место с раннего неолита до эпохи бронзы в одном ряде культур (керешская — тисская — люблянская — вучедол-зокская), а традиция внутренних перегородок у сосудов — в другом (тиссапальгарская и баденская — пещельская культуры). Однако на Дунае и на Балканах зафиксированы подвижные скотоводческие племена, которые могли объединить все эти разрозненные элементы в один культурный комплекс и перенести его в наши степи.

Но здесь в разработке миграционной версии происхождения катакомбной культуры возникает существенное противоречие.

Если традицию изготовления курильниц катакомбные племена принесли с собой в наши степи с Дуная, то, очевидно, курильницы здесь должны быть представлены прежде всего в том локальном варианте катакомбной культуры, который по всем остальным показателям выступает как самый ранний, исходный для остальных вариантов. Между тем на эту роль по всем данным вправе претендовать донецкий вариант катакомбной культуры,¹ в котором курильниц почти нет (хотя они во множестве представлены в памятниках предкавказского варианта, который существовал позже донецкого и развивался под его влиянием).

Возникшее противоречие говорит о том, что одна из трех тем исследования (происхождение катакомбных курильниц, их распределение по локальным вариантам катакомбной культуры и хронологические и генетические взаимоотношения между этими вариантами) представлена неверным положением. Вывод о дунайском происхождении курильниц и вывод о влиянии на предкавказский вариант донецкого достаточно аргументированы, хотя не совсем ясно, почему курильницы, обнаруженные на Дунае, отсутствуют в ранней катакомбной культуре (донецкий вариант). Положение же об ограничении курильниц рамками предкавказского варианта катакомбной культуры является наиболее сомнительным в силу ограниченности археологических материалов, на которых оно основывается.

По нашему мнению, багаевская находка позволяет по-новому взглянуть на некоторые известные ранее материалы, иначе оценить их и в результате разрешить возникшее противоречие.

Темные потеки на стенках багаевской курильницы особенно интересны. Важно вспомнить, что аналогичные следы жидкости встречались и на других сосудах, найденных в катакомбных погребениях. Каково бы ни было происхождение этих потеков, они свидетельствуют о том, что курильницы, как и другие сосуды, об-

¹ Л. С. Клейн. О хронологических и генетических взаимоотношениях локальных вариантов катакомбной культуры. «Исследования по археологии СССР». Сб. статей в честь проф. М. И. Артамонова. Л., Изд-во ЛГУ, 1961, стр. 69—79.

наруживаемые в могилах, являются, очевидно, одним из необходимых предметов повседневного обихода, а не специфической принадлежностью погребального ритуала.

Но известно, что погребальный обряд отличается большой консервативностью и что далеко не сразу новшества, появляющиеся в быту, входят в могильный комплекс. Следовательно, прежде, чем курильницы появились в катакомбных погребениях (а это произошло в предкавказском варианте катакомбной культуры), они должны были известный период существовать только в быту. Именно этот этап имел место в донецком варианте катакомбной культуры. Курильницы здесь надо искать главным образом не в погребениях, а на стоянках; последние же пока почти не поддаются археологическому изучению, как и стоянки многих других пастушеско-скотоводческих племен эпохи бронзы. Такие культуры, как фатьяновская, среднелепинская, северокавказская и другие, в том числе и катакомбная, представлены почти исключительно погребениями.

Всего две курильницы найдены в культурном слое поселений (Михайловка и Перун), расположенных в районе, где катакомбная культура смешана с ямной.

Обращает на себя внимание тот факт, что в катакомбных погребениях Донца обнаруживаются употреблявшиеся вместо курильниц обломки сосудов — жаровни. Очевидно, обойтись в загробной жизни без переносного огня люди катакомбной культуры Донца уже не считали возможным, а помещать в могилу курильницы — предметы, не ставшие привычными, традиционными — еще не решились.

На западе же, в местах, из которых курильницы проникли в наши степи, аналогичные находки имели место как в поселениях, так и в захоронениях.

В пользу положения о том, что в донецком варианте катакомбной культуры традиция курильниц существовала, можно привести еще один факт. Как подметили некоторые исследователи, на курильницах из предкавказских погребений зачастую орнамент носит не предкавказский, а донецкий характер. По мотивам и технике орнамента они совпадают не с типичными для тех же погребений горшками, а с более ранними сосудами из бассейна Донца. Это легко объяснить с помощью изложенной выше гипотезы. Поскольку курильницы являются в какой-то степени принадлежностью религиозного культа, а все, что связано с религией, отличается особенной консервативностью, естественно, что курильницы дольше других сосудов сохраняли древние черты. Поэтому предкавказские курильницы предстали перед нами в том виде, который имели гораздо более ранние донецкие курильницы, не дошедшие до нас.

Так восстанавливается недостающее звено в генетической цепи дунайско-пантийских курильниц, помогающей проследить происхождение катакомбной культуры.

ПОЛОВЕЦКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В УРОЧИЩЕ КАМЕННАЯ БАЛКА

На территории Нижнего Дона и Приазовья найдено очень мало могильников и отдельных погребений кочевников X—XIV вв. (печенегов, гузов и половцев). Нам известно только несколько впускных кочевнических захоронений в курганах предыдущих эпох (в окрестностях Таганрога) и кочевнический могильник близ Саркела—Белой Вежи (хут. Попов у станицы Цимлянской), в котором за 1934—1936 и 1949—1951 гг. было раскопано более сорока небольших курганов с погребениями X—XI вв.¹

В 1959 г. у хут. Недвиговки под руководством М. Д. Гвоздовер были начаты работы по изучению палеолитической стоянки на урочище Каменная балка. На покрытой дерном поверхности урочища заметны небольшие и неглубокие впадинки. Непосредственно под дерновым слоем в каждой из них была обнаружена кучка из меловых битых камней (размеры камней не больше 0,2 м в поперечнике). Под ними находится могильная яма, в настоящее время забитая землей и камнями. Экспедицией было расчищено три захоронения.

Погребение № 1 (на северном мысу урочища) обнаружено на глубине 1,18 м от поверхности. Очертания могильной ямы очень расплывчаты, ориентирована она по длинной оси с северо-востока на юго-запад, размеры — $2 \times 0,8$ м. Погребение было разорено, по-видимому, еще в древности; тем не менее очевидно, что в могиле находится скелет мужчины с крупным черепом и массивными длинными костями. Кости беспорядочно разбросаны по дну могилы. У стен ямы и среди костей обнаружены остатки гроба (сохранился угол и обломок нижней доски); судя по ним, гроб был сделан из березовых досок около 3 см толщиной.

Наибольший интерес представляют остатки берестяного колчана с костяными орнаментальными пластинками, ярко раскрашенными красной и черной красками.

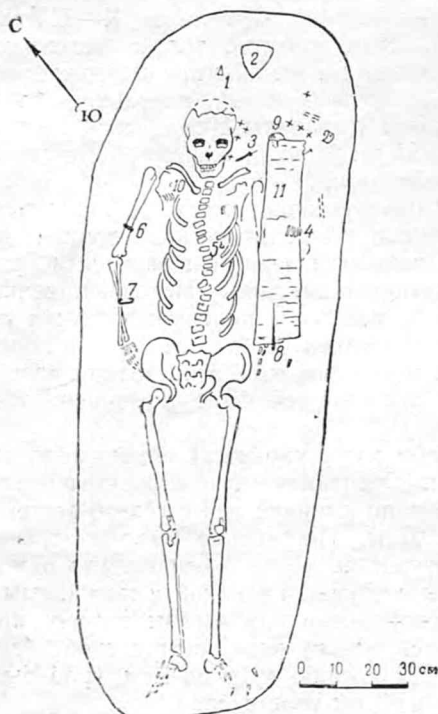
Погребение № 2 обнаружено на южном мысу на глубине 0,94 м

¹ М. И. Артамонов. Саркел—Белая Вежа, МИА, 1958, № 62, стр. 76—77; С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях МИА, 1958, № 62, стр. 153, 165.

от поверхности. Могила — с сильно закругленными углами, длина ее — 1,5 м, ширина в северо-восточной части — 0,6, в юго-западной — 0,5 м. Стены могилы вертикальные, дно плоское, неровное. Скелет, ориентированный головой на северо-восток, лежал на спине, с вытянутыми руками и ногами. Кости и череп сохранились хорошо. Могила прорезана многочисленными норами грызунов, в связи с чем положение многих костей скелета нарушено (расташены фаланги пальцев ног, лучевая и локтевая кости левой руки). Скелет принадлежал женщине, европеоиду-брахикрану.

Остатков гроба нет, но под костями левой ноги обнаружены две тонкие дощечки (под ступней и у колена).

У черепа (слева) найден кусочек парчовой богато расшитой сложным узором ткани от головного убора и у локтя левой руки — обломки небольшого железного ножичка с остатками деревянных ножен.

«— Обломки железных предметов

Рис. 1. Погребение 3. 1—бронзовая трубочка; 2—стремля; 3—ножны; 4—бронзовые нашивки на колчане. 5—серебряная серьга; 6—кусочек железа; 7—кресало; 8—стрелка; 9—бронзовая чашечка; 10—рыбий скелет; 11—колчан.

Погребение № 3 (рис. 1) находится на глубине 1 м от поверхности на южном мысу урочища. Могила — прямоугольная с закругленными углами, длина—1,9 м, ширина—0,8. Дно—плоское, неровное. Положение скелета такое же, как и в погребении № 2. Кости и череп сохранились хорошо, только фаланги пальцев ног частично расташены грызунами. Скелет принадлежал мужчине, европеоиду-брахикрану. Остатков гроба в могиле не обнаружено.

Найдены вещи: у черепа — свернутая из листового бронзы ворварка для кисточки от головного убора (рис. 2). В левой части костяка груди—остатки (крючок и стержень) серебряной серьги. У правой руки обнаружено железное овальное кресало с несомкнутыми концами и чашечка из листового железа с остатками ушек (рис. 3). На костях правой половины груди лежали кости рыбы (часть позвоночника) и чешуя. У черепа, рядом с ворваркой

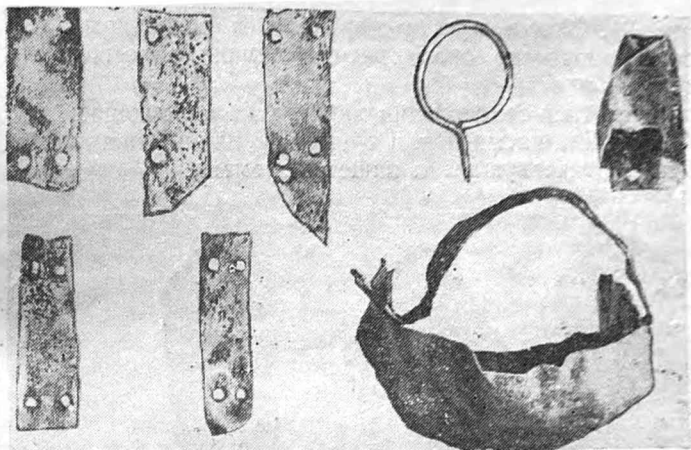

Рис. 2. Украшения колчана, серьга, ворварка и ритуальная чашечка из погребения 3.

найденно железное стремя. Вдоль левой руки — берестяной так называемый «кельтовидный» колчан, украшенный с одного края пятью бронзовыми длинными пластинками с пробитыми концами для пришивания к одежде (см. рис. 2). В колчане остриями вниз (к ногам) лежало несколько железных наконечников стрел (рис. 4). Слева от черепа был обнаружен небольшой железный нож в деревянных ножнах, а непосредственно над колчаном — перевернутая вверх дном чашечка, сделанная из квадратного листа бронзы. Края у этой чашечки в двух местах пробиты, в отверстия вставлены концы плоской ручки, вырезанной также из листа бронзы

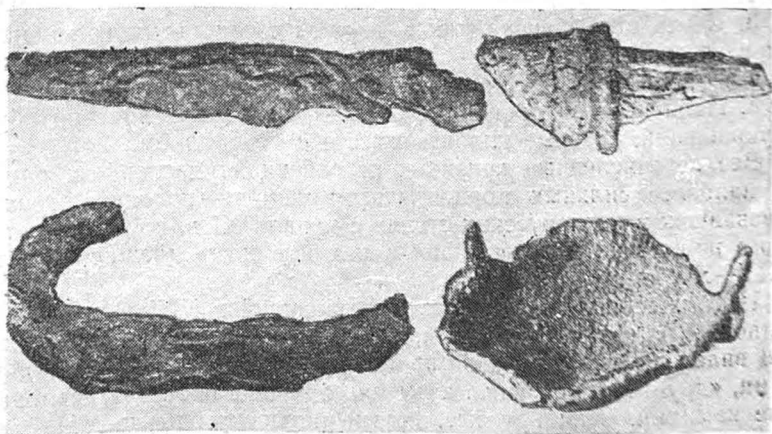

Рис. 3. Кресало, нож и железная чашечка из погребения 3.

(см. рис. 2). Кроме того, у черепа и в восточном углу могилы было разбросано около десяти мелких обломков железных предметов.

Для всех трех захоронений характерно следующее:

1. Отсутствие насыпей или очень небольшие насыпи над могилами, почти исчезнувшие к нашему времени.

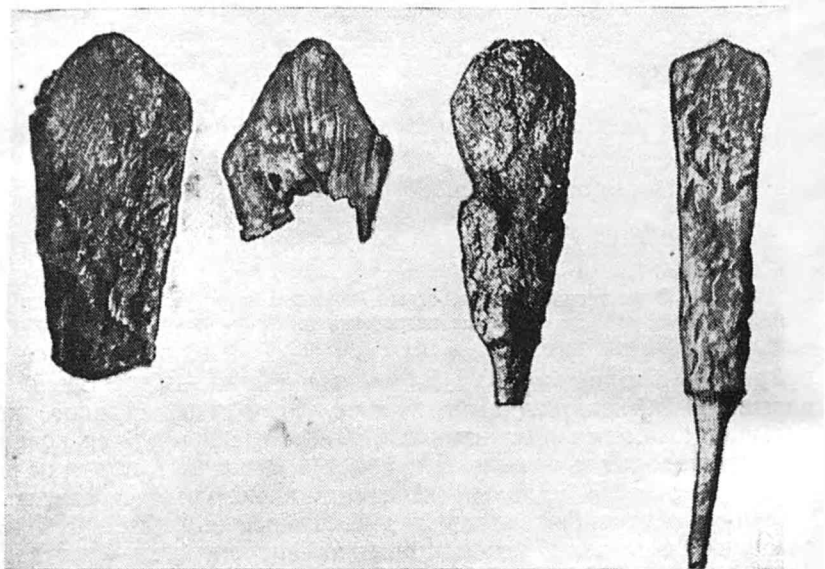

Рис. 4. Наконечники стрел из погребения 3.

2. Каменные кучи или вымостки, отчасти провалившиеся в могилу.

3. Деревянные перекрытия в верхней части могил (по-видимому, в древности полых), впоследствии перегнившие и обрушившиеся вместе со слоем земли и камней.

4. Наличие в захоронениях оружия, предметов конской сбруи и украшений, которые клались вместе с покойником.

Все перечисленные признаки погребений типичны для одного из наиболее сильных тюркоязычных племен — половцев, господствовавших в южнорусских степях с начала XI в. вплоть до татарского нашествия и кочевавших в них и в последующие столетия (XIV—XV вв.).

Путешественник В. Рубрук, проезжавший в XIII в. через земли половцев и хорошо ознакомившийся с их обычаями, утверждал, что видел наряду с курганами и «пирамидами», т. е. усыпальницами, «другие погребения... а именно большие площади, вымощенные камнями, одни круглые, другие четырехугольные...»¹ Таким

¹ В. Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перевод Малеина. СПб., 1911, стр. 80.

образом, очевидно, что половцы хоронили умерших не только под курганной насыпью, но и просто под каменной вымосткой.

То обстоятельство, что погребенные — европеоиды-брахикраны, нисколько не противоречит тому, что они принадлежали к тюркоязычному кочевому племени, поскольку почти все обследованные черепа из погребений кочевников X—XIII вв. — европеоидны.¹

Обнаруженные в погребениях вещи позволяют нам отнести могильник к концу XIII—началу XIV в. Аналогии костяным колчанным пластинкам, как правило, встречаются в комплексах этого времени как в Заволжье, так и на территории Волго-Днепровского междуречья. К тому же периоду относятся серьги, имеющие форму вопросительного знака, овальное кресало, крупные наконечники стрел и стремя с широкой плоской подножкой.²

Об общем упадке культуры в это время у половецких донских племен свидетельствуют материалы погребения № 3: небрежно сделанные украшения из листовой бронзы никогда не встречались в более ранних погребениях кочевников южнорусских степей X—XII вв.

Однако очевидно, что двое погребенных — довольно богатые воины (погр. № 1 и № 3). Погребение № 1 было даже ограблено в древности. Грабителей, несомненно, привлекли вещи, положенные в могилу.

Интересно, что на грудь воина из погребения № 3 при захоронении была брошена рыба. В более ранний период половцы клали в могилу вместе с покойником куски барана, лошади, коровы. В тяжелое для половецких племен время — в конце XIII—начале XIV в., когда прибрежное население употребляло в основном продукты примитивного земледелия и рыбной ловли, оно и в могилу стало класть эту пищу.

Раскопки, начатые на кочевническом могильнике у Каменной балки, представляют огромный интерес для изучения наименее известного периода в истории Подонья, периода, не отраженного ни в одном из ныне известных письменных источников. Отсутствие последних обязывает историков с особым вниманием относиться к археологическим памятникам этого времени, характеризующим этнический и социальный состав населения, его быт и культуру перед массовым заселением Дона русскими.

¹ В. В. Гинзбург. Антропологические материалы к проблеме происхождения населения хазарского каганата. Сб. МАЭ, АН СССР, 1951, № 13.

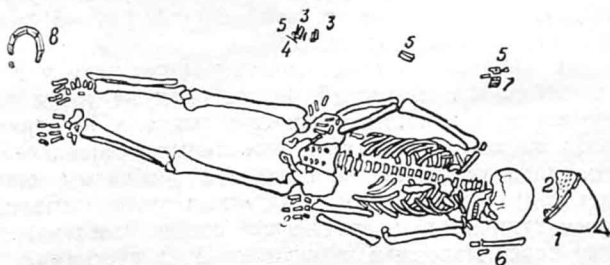
² К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловайка и Политотдельское Сталинградской обл. МИА, 1959, № 60; И. В. Силин. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953). В указ. сб.

А. Н. КИРПИЧНИКОВ

ШЛЕМ XII ВЕКА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ КОЧЕВНИКА
(По материалам раскопок Кобяковской археологической
экспедиции 1960 г.)

Во время раскопок в 1960 г одного из курганов эпохи бронзы у хут. Верхне-Янченкова Багаевского района Ростовской области (примерно в 15 км к востоку от поселка Багаевского) обнаружено впускное погребение (на глубине 0,75 м от поверхности кургана), относящееся к более позднему времени. В этом захоронении при костяке (рис. 1) найдены следующие вещи:

КУРГАН 11
ПОГРЕБЕНИЕ 10

- 1- ШЛЕМ
- 2- БАРИЦА
- 3- ГВОЗДИКИ
- 4- ЖЕЛЕЗНЫЙ СТЕРЖЕНЕК
- 5- КОСТЯНЫЕ ПЕТЛИ
от колчана или налучья
- 6- КОСТЬ ЖИВОТНОГО
- 7- ОБЛОМКИ ЖЕЛЕЗНЫХ УДИЛ
- 8- ЖЕЛЕЗНОЕ СТРЕМЯ

0 50 см

Рис. 1. План погребения.

железный шлем (рис. 2) с остатками кольчужной бармицы (лежал на боку у изголовья), вдоль правой руки — обломки железных удил, две костяные петли и несколько костяных гвоздиков от колчана или налучья (рис. 3), фрагменты нескольких костяных пластинок, среди которых можно опознать срединную накладку

Рис. 2. Шлем

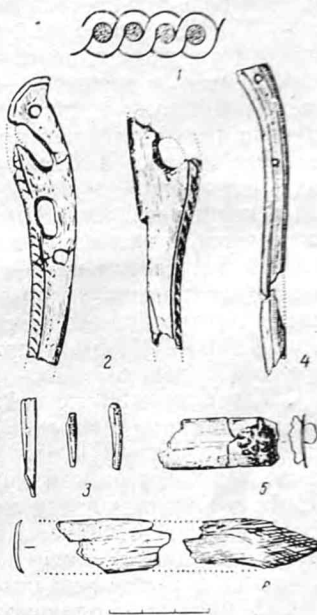

Рис. 3. 1 — прорисовка орнамента навершия и венца шлема; 2 — костяные петли от колчана или налучья; 3 — костяные гвоздики; 4 — костяная пластинка; 5 — накладка седла; 6 — срединная накладка лука.

лука и накладку седла. Костяные петли, украшенные косой нарезкой, находились на расстоянии в 40 см друг от друга, что, по-видимому, определяет их расположение на колчане или налучье. У ступни правой ноги найдены обломки стремени и днище глиняного сосуда. Кроме того, под черепом обнаружена бронзовая подвеска и среди костяных обломков — железный стерженек.

Наиболее интересной вещью является шлем. Он полностью сохранил свою совершенную сферо-коническую форму. Шлемы сферо-конической формы, неуязвимые для прямого удара меча или сабли, соскальзывавших по поверхности тульи, — древнего восточного происхождения; в Азии и Восточной Европе они бытовали в течение всего средневековья и в Московской Руси получили название шишаков.

Корпус шлема склепан из четырех железных пластин и обтянут сплошным медным, по-видимому, золоченым листом. К корпусу прикреплены медное навершие с дырочкой от несохранившегося шпилья и венец, окаймляющий нижний край тульи. По краю венечного обруча имеется 75 отверстий для подвешивания бармицы, оставившей просвет для лица шириной в 10 см. Высота шлема — 20,5 см, основание корпуса — $21,8 \times 19,7$. Высота навершия — 4 см, ширина венца — 1,4.

Навершие и венечный обруч украшены гравированным орнаментом из двух переплетающихся лент (см. рис. 3, 1). Фон гравировки покрыт точечными углублениями. Описанный орнамент не легко поддается хронологическому или этническому определению; ему можно подыскать множество приблизительных аналогий в искусстве древности. Узор из двух переплетающихся лент встречается, в частности, и на различных русских изделиях, начиная с X в.,¹ причем на некоторых городских вещах XII—XIII вв. он совершенно аналогичен рассматриваемому орнаменту. Это дает основания предположить, что шлем (как и все погребение) относится к XII—XIII вв. и принадлежал знатному воину-кочевнику, вероятно, половцу.

Следует сказать, что найденный шлем не является уникальным. Три аналогичных памятника обнаружены также в кочевнических погребениях XII—XIII вв. в Киевском Поросье, Нижнем Поднепровье и в Саратовском Заволжье.² Все они (включая и описываемый экземпляр) почти одинаковы между собой по конструкции и декоративной отделке. Каждый шлем склепан из четырех железных пластин и имеет сплошную медную обтяжку корпуса. Навершия, а также венечные обручи, охватывающие нижний край корпуса, украшены одинаковым по способу нанесения орнаментом (гравировка и чеканка по меди, иногда наличие точечного фона). Все эти шлемы были снабжены кольчужными бармицами.

Обращает на себя внимание сходство формы и техники изготовления указанных выше шлемов из кочевнических погребений с некоторыми древнерусскими образцами. Нарядные медно-золоченные боевые шлемы были распространены в русском войске с X в. Серию этих образцов открывает памятник из Черной могилы у города Чернигова. Хронологически самой поздней является находка из Райковецкого городища (XII—XIII вв.). Золоченные шлемы упомянуты в «Слове о полку Игореве». Древнерусские шлемы, очевидно, довольно рано проникли в Польшу, Венгрию и Самию и вызвали там местные подражания.

Орнаментальные украшения шлемов, несмотря на различие их

¹ МИА, 1956, № 55, рис. 17 (4) на стр. 74; М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., АН СССР, 1958, табл. XVII.

² А. Н. Кирпичников. Русские шлемы X—XIII вв. СА, 1958, № 4, стр. 63 и рис. 8 (1—16); Л. Д. Дмитров. Археологічне вивчення Нікопольщини в 1935—1936 рр. Наукові записки Інституту історії та археології України, кн. II, Київ, 1946, стр. 62—63; Е. К. Максимов. Находка древнерусского шлема в Саратовском Заволжье. СА, 1960, № 4, стр. 190—193.

изобразительных мотивов, имеют определенное стилевое сходство. В них широко используются распространенные мотивы древнерусского искусства — плетение из двух лент в орнаменте ростовского шлема, в отделке поросского — выющаяся ветвь, в оформлении приднепровского — трилистник (так называемая французская лилия), саратовский украшен изображениями птиц.

Сопоставив эти факты, можно предположить, что рассматриваемые шлемы из юго-восточных степных районов изготовлены или на Руси, или, что более вероятно, в кочевнических мастерских Восточной Европы под влиянием русских образцов. Хотелось бы подчеркнуть, что речь может идти о русском происхождении лишь таких конструктивных деталей, как медно-золоченая обтяжка, а также об использовании русских орнаментальных мотивов. К тому же у ряда известных нам кочевнических по происхождению шлемов XII—XIII вв. отсутствуют медная обшивка тульи и какие-либо орнаментальные накладки.

Впрочем, сравнительный анализ затруднен тем, что боевые шлемы встречаются в русских памятниках XII—XIII вв. редко, в то время как в языческих погребениях кочевников эти находки закономерны. Поэтому кочевнические образцы нам известны лучше, чем древнерусские.

Рассмотрение раннесредневековых шлемов позволяет вернуться к одной из наиболее острых проблем отечественного оружейоведения — взаимоотношению русской и кочевнической военной техники. Если в раннекиевский период восточные образцы вооружения оказывали влияние на русское оружие, то в XII—XIII вв. положение изменилось. За последнее время накапливается все больше фактов, свидетельствующих о проникновении в раннесредневековый период русского оружия в среду кочевников. Это оружие половцы и печенеги не только захватывали на поле боя, но и, вероятно, заказывали и покупали у киевских оружейников. При раскопках курганов поросских черных клобуков обнаружено, например, много русского оружия и утвари.¹ Оказалось также, что кочевники носили русские шлемы. Об этом свидетельствует, в частности, экземпляр с изображением св. Прокопия и надписью «Св. Прокоп», найденный в кочевническом погребении в районе г. Ногайска.

Возвращаясь к предмету исследования, можно заключить, что ростовский шлем — это еще один памятник, свидетельствующий о влиянии древнерусской оружейной культуры на причерноморских кочевников.

¹ А. Н. Кирпичников. Погребение воина XII—XIII вв. из южной Киевщины. Сб. ИМАИМ, вып. IV. Л., 1959, стр. 219—225.

ДИКИЕ И ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ НИЗОВЬЕВ ДОНА В ПЕРВЫЕ ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

При раскопках на Кобяковом городище (правый берег Дона, в 30 км восточнее Ростова) экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством С. И. Капошиной за ряд последних лет извлечено большое количество костных остатков домашних и диких млекопитающих и птиц. В 1958 и 1960 гг. определение материала было проведено автором частично на месте, частично в лабораторных условиях. Кости, собранные в 1957 и 1959 гг., были доставлены в Ленинград и исследованы Н. Мельниковой и автором статьи. К настоящему времени определено более пяти с половиной тысяч костей из слоев первых веков н. э.¹ Последующее их изучение и сравнение с материалами из других аналогичных памятников даст возможность судить о значении скотоводства и охоты в хозяйстве племен, живших в Подонье—Приазовье в начале н. э. Очень важны для сопоставления выводы опубликованной в 1960 г. работы В. И. Цалкина о домашних и диких животных Северного Причерноморья (с VII в. до н. э. до первых веков н. э.). Кобяково городище относится к той же группе памятников, и возможен сравнительный анализ его материалов с теми, которые так детально исследованы В. И. Цалкиным. Кроме того, много костных остатков, в сборах и частичной обработке которых принимал участие и автор статьи, извлечено при раскопках поселения Саркел—Белая Вежа (IX—XII вв. н. э.) на Нижнем Дону.

Домашние животные

Видовой состав домашних животных Кобякова городища почти не отличался от видового состава других поселений Северного Причерноморья того же времени (табл. 1). Не обнаружены здесь только остатки буйвола, верблюда и кошки, редко встречающиеся и в материалах других раскопок. Отсутствие костей кошки, впро-

¹ Материалы хранятся в Ленинградском отделении ИА АН СССР.

чем, довольно странно, так как в слоях римского времени ряда причерноморских городов они обнаружены. Вполне вероятно, что при дальнейших более детальных раскопках здесь удастся выявить и этот вид.

Таблица 1

Состав домашних животных Кобякова городища		Найдено костей	Колич. особей	%
Крупный рогатый скот		2422	105	27,6
Мелкий рогатый скот		1310	120	31,8
Лошадь		793	45	12,0
Свинья		328	43	11,5
Осел		47	8	2,1
Собака		650	56	15,0
Итого		5550	377	100,0

Как видно из данных табл. 1, количество особей крупного и мелкого рогатого скота разнится незначительно. Среди костей свиньи, как обычно, часто встречаются остатки молодых особей. Лошади, по всей вероятности, использовались и как мясные животные: кости их в значительной степени разбиты и имеют вид типичных «кухонных остатков». Сравнительно много было собак (15%); костные остатки этого вида сохранились хорошо, часто встречаются совершенно целые кости конечностей, попадаются и черепа.

Сравнение абсолютного числа и относительного количества особей сельскохозяйственных животных Кобякова городища и некоторых других поселений начала н. э. Северного Причерноморья (суммарные данные по В. И. Цалкину) приведены в табл. 2.

Таблица 2

Поселение	Крупный рогатый скот		Мелкий рогатый скот		Свиньи		Лошади	
	Колич. особей	%	Колич. особей	%	Колич. особей	%	Колич. особей	%
Кобяково городище	105	33,6	120	38,3	43	13,7	45	14,4
Другие памятники Северного Причерноморья	283	39,7	261	36,5	52	7,3	118	16,5

Обращает на себя внимание разница в относительном количестве свиней: в Кобяковом городище их было почти в два раза больше. Это обстоятельство особенно интересно, так как, по данным наших исследований, в слоях эпохи бронзы на этом же городище остатки свиней крайне редки. Очевидно, это связано с особенностями хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы.

Несколько отличаются также и количественные соотношения крупного и мелкого рогатого скота. В большей части поселений

этого времени преобладает крупный рогатый скот (39,7% при 36,5% мелкого рогатого скота), в Кобыковом городище наблюдается обратное соотношение: 33,6% крупного рогатого скота и 38,3% мелкого. Относительное количество особей лошади на сравниваемых поселениях примерно одинаково.

Дикие животные

Костные остатки диких животных на Кобыковом городище сравнительно немногочисленны (92 кости — 1,6% к общему количеству найденных костей животных), хотя обилие видов довольно значительно. Есть основания полагать, что охота в отличие от скотоводства не имела большого значения в хозяйственной деятельности населения городища.

Нами определены кости 45 диких животных, что составляет 10,7% от общего числа животных Кобыкова городища. По данным В. И. Цалкина, в некоторых одновременных поселениях Причерноморья процентные соотношения аналогичны: Любимовка — 11,2% диких животных, Новое Кондаковское — 11,9, Старое Кондаковское — 12,5, Петуховка — 9,8%.

Как отмечено, количество особей диких животных составляет 10,7% от числа всех особей млекопитающих, а количество костей — только 1,6%. Это становится понятным, если учесть, что кости крупных домашних животных дробятся человеком в значительно большей степени, чем диких, особенно тех, которые не употребляются в пищу (волк, лисица). От одной особи домашнего скота образуется гораздо больше определенных костей, чем от одной особи диких млекопитающих. Поэтому сопоставление отдельных видов и групп животных по соотношению минимального числа особей ближе соответствует действительности. В то же время, условность и недостаточность этого показателя отмечает К. Л. Паавер,¹ предлагающий для него термин «условное количество особей». Но, поскольку в настоящее время более совершенные методы «остеологической статистики» не разработаны, приходится пользоваться такими далеко не идеальными показателями как «количество костей» и «минимальное или условное количество особей». Применяя предложенный В. И. Громовой² метод определения относительного количества домашних и диких животных к нашему конкретному случаю, получим, что диких животных было 6,2%, а домашних — 93,8%.

Наиболее многочисленны на поселении остатки кабана, волка и лисы (табл. 3), что объясняется особенностями природных условий. Левый берег Дона напротив Кобыкова городища — низкий и заболоченный. Сейчас там нет никакой древесной или кустарниковой растительности, но известно, что сравнительно недавно, вплоть

¹ К. Л. Паавер. К методике определения относительного значения видов и групп млекопитающих в остеологическом материале из раскопок археологических памятников. Изв. АН СССР, т. VII, сер. биол., 1958, № 4.

² В. И. Громова. Остатки млекопитающих из раннеславянских городищ вблизи г. Воронежа. МИА, 1948, № 8.

Название животного	Колич. костей	Колич. особей	%,
Лось (<i>Alces alces</i> L.)	1	1	2,2
Олень (<i>Cervus elaphus</i> L.)	8	5	11,1
Сайга (<i>Saiga tatarica</i> L.)	6	4	9,1
Кабан (<i>Sus scrofa ferus</i> L.)	17	7	15,5
Волк (<i>Canis lupus</i> L.)	12	7	15,6
Лиса (<i>Vulpes vulpes</i> L.)	21	6	13,3
Корсак (<i>Vulpes corsak</i> L.)	1	1	2,2
Хорек (<i>Putorius eversmanni</i> Less.)	1	1	2,2
Куница (<i>Martes martes</i> L.)	2	1	2,2
Барсук (<i>Meles meles</i> L.)	1	1	2,2
Заяц (<i>Lepus</i> sp.?)	15	5	11,1
Бобр (<i>Castor fiber</i> L.)	6	5	11,1
Суслик (<i>Citellus conf. suslicus</i> Pall.)	1	1	2,2
Итого	92	45	100,0

до XVI—XVII вв., по пойме Дона, как и по поймам других южных рек, широколиственные суходольные и плавневые леса доходили до самых морей. Об этом же свидетельствует и материал раскопок поселения Саркел—Белая Вежа, где встречаются кости животных, типичных для лесной фауны. На низких берегах рек, заросших камышом, обитали кабаны, которые служили одним из главных объектов охоты населения городища. Лисы и сейчас частично встречаются в степной зоне, а раньше были особенно многочисленны. Население городища охотилось на них ради меха, и значение добычи лис в охотничьем промысле было существенно. В несколько меньшем количестве добывались бобры. Однако в общем промысел пушных зверей (лисы, куницы и бобра) занимал важное место в охоте населения. Не следует забывать, что некоторая часть костей добытых пушных зверей не попадала на поселение: часть шкур снималась на месте и трупы животных выбрасывались. Поэтому приводимые здесь данные о промысле пушных зверей фактически несколько занижены.

Пойменные леса служили надежным убежищем также и волкам. Вполне вероятно, что население было вынуждено постоянно бороться с этими хищниками, приносящими большой вред скотоводству, чем и объясняется относительно большое количество остатков волков среди костей диких млекопитающих.

Из крупных копытных нередко встречался олень, значительно меньше добывалось лося, хотя он был обычен здесь в то время. Интенсивно велась охота на зайцев. В обширных степях, примыкавших к пойменным лесам, водились сайгаки, которые также становились добычей местных охотников.

Следует добавить, что в материале раскопок 1955 г. на Кобыковом городище В. Э. Мартино обнаружены еще три вида животных, остатков которых не было в исследованном нами материале. Это

косуля (*Capreolus capreolus* L.), ласка (*Mustela nivalis* L.) и водяная полевка (*Arvicola terrestris* L.).

Остатков птиц на городище немного. Найдено всего 4 кости домашней курицы (*Gallus domesticus* L.) от двух особей. По-видимому, кур разводили в очень небольшом числе. Костей гуся (*Anser anser* L.) встречено больше (17 от шести особей). Интересно отметить, что в материалах раскопок поселения Саркел—Белая Вежа количество остатков кур значительно преобладало. На Кобыковом городище найдено также 2 кости лебедя (*Cygnus* sp.?) от одной особи, 2 кости баклана (*Phalacrocorax carbo* L.) от одной особи, 2 кости ворона (*Corvus corone* L.) от двух особей и по одной кости орлана-белохвоста (*Haliaeetus albicilla* L.) и сороки (*Pica pica* L.).

К сожалению, до сих пор почти не определены кости рыб, которых за последние четыре года найдено около 4,5 тысячи. При раскопках часто попадаются места скопления рыбьей чешуи, встречаются и специальные сооружения для копчения рыбы (из данных доклада начальника экспедиции С. И. Копотиной). Все это свидетельствует о том, что роль рыболовства в хозяйственной деятельности населения была очень велика.

ВЫВОДЫ

1. Исследование материала, собранного при раскопках слоев первых веков н. э. на Кобыковом городище, показывает, что решающая роль в хозяйственной деятельности населения принадлежала скотоводству и, по-видимому, рыболовству. Среди домашних животных преобладали лошади, крупный и мелкий рогатый скот, свиньи. Из домашних птиц в небольшом количестве разводили кур и, возможно, гусей.

2. Охота на диких животных служила источником пополнения запасов мяса (кабан, олень), а также велась с целью добычи шкур (лиса, бобр).

3. Природные условия на Нижнем Дону в начале н. э. значительно отличались от современных и, по-видимому, сравнительно мало изменялись до X—XII вв. В пойме рос широколиственный лес. В нем водились лоси, олени, косули, кабаны, волки, бобры, лебеди, гуси и т. д., а в прилегающих степях — сайгаки.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СГАИМК	— Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ЗСКОАИЭ	— Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии
ОАК	— Отчет Археологической комиссии
ИА	— Институт археологии АН СССР
IOSPE	— Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini.
ЗРДОИДП	— Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы
ВДИ	— Вестник древней истории
Тр...АС	— Труды... Археологического съезда
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ЗРГО	— Записки Русского географического общества
ВСКБК	— Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
СА	— Советская археология
ПИМК	— Проблемы истории материальной культуры
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ТСАРАНИИОН	— Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ТОИПКЭ	— Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
Сб. ИМАИМ	— Сборник исследований и материалов артиллерийского исторического музея
ИИМК	— Институт истории материальной культуры АН СССР
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
РОМК	— Ростовский областной музей краеведения
ИРОМК	— Известия Ростовского областного музея краеведения
ТКМ	— Таганрогский краеведческий музей
УЭМГПИ	— Ученые записки Мурманского государственного педагогического института
ГИМ	— Государственный исторический музей
РАИМК	— Российская академия истории материальной культуры
ИРАИМК	— Известия Российской академии истории материальной культуры
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии АН СССР
МАИЧП	— Международная ассоциация по изучению четвертичного периода.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Б. В. Лунин. Археологическое изучение Подонья-Приазовья в дореволюционные и довоенные годы	5
С. М. Марков. Археологические раскопки на Дону в послевоенный период	22
Э. С. Шарфутдинова. Кобяковское поселение эпохи бронзы	40
В. П. Шилов. Золотой клад скифского кургана	52
Д. Б. Шелов. Новые данные о Танаисе (по раскопкам 1955—1961 гг.)	70
А. И. Болтунова. Ранний Танаис (III—II вв. до н. э.)	78
С. И. Капошина. Раскопки Кобякова городища и его некрополя	95
Н. Д. Праслов. Нижнепалеолитические находки в Северном Приазовье	113
С. Н. Братченко. Новое поселение эпохи бронзы в донской дельте	120
Л. С. Клейн. К определению места курильниц в катакомбной культуре	128
С. А. Плетнева. Половецкие погребения в урочище Каменная балка	133
А. Н. Кирпичников. Шлем XII века из погребения кочевника	138
А. В. Таттар. Дикие и домашние животные низовьев Дона в первые века нашей эры	142
Список сокращений	147

Редакторы Е. А. Кюрнилов, С. В. Пономарева
Технический редактор М. И. Павличенко
Корректор С. И. Асланьян

Изд. № 12/186. Стало в набор 11-I 1962 г. Подписано в печать 21-II 1962 г. Формат 60 x 92/16.
Объем 9,25 п. л., 9,3 уч.-изд. л. Тираж 1000. ПК 24036. Цена 65 коп.
Издательство Ростовского университета, Энгельса, 105
Типография им. Калинина Облполиграфиздата Управления культуры в Ростове-на-Дону.
Заказ № 11.